

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Издание полного собрания басен Лафонтена давно составляет потребность русской переводной литературы. Басни Лафонтена принадлежат не одной только французской литературе, - они представляют собою одно из великих явлений литературы всемирной. Значение их не в одних только гениальных литературных достоинствах, но и в том также, что они представляют читателю в аллегорических образах практическую мудрость всех народов: Лафонтен широкою рукой черпал содержание для своих басен, как это ясно из примечаний к ним, не из воображения своего, но главным образом из произведений классического мира (Эзоп, Федр), из произведений индийской и арабской мудрости (Бидпай, Локман) и незначительной частью из старинной французской литературы, носящей на себе печать привлекательного древнегалльского юмора

Издатель приложил все старания, чтобы достойно представить русскому просвещенному обществу "французского Гомера", как Тэн называет Лафонтена. Многочисленные великолепные рисунки, известного прекрасными изображениями животных, французского художника Эженя Ламбера, сделанные, когда уже Лафонтен, был иллюстрирован Гранвилем и позже Доре, не только соперничают с эффектными рисунками последнего художника, но и превосходят их большею реальностью изображений.

1. Стрекоза и Муравей
(La Cigale et la Fourmi)
Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
"Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!"
"Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?"
Говорит ей Муравей.
"До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило".
"А, так ты..." - "Я без души
Лето целое все пела".
"Ты все пела? это дело:
Так поди же, попляши!"
И. Крылов

Содержание басни заимствовано у Эзопа. Она имеется также в сборнике Бабрия (III в. по Р. Х.), собравшего и рассказавшего простым народным языком в стихах многие Эзоповы

басни и, вероятно, писавшего басни самостоятельно. Позже басня эта вызвала множество подражаний как у латинских, так и у многих французских предшественников Лафонтена. На русский язык, кроме Крылова, ее переводили Хемницер и Сумароков. - Руссо в своем "Эмиле" осуждал эту басню, как "учащую детей жестокости"; но, конечно, Лафонтен хотел только осудить беспечность и леность и показать их последствия.

2. Ворона и Лисица

(Le Corbeau et le Renard)

Уж сколько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Ворона и Лисица

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;

На ель Ворона взгромоздясь,

Позавтракать-было совсем уж собралась,

Да позадумалась, а сыр во рту держала.

На ту беду Лиса близехонько бежала;

Вдруг сырный дух Лису остановил:

Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.

Плутовка к дереву на цыпочках подходит;

Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит,

И говорит так сладко, чуть дыша:

"Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие перышки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица,

Ведь ты б у нас была царь-птица!"

Вещуньяина с похвал вскружилась голова,

От радости в зобу дыханье сперло,

И на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло:

Сыр выпал - с ним была плутовка такова.

И. Крылов

То же содержание в баснях Эзопа и Федра, а также в многочисленных им подражаниях, из которых замечательнейшее-в известном средневековом (XII в.) романе о Лисице. Руссо находит басню, как и предыдущую, не нравственной, учащей самой низкой лести. Крылов придал басне, как и предыдущей, русский народный характер.

3. Лягушка и Вол

(La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Boeuf)

Лягушка, на лугу увидевши Вола,

Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:

Она завистлива была

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.

"Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?"

Подруге говорит. "Нет, кумушка, далёко!"

"Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково?

Пополнилась ли я?" - "Почти что ничего".

"Ну, как теперь?" - "Все то ж". Пыхтела да

пыхтела

И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнившись с Волом,
С натуги лопнула и - околела.
Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.

И. Крылов

Содержание басни заимствовано у Федра. В измененном виде эту басню рассказывает Гораций в конце одной из своих сатир.

Лягушка и Вол

4. Два Мула

(Les deux Mulets)

Два Мула шли дорогою одной:
Один-с овсом, другой-с казной.
Последний, ношею тщеславясь драгоценной,
Расстаться ни за что б не захотел с мешком;
Звеня привешенным звонком,
Он плавно выступал походкою надменной,
Когда разбойники вдруг, на его беду,
Откуда ни возьмись, прельщенные деньгами,
Его схватили за узду.

Вот Мул уж окружен врагами

И, защищаяся, ударами сражен,

Вздыхает, жалуется он:

"Увы! Такую ли я ждал себе награду?

Опасности избег товарищ мой,

Меж тем как гибну я - попавшийся в засаду!"

"Приятель, - Мул сказал другой,

Грозят опасности тому, кто высоко поставлен.

Ты был бы от беды избавлен,

Будь ты, как я, лишь мельника слугой".

О. Чюмина.

Сюжет заимствован у Эзопа и Федра.

5. Воля и Неволя

(Le Loup et le Chien)

Волк, долго не имев поживы никакой,

Был тощ, худой

Такой,

Что кости лишь одни да кожа.

И Волку этому случись

С Собакою сойтись,

Которая была собой росла, пригожа,

Жирна,

Дородна и сильна.

Волк рад бы всей душой с Собакою схватиться,

И ею поживиться;

Да полно для того не смел,

Что не по нем была Собака,

И не по нем была бы драка.

И так, со стороны учтивой подошел;

Лисой к ней начал подбиваться:

Ее дородству удивляться
И всячески ее хвалить.
"Не стоит ничего тебе таким же быть",
Собака говорит, - "как скоро согласишься
Идти со мною в город жить.
Ты будешь весь иной, и так переродишься,
Что сам себе не удивишься.
Что ваша жизнь и впрямь? Скитайся все, рыщи,
И с горем пополам поешь чего ищи:
А даром и куском не думай поживиться:
Все с бою должно взять!
А это на какую стать?
Куда такая жизнь годится?
Воля и неволя
Ведь посмотреть, так в чем душа-то право в вас!
Не евши целы дни, вы все как испытые,
Поджарые, худые!
Нет! то-то жизнь-то, как у нас!
Ешь не хочу!-всего, чего душа желает!
После гостей
Костей, костей;
Остатков от стола, так столько их бывает,
Что некуда давать!
А ласки от господ, уж подлинно сказать!"
Растаял Волк, услыша весть такую,
И даже слезы на глазах
От размышления о будущих пирах.
"А должность исправлять за это мне какую?"
Спросил Собаку Волк. "Что? должность? ничего!
Вот только лишь всего:
Чтоб не пускать на двор чужого никого,
К хозяину ласкаться,
И около людей домашних увиваться!"
Волк, слыша это все, не шел бы, а летел;
И лес ему так омерзел,
Что про него уж он и думать не хотел;
И всех волков себя счастливее считает.
Вдруг на Собаке он дорогой примечает,
Что с шеи шерсть у ней сошла.
"А это что такое,
Что шея у тебя гола?"
"Так, это ничего, пустое".
"Однако нет, скажи".-"Так, право ничего.
Я чаю
Это оттого,
Когда я иногда на привязи бываю".
"На привязи? - тут Волк вскричал,
Так ты не все живешь на воле?"
"Не все. Да полно, что в том нужды?" - Пес
сказал.
"А нужды столько в том, что не хочу я боле
Ни за что всех пиров твоих:

Нет, воля мне дороже их;
А к ней на привязи, я знаю, нет дороги!"
Сказал, и к лесу дай Бог ноги.
Хемницер.

Содержание заимствовано у Эзопа и Федра. Хемницер ту же мысль и почти в той же форме выразил в другой басне: "Западня и птичка".

6. Лев на ловле
(La Genisse, la Chevre et la Brebis en societe avec Le Lion)
Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей сообща ловить,
И что наловится, все поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала
И шлет к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Дележ располагает
И говорит: "Мы, братцы, вчетвером".
И начетверо он оленя раздирает.
"Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
Лев на ловле
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет".
И. Крылов.

Крылов несколько изменил басню Лафонтена, заменив персонажей у последнего: телку, козу и овцу - хищными собакой, волком и лисицей. Лафонтен следовал в своем рассказе Эзопу и Федру, но критика справедливо находила странным сообщество льва с нехищными животными и дележ между ними пищи, в которой ни телка, ни коза, ни овца не нуждались. В старинном романе о Лисице, как и у Крылова, сообщниками в охоте и дележе взяты лев, волк и лисица. Кроме Крылова, басню переводили Хемницер ("Львиный дележ") и Тредьяковский ("Лев, телица, коза и овца"), сохранив неизменным и содержание, и персонажей Лафонтеновой басни, а также Державин, заменив персонажей Лафонтена Медведем, Лисой и Волком.

7. Карман
(La Besace)
Однажды объявил Юпитер всемогущий:
- Пускай все то, что дышит и живет,
К подножью моему предстанет в свой черед.
Е если чем-либо в природе, им присущей,
Хотя один доволен не вполне
Пусть безбоязненно о том заявит мне:
Помочь беде согласен я заране.

По праву слово Обезьяне
Предоставляю я. Взгляни
На остальных зверей, наружность их сравни
Карман
С твоею собственной. Довольна ль ты собою?
- "А почему же нет?
Я не обижена судьбою!
Она промолвила в ответ.
И, кажется, ничем других не хуже.
А вот в Медведе все настолько неуклюже,
Что братцу моему дала бы я совет,
Чтоб он не позволял писать с себя портрет!
Тут выступил Медведь,-но от него напрасно
ждали жалоб;
Найдя, что сам сложен прекрасно он,
Глумился он над тем, как безобразен Слон:
-Вот уши уменьшить кому не помешало б,
Прибавив кое что к хвосту!
Не лучше в свой черед отнесся Слон к Китю:
На вкус его тот слишком был громаден.
А Муравей, в суждениях беспощаден,
Нашел, что Клещ чрезмерно мал,
(Себя же самого гигантом он считал).
Так, выслушав всех неліцеприятно,
Довольный, отослал Юпитер их обратно.
Но люди более всего
Явились тут в суждениях нелепы,
Себе прощая все, другим же-ничего...
Мы к собственным порокам слепы,
А для грехов чужих имеем рысий взгляд.
Всех на один и тот же лад
Нас мастер вылепил: свои изъяны
Подалее от глаз
Мы прячем, в задние карманы,
Грехи же ближнего мы носим напоказ.
О. Чюмина.

Сюжет-у Эзопа и Федра, а также в басне латинского поэта IV в. по Р. Х. Руфия Феста Авиана (Simia et Jupiter).

8. Ласточка и Птички
(L'Hirondelle et les petits Oiseaux)
Летунья Ласточка и там, и сям бывала,
Про многое слыхала,
И многое видала,
А потому она
И боле многих знала.
Пришла весна,
И стали сеять лен. "Не по сердцу мне это!
Пичужечкам она твердит.
-Сама я не боюсь, но вас жаль; придет лето,
И это семя вам напасти породит,
Произведет силки и сетки,
И будет вам виной

Иль смерти, иль неволи злой;
Страшитесь вертела и клетки!
Но ум поправит все, и вот его совет:
Слетитесь на загон и выключите все семя".
"Пустое!-рассмеясь, вскричало мелко племя.
Как будто нам в полях другого корма нет!"
Чрез сколько дней потом, не знаю,
Лен вышел, начал зеленеть,
А Птичка ту же песню петь:
"Эй, худу быть! еще вам, Птички, предвещаю:
Не дайте льну созреть;
Вон с корнем! или вам придет дождаться лиха!"
"Молчи, зловещая вралиха!
Вскричали Птички ей.
Ты думаешь легко выщипывать все поле!"
Еще прошло десяток дней,
А может и гораздо боле;
Лен вырос и созрел.
"Ну, Птички, вот уж лен поспел;
Ласточка и птички
Как хотите меня зовите,
Сказала Ласточка, - а я в последний раз
Еще пришла наставить вас:
Теперь того и ждите,
Что пахари начнут хлеб с поля убирать,
А после с вами воевать:
Силками вас ловить, из ружей убивать
И сетью накрывать;
Избавиться такого бедства
Другого нет вам средства,
Как дале, дале прочь. Но вы не журавли,
Для вас ведь море край земли;
Так лучше ближе приютиться,
Забиться в гнёздышко, да в нем не шевелиться".
"Пошла, пошла! других стращай
Своим ты вздором!
Вскричали Пташечки ей хором.
А нам гулять ты не мешай!"
И так они в полях летали, да летали,
Да в клетку и попали.
Всяк только своему рассудку вслед идет:
А верует беде не прежде, как придет.
Дмитриев.
Сюжет заимствован у Эзопа.
9. Городская и полевая Крысы
(Le Rat de ville et le Rat de champs)
Однажды Крыса городская
На пир к себе землячку позвала.
Землячка ж та была
Провинциалка - Крыса полевая.
Вот гостя в барский дом является на зов.
Там в зале, на ковре французском,

Хозяйка ждет ее. Обед уже готов,
И счету нет всем яствам и закускам.
Какая роскошь! подлинно что рай!
С господского стола за месяц все объедки,
Приберегла хозяйка для соседки
Что хочешь, то и выбирай!
Тут, на сказав любезностей несчетно,
И весело болтая всякий вздор,
Уселись Крысы на ковер
И принялись за яства беззаботно.
Вдруг слабый шум раздался у дверей...
Хозяйка взвизгнула, кричит: "Беги скорей!"
И в угол шмыг; за нею гостья следом.
Но вскоре шум замолк, и потчевать обедом
Хозяйка гостью снова начала.
"Пойдем, - промолвила она,
Теперь все тихо, слава Богу!"
А гостья ей в ответ:
"Нет, милая, прощай! Хоть вкусен твой обед,
А мне пора в дорогу.
Прошу теперь ко мне: я ем не на коврах,
И редких блюд таких в деревне не бывает,
Зато в обеде мне никто уж не мешает,
И радостей моих не прерывает страх".
Г-г.

Содержание этой Эзоповой басни искусно рассказано также в одной из сатир Горация. На русский язык она, как и предшествующие 2, 3, 4 и 5, отдаленно переведена Сумароковым, вообще охотно перелагавшим басни Лафонтена.

Городская и полевая Крысы
10. Волк и Ягненок
(Le Loup et l'Agneau)
У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.
Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: "Как смеешь ты, наглец, нечистым
рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву".
"Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу".

"Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!"
"Помилуй, мне еще и отроду нет году",
Ягненок говорит. "Так это был твой брат".
"Нет братьев у меня". - "Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Волк и ягненок
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И, если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи".
"Ах, я чем виноват?"-"Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать".
Сказал и в темный лес Ягненка поволок.
И. Крылов.

Сюжет заимствован у Эзопа и Федра. Кроме Крылова, басню эту переводили на русский язык также Тредьяковский, Сумароков и Державин.

11. Человек и его Изображение
(L'Homme et son Image)
Герцогу де Ларошфуко.
Жил некто; сам себя любя,
И без соперников, на диво
Считал красавцем он себя,
Найдя, что зеркала показывают криво.
И счастлив был, гордясь собой,
Он в заблуждении упрямом.
Представлены услужливой судьбой,
Советники, столь дорогие дамам,
Напрасно перед ним являлися гурьбой
Повсюду зеркала: в окне у фабрикантов,
На поясе у модниц и у франтов,
Во всех домах! И вот, страшась зеркал,
Что делает Нарцисс?- бежит в уединенье.
Но там ручей прозрачный протекал.
Разгневанный, в недоуменьи,
В струях свое он видит отраженье
И прочь бежит от светлого ручья,
Но сожаленье затая:
Настолько тот ручей заманчив и прекрасен.
Смысл этой басни очень ясен:
Тот, кто в себя без памяти влюблен
Души подобье нашей он,
А зеркала-чужие заблужденья;
Нам образ наш являют зеркала
В правдивом воспроизведенье.
Ручей же, чья вода светла
Составленное в назиданье
Полезных "правил" мудрое собранье.

О. Чюмина.

Сюжет басни принадлежит самому Лафонтену. Герцог Франсуа де Ларошфуко (1613-1680) был другом и покровителем Баснописца. В конце басни Лафонтен намекает на его книгу "Reflexions et Maximes morales", вышедшую первым изданием в 1666 году. Предполагают, что сама идея басни внушена Лафонтену рисунком на заглавном листе этой книги. На этом рисунке изображен нагой Амур, срывающий с лица бюста Сенеки маску вместе с прикрепленным к ней лавровым венком и с сардонической улыбкою указывающий пальцем на обезображенную угрызениями совести фигуру философа. На пьедестале бюста надпись: Quid vetat.

12. Стоглавый и стохвостый Драконы
(Le Dragon a plusieurs tetes et le Dragon a plusieurs queues)

У императора посланник падишаха
(Гласит предание) держал себя без страха,
И силы сравнивал обеих их держав.
Тут немец вымолвил, слова его прервав:
- У князя нашего есть многие вассалы,
Владенья чьи воистину не малы,
И каждый, в силу данных прав,
Своею властью, на помощь господину
Способен выставить наемную дружину.
Но рассудительно сказал ему чауш¹ :
- Я знаю, кто и сколько душ
Здесь может выставить, и это очень живо
Напоминает мне рассказ,
В котором все хоть странно, но правдиво.
Из-за ограды как-то раз
Дракон предстал мне стоголовый,
На жертву броситься готовый.
Смертельным ужасом томим,
Я чувствовал, что кровь моя застыла в жилах;
Но страхом я отделался одним:
Достать меня он был не в силах.
Об этом думал я, когда Дракон другой
Стохвостый, но зато с одною головой,
Явился мне. Затрепетал я снова,
Увидев, как прошла сперва
В отверстие Дракона голова,
Путь проложив затем для остального.
Ваш господин - даю в том слово
Подобье первого, а мой-второго.

О. Чюмина.

13. Осел и Воры
(Les Voleurs et l'Ane)

Украва вдвоем Осла, сцепились два Вора.
"Он мой!" - кричит один. "Нет, мой!"
В ответ ему вопит другой.
До драки вмиг дошла их ссора:
Гремит по лесу шумный бой,
Друг друга бьют они без счету и без толку;
А третий Вор меж тем, подкравшись втихомолку,
Схватил Осла за холку
И в лес увел с собой.

Не так же ль точно часто поступают
Державы сильные со слабою страной?!
Из-за нее заводят спор между собой,
Одна другую в битвах поражают,
И обе ничего не достигают;
А третий кто-нибудь без шума и хлопот
Добычу их себе берет.
Г-г.

Сюжет заимствован у Эзопа. В басне Лафонтен делает намек на владевшую тогда вниманием всей Европы борьбу Священной Римской Империи с Турцией из-за Семиградской области. На русский язык басня переведена Сумароковым ("Воры и Осел").

14. Предостережение богов

Симониду
(Simonide, preserve par les Dieux)
Перехвалить нельзя, хваля
Богов, любовницу и короля,
Сказал Малерб. Согласен с этим я,
И это правило всегда блюсти нам надо:
Лесть и спасет, и охранит.
Но вот как в древности платили боги
За похвалы. Однажды Симонид
Атлета восхвалить хотел в высоком слоге;
Но, рассмотрев поближе свой сюжет,
Увидел, что почти в нем содержанья нет.
О чем писать? Родители Атлета
Совсем неведомы для света:
Отец его - лишь скромный мещанин,
Для песнопения предмет ничтожный;
Известен лишь Атлет один.
И вот Поэт, сказав о нем, что лишь возможно,
Отвлекся в сторону: поставил
В пример всем доблестным борцам
Кастора и Поллукса, их прославил,
Да так, что похвала сим славным близнецам
Две трети заняла в создании Поэта
И только треть осталась для Атлета.
Когда Атлет прочел стихотворенье,
Он не обещанный талант Поэту дал,
А только треть одну; причем сказал,
Что за другие две вознагражденье
Дать Симониду те должны,
Кому они посвящены.
"Но все ж тебя я угостить желаю,
Прибавил тут Атлет; - приди на пир в мой дом,
Куда я избранных сегодня приглашаю:
В кругу друзей, родных мы время проведем".
Согласен Симонид. Быть может, он страшился,
Чтоб также и похвал, как денег, не лишился.
На славу праздник был:
Всяк веселился, ел и пил.
Вдруг подошел слуга к Поэту торопливо
И заявил, что у ворот

Два незнакомца ждут его. И вот
Пошел Поэт, а за столом шумливо,
Меж тем, все гости пьют, едят,
И тратить время не хотят.
Те незнакомцы - были близнецами,
Воспетыми его стихами.
Из благодарности за похвалы его
Они ему велели удалиться
Скорее с пиршества того:
Атлета дом был должен обвалиться.
Пророчеству свершиться суждено;
Подгнивший потолок внезапно обвалился
На пиршественный стол, на яства, на вино,
На головы гостей; пир грустно прекратился.
Чтоб совершилась месть полней
За оскорбление Поэта
Сломало балкой ноги у Атлета,
И искалеченных гостей
Спешили унести скорей.
Об этом случае прошла молва повсюду,
Дивился всяк такому чуду,
И вдвое начали ценить
Стихи певца, любимого богами.
И каждый добрый сын был рад ему платить,
Как можно более, чтоб предков восхвалить
Его стихами
Я возвращаюсь к теме. Я сказал,
Что лучше не жалеть похвал
Нам для богов; к тому ж для Мельпомены
Нет униженья торговать стихом,
И следует при том
Искусству нашему знать цену.
От высших милость - честь для нас;
Олимпу некогда был друг и брат - Парнас.
Ф. Зарин.

Басня заимствована у Федра, а также у Цицерона. Симонид - греческий поэт (558-468 до Р. Х.), от которого сохранились незначительные отрывки; известны его элегии, лирических же стихотворений, восхваляющих атлетов, от него не осталось.

15. Смерть и Несчастный
(La Mort et le Malheureux)
Один Несчастный каждый день
Звал Смерть к себе, в надежде облегченья.
Он говорил: "Прерви мои мученья!
Приди за мной, возлюбленная тень!"
Не отказала Смерть ему в услуге;
И вот открылась дверь, идет к нему она.
Но, увидав ее, он закричал в испуге:
"Что вижу я! Уйди! Ты мне страшна!
При взгляде на тебя кровь в жилах леденеет,
Могильным холодом твое дыханье веет!
Не подходи!
О Смерть! о Смерть! Уйди!"

Вельможный Меценат, проживший столь беспечно,
Сказал: хотел бы жить я вечно
Как нищий, жалкий и больной,
Но только б жить! до сени гробовой
Я жизни буду более чем рад!
"О Смерть, не приходи!" Так все тебе твердят.

Ф. Зарин,

Эзоп разработал эту тему иначе, как ясно из следующей басни. Я написал свою, желая дать содержанию более общий характер. Но некто показал мне, что я поступил бы несравненно лучше, придерживавшись оригинала, что я пропустил одну из прекраснейших черт, подмеченных Эзопом. Это заставило меня исправить мою ошибку. Нам не превзойти древних; на нашу долю они оставили лишь славу хороших последователей. Но я присоединяю мою басню к басне Эзопа не потому, что она заслуживает этого, но из-за прекрасного, находящегося в ней, имени Мецената, которое так идет к содержанию басни; я не счел себя вправе выбросить его. Приводимые в басне слова приписываются Меценату Сенекою.

Лафонтен.

16. Крестьянин и Смерть

(La Mort et le Bucheron)

Набрав валежнику порой холодной, зимней,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжелой ношей дров.

Нес, нес он их и утомился,

Остановился,

На землю с плеч спустил дрова долой,

Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:

"Куда я беден, Боже мой!

Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети,

А там подушное, боярщина, оброк...

И выдался ль когда на свете

Хотя один мне радостный денек?"

В таком унынии, на свой пеняя рок,

Зовет он Смерть: она у нас не за горами,

А за плечами.

Явилась вмиг

И говорит: "Зачем ты звал меня, старик?"

Увидевши ее свирепую осанку,

Едва промолвить мог бедняк, оторопев:

"Я звал тебя, коль не во гнев,

Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку".

Из басни сей

Нам видеть можно,

Что как бывает жить ни тошно,

А умирать еще тошней.

И. Крылов.

Займствовано у Эзопа (см. предыдущее примечание), - на русский язык эту басню, кроме Крылова, переводили Тредьяковский, Сумароков, Державин, Хвостов.

17. Мужчина средних лет и его две Возлюбленные

(L'Homme entre deux ages et ses deux Maitresses)

Мужчина средних лет, заметив седину,

Которая в кудрях его блистала,

Решил, что для него избрать себе жену
Теперь как раз пора настала.
Он был владельцем капитала,
А потому
Мог выбирать: понравиться ему
Желали все. Он не спешит однако:
Ведь дело здесь касалось брака.
Две вдовушки приобрели права
Над сердцем зрелого поклонника и чувством.
Была моложе первая вдова,
Но старшая была одарена искусством
Восстанавливать успешно то,
Что было у нее природой отнято.
И обе вдовушки исправно,
Среди веселья, смеха и услад,
Его на свой причесывали лад,
И голову притом намыливали славно.
Меж тем как старшая из них по волоску,
Своих корыстных целей ради,
Все темные выдергивала пряди,
Другая седину щипала бедняку.
Жених, оставшись лыс, заметил эту штуку.
- Спасибо, - молвил он, - красотки, за науку.
Пусть вами я ошипан наголо,
Зато в другом мне повезло:
О свадьбе мы отложим попеченье.
Которую б из вас ни выбрал я женой
Она по-своему вертеть захочет мной.
Ценой волос купил я избавленье,
И голове плешивой в прок
Пойдет, красотки, ваш урок!
О. Чюмина.

Сюжет заимствован у Эзопа и Федра. На русском языке отдаленный перевод
Сумарокова.

18. Лисица и Аист
(Le Renard et la Cigogne)
Лиса, скупая от природы,
Вдруг хлебосолокою затеяла прослыть.
Да только как тут быть,
Чтоб не вовлечь себя в излишние расходы?
Вопрос мудрен - решит его не всяк,
Но для Лисы такой вопрос пустяк:
Плутовка каши жидкой наварила,
Ее на блюдо тонко наложила,
И Аиста зовет преважно на обед.
На зов является сосед,
И оба принялись за поданное блюдо.
Ну, кашка, хоть куда! Одно лишь худо,
Что Аист есть так не привык:
Он в блюдо носом тык да тык,
Но в клюв ему ни крошки не попало;
А Лисанька меж тем в единый миг

Всю кашу языком слизала.
Вот Аист в свой черед,
Чтоб наказать Лису, а частью для забавы,
Ее на завтра ужинать зовет.
Нажарил мяса он, сварил к нему приправы,
На мелкие кусочки накрошил
И в узенький кувшин сложил.
Меж тем Лиса, почуяв запах мяса,
Пришла голодная, едва дождавшись часа,
И ну, что было сил,
Давай вокруг стола юлить и увиваться
И щедрости сосуда удивляться.
Но лесть ей тут не помогла:
По клюву Аисту кувшин пришелся впору,
У гостыи ж мордочка чресчур была кругла...
Лисица и Аист
И жадная Кума ни с чем, как и пришла,
Поджавши хвост, к себе убралась в нору.
Г-т.

Заимствовано у Федра. Была переведена Сумароковым ("Лисица и Журавль").

19. Учитель и Ученик

(L'Enfant et le Maitre d'ecole)

Шалун великий, Ученик,
На берегу пруда резвяся, остуился,
И в воду опустясь, ужасный поднял крик.
По счастью за сук он ивы ухватился,
Которая шатром
Нагнула ветви над прудом.
На крик Ученика пришел его Учитель,
Престрогий человек и славный сочинитель.
"Ах, долго ли тебе во зло употреблять
Мое примерное терпенье?
Воскликнул педагог. - Не должно ль наказать
Тебя за шалости, дурное поведенье?
Несчастные отец и мать! жалею вас!
Ну как пойдешь ты мокрый в класс?
Не станут ли тебе товарищи смеяться?
Чем здесь в пруду купаться,
Учил бы лучше ты урок.
Забыл ты, негодяй, мои все приказанья;
Забыл, что резвость есть порок!
Достоин ты, весьма достоин наказанья;
И, ergo, надобно теперь тебя посечь".
Однако же педант не кончил этим речь,
Учитель и Ученик
Он в ней употребил все тропы и фигуры
И декламировал, забывшись до того,
Что бедный ученик его,
Который боязлив и слаб был от природы,
Лишился вовсе чувств, как ключ пошел на дно.
Без разума ничто учение одно.
Не лучше ль мне поторопиться

Помочь тому, кто впал от шалости в беду?
За это ж с ним браниться
И после время я найду.
Измайлов.

Займствована из сборника басен на арабском языке, относящегося к XII или XIII веку и известного под названием "Локман". По арабскому мифическому сказанию Локман был мудрец, живший до Магомета. Басня рассказана также у Рабле (в "Гаргантюа и Пантагрюель"). На русский язык басня переведена также Сумароковым ("Учитель и Ученик").

20. Петух и Жемчужное Зерно
(Le Coq et la Perle)
Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное зерно
И говорит: "Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно".
Петух и жемчужное зерно
Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то всё у них пустяк.
И. Крылов.

Займствовано у Федра. На русской язык, кроме Крылова, басню переводили Тредьяковский, Сумароков, Хвостов.

21. Шершни и Пчелы
(Les Frelons et les Muches a miel)
По мастерству и мастер нам знаком.
Нашлись оставленные кем-то соты,
Е рой Шершней, корыстные расчеты
Лелявший тайком,
Их объявил своими смело.
Противиться им Пчелы стали тут,
И вот, своим порядком в суд
К большой Осе перенесли все дело.
Но как постановить в той тяжбе приговор?
Свидетели согласно утверждали:
Близ сотов все они видали
С давнишних пор
Жужжащих, длинных насекомых,
Крылатых и весьма напоминавших Пчел;
К несчастью, любой из признаков знакомых
К Шершням бы также подошел.
Стремясь пролить возможно больше света,
Оса и Муравьев к допросу привлекла.
Увы! Не помогло и это!
Взмолилась тут одна Пчела:
"Помилосердствуйте! Прошло уже полгода,
И портятся запасы меда;
Успела тяжба разрастись,
Из медвежонка став медведем.
Ведь эдак далеко мы, право, не уедем!"

Судье нельзя ли обойтись
Без пререканий и отсрочек,
Запутанностей всех и разных проволочек?
Пусть просто разрешат с Шершнями нам сейчас
Приняться для добычи меда за работы:
Тогда увидели бы, кто из нас
Из меда сладкого умеет делать соты?"
Но от Шершней на это был отказ,
И Пчелам отданы поэтому Осой запасы меда.
О, если бы дела такого рода
Имели все подобный же конец!
Хоть Турцию бы взять себе за образец
И здравый смысл-взамен законов свода!
Избавлены от лишнего расхода,
И не дразня судейских аппетит,
От нестерпимых волокит
Мы не страдали б бесконечно.
Ведь устрица, в конце концов,
Судье останется, конечно,
И лишь скорлупки для истцов.
О. Чюмина.

Заимствована у Федра.

22. Дуб и Трость

(Le Chêne et le Roseau)

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.
"Поистине, роптать ты вправе на природу,
Сказал он,- воробей, и тот тебе тяжел.
Чуть легкий ветерок подернет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабеть
И так нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваяся и вихрям и грозам,
Стою и тверд и прям,
Как будто б огражден ненарушимым миром:
Тебе всё бурей - мне всё кажется зэфиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья".
"Ты очень жалостлив,-сказала Трость в ответ,
Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что еще доселе их свирепость
Твою не одолела крепость
И от ударов их ты не склонял лица;

Но-подождем конца!"

Дуб и Трость

Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождем шумящий аквилон.
Дуб держится,- к земле Тростиночка припала,
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел-и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

И. Крылов.

Сюжет заимствован у Эзопа и у Авиана (см. примеч. к басне 7).

1 Чиновник, передающий волю падишаха и вводящий к нему посланников.

23. К тем, кому трудно угодить

(Contre ceux qui ont le gout difficile)

Когда бы при моем рожденье Каллиопа
Мне принесла дары избранников ее
Я посвятил бы их на выдумки Эзопа;
Во все века обман с поэзией-друзья.
Но не настолько я в почете у Парнаса;
В подобных басенках всегда нужна прикраса,
Которая им блеск особый придает.
Я делаю почин в той области: черед
За тем, кто более с иіусеае знаком.

А все ж мне удалось-особым языком
Заставить говорить и Волка, и Ягненка,
И мной растениям ниспослан слова дар.
Ужели в этом всем не видите вы чар?

"Не велика заслуга-побасёнка,
Лишь годная для малого ребёнка,
Чтоб говорить о ней с подобной похвальбой!"

Мне голос критика насмешливого слышен.
Извольте! Род себе я изберу другой,
Он ближе к истине и более возвышен:

"Троянцы, десять лет в стенах окружены,
Геройски вынося все ужасы осады,
Успели утомить пришельцев из Эллады.

Напрасно эллины, отвагою полны,
Ценою тысячи внезапных нападений
И сотни приступов, и яростных сражений,
Пытались покорить надменный Илион,
Пока, Минервою самой изобретен
На верную погибель Илиона,
Там деревянный конь в свое не принял лоно
Улисса мудрого, Аяксов храбрецов
С неустрашимым Диомедом,
Которым он с дружиной их бойцов
Открыл врата Троянские к победам,
Предав им, в городе врагов,
На жертву все, включая и богов.
Так, утомленные трудами,
Искусной хитрости плодами

Воспользовались мастера".
- Довольно! Дух перевести пора!
Воскликнут критики. - Троянская столица
И конь из дерева, герои прежних дней
Все это кажется странней
И дальше нам, чем хитрая лисица,
Плененная вороньим голоском
И напевавшая любезности вороне...
Вам не годится петь в таком
Возвышенно-геройском тоне,
Не всякому по силам он.
Согласен я понизить тон:
"Амариллиссою ревнивой и влюбленной
Под кущею зеленой
Алкинн в мечтаньях призываем был,
И мнилось ей: тоски ревнивой пыл
Свидетелем имел собак ее и стадо,
Меж тем как не сводя с пастушки юной взгляда
Услышал Тирс, укрывшись между ив,
К Зефиру нежному из уст ее призыв..."
Но тут упрек предчувствую заране:
- Позвольте, рифма так плоха
И так неправильна, что эти два стиха
Весьма нуждаются в чекане.
Злодей, да замолчишь ли ты?
Понравиться тебе - напрасные мечты!
Разборчивый всегда несчастен,
Затем, что угодить никто ему не властен.
О. Чюмина

Сюжет заимствован у Федра. Рассказ о троянцах-вольный перевод из "Энеиды"
Виргилия.

24. Совет Мышей
(Conseil tenu par les Rats)
В мучном амбаре Кот такой удалой был,
Что менее недели
Мышей до сотни задавил;
Десяток или два кой-как уж уцелели
Е спрятались в норах.
Что делать? выйти- страх;
Не выходить-так смерти ждать голодной.
На лаврах отдыхал Кот сытый и дородный.
Однажды вечером на кровлю он ушел,
Где милая ему назначила свиданье.
Слух до Мышей о том дошел:
Повыбрались из нор, открыли заседание
И стали рассуждать,
Какие меры им против Кота принять.
Одна Мышь умная, которая живала
С учеными на чердаках
И много книг переглодала,
Совет дала в таких словах:
"Сестрицы! отвратить грозящее нам бедство

Я нахожу одно лишь средство,
Простое самое. Оно в том состоит,
Совет Мышей
Чтоб нашему злодею,
Когда он спит,
Гремушку привязать на шею:
Далеко ль, близко ль Кот, всегда мы будем знать,
И не удастся нас врасплох ему поймать!"
- Прекрасно! ах, прекрасно!
Вскричали все единогласно.
Зачем откладывать? как можно поскорей
Коту гремушку мы привяжем;
Уж то-то мы себя докажем!
Ай, славно! не видать ему теперь Мышей
Так точно, как своих ушей!
-Все очень хорошо; привязывать кто ж станет?
- Ну, ты. - Благодарю!
- Так ты. - "Я посмотрю,
Как духа у тебя достанет!
- Однако ж надобно. - Что долго толковать?
Кто сделал предложенье,
Тому и исполнять.
Ну, умница, свое нам покажи уменье.
И умница равно за это не взялась...
А для чего ж бы так?... Да лапка затряслась!
Куда как, право, чудно!
Мы мастера учить других!
А если дело вдруг дойдет до нас самих,
То исполнять нам очень трудно.
Измайлов.

Содержание басни заимствовано из сборников басен Абстемия (псевдоним писателя XV в. профессора изящной словесности Бевиляква) и Габриэля Фаерна (1500-1561), друга папы Пия IV, издавшего на латинском языке "Nті басен, выбранных из древних авторов". На русский язык, кроме Измайлова, басню перевел Тредьяковский ("Мыший Совет").

25. Волк и Лисица на суде перед
Обезьяной
(Le Loup plaidant contre le Renard par-devant le Singe)
Волк подал просьбу Обезьяне,
В ней обвинял Лису в обмане
И в воровстве; Лисицы нрав известен,
Лукав, коварен и нечестен.
И вот на суд Лису зовут.
Без адвокатов дело разбиралось,
Волк обвинял, Лисица защищалась;
Конечно, всяк стоял за выгоды свои.
Фемиде никогда, по мнению судьи,
Не выпадало столь запутанного дела...
И Обезьяна думала, кряхтела,
А после споров, криков и речей,
И Волка, и Лисы отлично зная нравы,
Она промолвила: "Ну, оба вы неправы;
Давно я знаю вас..."

Свой приговор прочту сейчас:
Волк виноват за лживость обвиненья,
Лисица же виновна в ограбленьи".
Судья решил, что будет прав,
Наказывая тех, в ком воровской есть нрав.
Ф. Зарин.

Некоторые здравомыслящие люди считали невозможным подобный самопротиворечивый приговор. Но я в своей басне следовал Феду, И по-моему, именно в противоречиях приговора и заключается вся соль.

Лафонтен.

Волк и Лисица на суде перед Обезьяной

26. Два Быка и Лягушка

(Les deux Taureaux et la Grenouille)

Из-за телушки молодой

Друзья Быки вдруг сделались врагами,

Сцепились грозными рогами

И начали ужасный бой.

То видя, в страхи спряталась одна Лягушка.

- Что случилось с тобой, квакушка?

Спросила у нее подруга, и в ответ

Трусиха молвила: - Предвижу много бед!

Для нас опасна битва эта.

Конец ее таков:

Тот из Быков,

Которому достанется победа,

Возьмет добычу в достоянье;

Другой же к нам уйдет в изгнанье,

Чтоб в тростниках сокрытым быть,

И будет нас давить!

Так поплатиться нам придется

За жаркий бой, что здесь дается.

И предсказание Лягушки было верно:

Укрыться в тростниках сраженный Бык спешил

И ежечасно их давил

Он под копытами по двадцати примерно.

Не так же ли в делах людских

Страдают малые за глупости больших.

Ф. Зарин.

Из басен Феду. Есть описание подобной битвы в "Георгиках" Виргилия, которому Лафонтен охотно подражал. - На русский язык басня переведена Сумароковым ("Пужливая Лягушка").

Два Быка и Лягушка

27. Летучая Мышь и две Ласточки

(La Chauve-Souris et les deux Belettes)

Жестокою войну

С Мышами Ласточки имели:

Кого ни брали в плен, всех ели.

Случилось как-то, Мышь Летучую одну

В ночную пору

Занес лукавый в нору

К голодной Ласточке.-Прошу покорно сесть,

С насмешкой Ласточка сказала

Ты Мышь? Тебя мне можно съесть?
- Помилуй, - та ей отвечала,
Не ешь, а лучше рассуди,
Да хорошенько погляди:
В своем ли ты уме, сестрица?
Вот крылья у меня, - я птица!"
Окончилась война
У Ласточек с мышиным родом,
Но с птичьим уже брань они вели народом,
И Мышь Летучая опять
В плен к Ласточке другой попала.
- Ты птица? Ты теперь летала?
- За что меня так обижать?
Я Мышь и из мышей природных,
Был смелой пленницы ответ,
Похожа ль я на птиц негодных?
На мне и перьев вовсе нет!
В другой раз хитростью такой она спаслася,
И ложь и истина равно ей удалася.
Измайлов.

Содержание басни заимствовано у Эзопа.

Птица, раненая стрелой
28. Птица, раненая стрелой
(L'Oiseau blessé d'une flèche)
Крылатой ранена стрелой
И смертною охваченная мглой,
Судьбу свою оплакивала Птица:
"Где нашим бедствиям граница?
Мы все - орудия несчастья своего:
Из наших крыл, о люди! без пощады
Губительные нам вы сделали снаряды.
Но не спешите ваше торжество
Вы праздновать над нами злобно;
И сами вы страдали нам подобно:
Сыны Япетовы! не половина ль вас
Оружием другой является подчас?
О. Чюмина.

Заимствована у Эзопа. Лафонтен называет детьми Япета род человеческий вообще, беря название это у Горация, который, однако, под "родом (genus) Япета" понимает Прометея, сына Япета, брата Титана и Сатурна.

29. Две собаки
(La Lice et sa Compagne)
Собаке время подоспело
Произвести щенят на свет;
А между тем разумно это дело
Она заранее обставить не сумела:
Две собаки
Час близок, а у ней и крова даже нет,
Где б отдохнуть могло ее больное тело.
Вот приползла она к соседке в конуру.
"Родная, - говорит, - ей-ей сейчас помру!
Ох! одолжи хоть только на недельку

Свою постельку".
Соседка сжалилась и из дому ушла,
А гостья временно у ней расположилась.
Меж тем неделя протекла,
И к дому своему хозяйка возвратилась.
"Голубушка моя, сама хоть посмотри,
Вновь замолила гостья со слезами,
Щенки мои малы, чуть шевелят ногами,
Уж потерпи еще неделки две иль три!"
Соседка снова просьбе уступила,
И чрез условный срок
Вернулася опять в родной свой уголок.
Но тут уж гостья ей с рычаньем отворила
И молвила, с зубами напоказ:
"Уж ты не гнать ли хочешь нас?!"
Что ж! я тотчас уйду со всей моей оравой
Мои щенки теперь умеют уж кусать.
Но раньше ты изволь-ка доказать
Зубами нам на эту будку право!"
Что плуту одолжил, своим уж не считай
С ним наживешь лишь хлопоты да муку.
Неблагодарному лишь кончик пальца дай
Он заберет себе всю руку.

Г-т

Сюжет заимствован у Федра.

30. Орлица и Жук

(L'Aigle et l'Escarbot)

За кроликом следя в полете зорко,
Охотилась Орлица. На пути
Ему Жука попалась норка.
Плохой приют, - но где другой найти?
И что же? Вопреки священнейшему праву,
Свершить над кроликом расправу
Готовилась Орлица. Вдруг
Заговорил, вступаясь, Жук:
"Царица птиц! Презрев мои моленья,
Ты взять вольна его, безжалостно сгубя;
Но пощади меня от оскорбленья,
Даруй бедняге избавленье,
О жизни молит он тебя,
Иль пусть и я за ним погибну следом:
Он другом был мне и соседом".
Юпитера Орлица, ни одним
Не отвечая словом,
В жестокосердии суровом,
Жука крылом своим
Стряхнула прочь, глуха к его воззванью,
И, оглушив, принудила к молчанью,
А кролика похитила. Тогда,
В отсутствие ее, орлиного гнезда
Успел достигнуть Жук, задумав месть такую:
Он самую ее надежду дорогую

Все яйца нежные разбил.
Гнев и отчаянье Орлицы
Не выдали себе границы;
А в довершение зла враг неизвестен был,
И жалобы ее лишь ветер разносил.
Так целый год жила она бездетной,
Весною же гнездо свила на высоте.
Увы! Была предосторожность тщетной,
И Жук, в места пробравшись те,
Ей мстя за кролика, все яйца уничтожил.
Вторичный траур потревожил
Надолго эхо гор. Во избежанье бед,
Та, кем несом был прежде Ганимед,
К царю богов с мольбой явилась неуклонно,
И яйца принесла Юпитеру на лоно:
Воистину тот будет смел,
Кто б унести оттуда их посмел!
Но враг прибег к иным расчетам,
Запачкав плащ Юпитера пометом;
И тот, стряхнув его, смахнул и яйца прочь.
Но тут пришлось Юпитеру невмочь
От ярости разгневанной Орлицы.
Она грозила: с этих пор
Бежать навеки из столицы,
Покинув службу царскую и двор.
Юпитер промолчал, но учинил разбор.
Перед судом явился Жук, и смело
Он изложил, как было дело
Вина Орлицы ей доказана была.
Но примирить врагов явилось невозможным,
И царь богов, решеньем осторожным,
Постановил, во избежанье зла:
Чтоб яйца свои всегда несли Орлицы
Весною раннею, пока лучем денницы
Не согреваемы, как сонные сурки,
Спят зимним сном своим Жуки.
О. Чюмина.

Содержание заимствовано у Федра. Басня образно, но отдаленно переведена Жуковским ("Орел и Жук"). Похищение Ганимеда орлицею Юпитера описано Вергилием в "Энеиде".

31. Лев и Комар
(Le Lion et le Moucheron)
Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презренье Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.

Сам ратник, сам трубач пищит во всю гортань
И вызывает Льва на смертоносну брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился
И Льву в крестец всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увертлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосет.
Лев голову крутит. Лев гривую трясет;
Но наш герой свое несет:
То в нос забьется Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами,
И землю он дерет когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; все кроется, бежит:
Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришел потоп или пожар!
Лев и Комар
И кто ж? Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.
И. Крылов.

Займствована у Эзопа. На русский язык басню переводили, кроме Крылова, Дмитриев ("Лев и Комар") и, изменив персонажей, Сумароков ("Медведь и пчела").

32. Два Осла
(L'Ane charge d'eponges et l'Ane charge de sel)
Погонщик двух Ослов с поклажей в город вел.
Один Осел,
Хвостом махая, шел походкою веселой:
Он нес сухие губки на спине,
А всякий знает, как легки оне.
Другой едва ступал под ношею тяжелой:
Навьючили бедняге соли целый воз,
И он плелся, повеся хвост и нос.
Шли долго путники, и вот- дошли до броду.
Сев на Осла, что губки нес,
Погонщик пред собой погнал другого в воду
И начал путь ему указывать кнутом;
Но наш Осел упрямого был нраву
И пожелал устроить переправу
Своим умом.
Два Осла
Забрал он влево, в яму остутился

И вместе с солью в воду погрузился.
Беда! Ослу пришлось плыть.
Гребет он сильными ногами,
Пыхтит, и фыркает, и борется с волнами;
А плыть далеко... как тут быть?!
Но, видно, сжалилось над бедным Провиденье:
Он в ноше чувствует большое облегченье
Растаяла вся соль, и радостно Осел
С пустым мешком доплыл и на берег взошел.
Погонщик, между тем, со страху за скотину
И своему Ослу ослабил повод,а,
А этот, видя, что вода
Освободила друга от труда,
Не долго думая, бух вслед за ним в стремнину.
Но тут свершилась нежданная беда:
Водою губки мигом напитались
И стали как свинец тянуть Осла ко дну.
Погонщик мой взревел, Осел ни тпру ни ну,
И оба с жизнью бы наверное расстались,
Когда б не подошли на помощь рыбаки.
Не так же ль действуют иные дураки,
Которые в делах своих не рассуждают,
А только в точности счастливцам подражают.
Г-г.

Содержание басни заимствовано у Эзопа и Фаерна (прим. к басне 24).

33. Лев и Мышь

(Le Lion et le Rat)

У Льва просила Мышь смиренно позволенья
Поблизости его в дупле завести селенье
И так примолвила: "Хотя-де здесь, в лесах,
Ты и могуч и славен;
Хоть в силе Льву никто не равен,
И рев один его на всех наводит страх,
Но будущее кто угадывать возьмется
Как знать? кому в ком нужда доведется?
И как я ни мала кажусь,
А, может быть, подчас тебе и пригожусь".
"Ты! - вскрикнул Лев. - Ты, жалкое созданье!
За эти дерзкие слова
Ты стоишь смерти в наказанье.
Прочь, прочь отсель, пока жива
Иль твоего не будет праху".
Тут Мышка бедная, не вспомнясь от страху,
Со всех пустилась ног - простыл ее и след.
Льву даром не прошла, однако ж, гордость эта:
Отправяся искать добычи на обед,
Попался он в тенета.
Без пользы сила в нем, напрасен рев и стон,
Как он ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался,
И в клетке на показ народу увезен.
Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,

Что бы помочь она ему сумела,
Что сеть бы от ее зубов не уцелела
И что его своя кичливость съела.
Лев и Мышь
Читатель, истину любя,
Примолвлю к басне я, и то не от себя
Не попусту в народе говорится:
Не плюй в колодец, пригодится
Воды напиться.
И. Крылов.

Содержание заимствовано у Эзопа и у предшественника Лафонтена веселого французского поэта Клемана Маро (1497-1544). Кроме Крылова, басню перевел на русский язык Сумароков ("Лев и Мышь").

34. Голубь и Муравей
(La Colombe et la Fourmi)
Однажды Голубь молодой
В полуденный палящий зной
Слетел к ручью воды напиться;
Но только что успел он наклониться,
Как видит, Муравей,
Сорвавшись с стебелька, что над водой качался,
Упал в ручей.
Бедняжка на воде из сил уж выбивался;
Он тут бы и погиб, но добрый Голубок
Ему в лихой беде помог:
Сорвав побег травы, он плотик безопасный
Устроил Муравью, и спасся так несчастный.
Минуты не прошло, как вдруг на берегу
С ружьем босой бродяга появился,
Увидел Голубя, добычею прельстился
И уж возмнил ее в своем мешке.
Но Муравей тут вмиг на выручку явился:
Голубь и муравей
Бродягу он всей пастью в пятку укусил;
Тот вскрикнул и ружье от боли опустил;
А Голубь, увидав опасного соседа,
Взлетел-и наш стрелок остался без обеда.
Г-г.

Басня заимствована у Эзопа. Лафонтен соединил ее с предыдущей, поставив над ними оба заглавия и связав стихом: "А вот другой пример, взятый из жизни животных поменьше" (L'autre exemple est tire d'animaux plus petits).

35. Астролог, упавший в колодец
(L'Astrologue qui se laisse tomber dans un puits)
Упал на дно колодца Астролог.
И многие над ним глумились, со словами:
- Глупец, ты у себя не видел под ногами,
Так что ж над головой ты в небе видеть мог?
В подобном приключенье
Для множества людей таится поученье.
Меж ними мало есть таких,
Которые бы зачастую
В сердцах не тешились своих

И не лелеяли о том мечту пустую,
Что смертному, чей взор духовный слеп,
Открыта книга вечная судеб.
Но что ж иное книга эта,
Гомером и его ближайшими воспета,
Когда не то, что Случай или Рок
Звалось в древности, у нас же - Провиденье?
А Случая возможно ль изученье?
И если б кто-нибудь его предвидеть мог,
Судьбою, Роком, Случаем едва ли
Его бы в мире называли;
А что касается святых путей Того,
Кто без намеренья не создал ничего,
Кто может видеть их и в них читать, помимо
Владыки Самого,
Чья воля высшая для нас непостижима?
Ужели на челе сияющих светил
Рукой Божественной все то Он начертил,
Что тьма времен окутала покровом?
И что за польза нам была бы в знанье новом?
Дать пищу для умов служителей наук?
Искать спасения от неизбежных мук?
Но даже счастье предвиденное - сладость
Утратило б свою, и превратилась радость
В унынье прежде, чем вкусили б мы ее.
К такому знанию стремленье
Ошибка, нет, скорее - преступленье.
Свершает рой светил движение свое,
И солнце каждый день восходит над землею,
Сменяя тьму с ночною мглою;
Но заключение из этого одно
Выводим мы - такого рода:
Светить и согревать светило дня должно,
И править сменой времен различных года,
Оказывать влиянье на тела,
И жизнь давать посевам без числа.
В порядке стройном во вселенной
Все чередой проходит неизменной.
Что в этом общего с изменчивой судьбой?
Вы, составлявшие обманно гороскопы!
Покиньте двор правителей Европы,
Да и алхимиков возьмите всех с собой...
Не больше веры вам, чем этим шарлатанам!
Но негодую пред обманом,
Отвлекся в сторону, отчасти без нужды,
От астролога я, хлебнувшего воды.
Является живым примером
Он тех, которые, гонясь вослед химерам,
Не видят пред собой действительной беды.
О. Чюмина.

Займствована у Эзопа. Вольтер осуждал смысл этой басни, видя в ней осмеяние науки.
"Лучший из астрономов мог бы упасть в колодец, не будучи глупцом", - замечает он.

Защитники Лафонтена возражают, что Лафонтен осмеивает астрологов, а не астрономов. Некоторое отдаленное сходство с этой басней имеет басня Хемницера "Метафизик".

36. Заяц и Лягушки

(Le Lievre et les Grenouille)

Раз Заяц размышлял в укромном уголке
(В укромных уголках нет лучше развлечения);

Томился Зайчик наш в тоске

Печальны и робки все зайцы от рожденья.

"Ах, - думал он, - кто так пуглив, как я,

Тому на свете нет житья!

Спокойно не проглотишь и кусочка,

Ничто не радует, беды отовсюду ждешь,

Трясешься день, без сна проходит ночка,

И так весь век живешь...

- Зачем же, - скажут, - ты так мечешься
тревожно?

Да разве страх осилить можно?

Кто что ни говори, а я уверен в том,

Что даже людям он знаком".

Так Заяц размышлял, но размышлял с оглядкой.

Заяц и Лягушки

Опасность чуял он со всех сторон;

Чуть листик шелохнет, чуть тень мелькнет, - и он

Уж трясся лихорадкой...

Вдруг наш зверек,

Среди своих печальных размышлений,

Услышал легкий шум... Без долгих рассуждений,

Что было мочи, он пустился наутек.

Не чуя ног, бежит - и добежал до пруда.

Что ж видит он? О чудо!...

Лягушки от него к воде скорей бегут,

Лягушек дрожь берет, Лягушки скачут в пруд.

"О-го! - промолвил он, - как пригляжуся,

Так в этой стороне

Таким же, как другие мне,

И сам я кой-кому кажуся.

Должно быть, я не так уж плох,

Коль мог произвести такой переполох.

Как! я один сумел повергнуть их в смятенье!

Им чудится во мне

Призыв к войне!"

Да, для меня теперь уж нет сомненья:

Как ты ни будь труслив, найдется, наконец,

Тот, перед кем и ты окажешься храбрец".

Н. Юрьин.

Содержание заимствовано у Эзопа. На русский язык басня переведена Сумароковым.

37. Петух и Лиса

(Le Coq et le Renard)

На ветке дерева сидел, как часовой,

Петух лукавый лет почтенных.

И молвила Лиса, смягчая голос свой:

"Брат! Из источников я знаю несомненных:

Мир заключен меж нами навсегда.
Тебе об этом объявляю
И от души
Тебя обнять на радостях желаю.
Не медли и ко мне спуститься поспеши.
Сегодня каждый миг мне дорог:
Ведь сделать я должна миль сорок.
Итак, боязнь отныне отложи,
Свершай свои обычные занятия;
Тебе и всем твоим поможем мы, как братья.
В честь мира мы зажжем сегодня же огни.
Приди скорей в мои объятия!"
"Сестра, - сказал Петух, - ты не могла принести
Мне лучшую, желаннейшую весть,
И от тебя сугубо
Ее мне слышать любо.
Но вот борзых я вижу двух,
Они во весь несутся дух,
Их верно шлют о мире к нам гонцами;
Я с дерева сойду сейчас же к ним,
И вчетвером союз объятьем закрепим".
"Нет, озабочена я дальними концами,
Лиса промолвила,- мне нынче недосуг:
В другой раз мы порадуемся, друг".
Так, в хитрости своей дав маху,
Во весь опор Лиса пустилась в путь.
Петух и Лиса
Петух же про себя ее смеялся страху:
Обманщика вдвойне приятно обмануть.
О. Чюмина.

Содержание заимствовано у Эзопа.

38. Вороненок

(Le Corbeau voulant imiter l'Aigle)

Орел

Из-под небес на стадо налетел
И выхватил ягненка,
А Ворон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Вороненка,
Да только думает он так: "Уж брать, так брать,
А то и когти что марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну, только ль в стаде что ягняты?
Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!"
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал, наконец,
Барана, да какого?
Прежирного, прематерого,
Который доброму б и волку был в подъем.

Издадьясь, на него спустился
И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.
Тогда-то он узнал, что добычь не по нем.
Вороненок
Что хуже и всего, так на баране том
Тулуп такой был прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что из него когтей не вытеребил вон
Затейник наш крылатый
И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
С барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окарнали
И детям отдали играть.
Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Что сходит с рук вора, за то воришек бьют.
И. Крылов.

Басни Эзопа, давшие содержание этой басне Лафонтена, были напечатаны в издании "Эзоповых басен" итальянского живописца Вердизотти (1525-1600), со 110 гравюрами с его рисунков. Кроме Крылова, на русский язык басню переводили Сумароков и Хвостов.

39. Павлин, жалующийся Юноне
(Le Paon se plaignant a Junon)
Павлин Юноне говорил:
"Меня Юпитер одарил
Противным голосом... В природе
Он самый худший в птичьем роде...
Уж я не то, что соловей!
Простая птица,-а ведь пенье
Павлин, жалующийся Юноне
Его приводит в восхищенье
Весной всех тварей и людей!"
Юнона в гневе отвечала:
"О злой завистник! перестань!
Тебе ль завидовать пристало
И возносить на небо брань?
Не ты ли носишь ожерелье
С роскошной радугой цветов,
Что так похоже на изделье
Из ловко собранных шелков?
Ты только плачешь, забывая
О том, что твой уж хвост один
Похож, камнями играя,
На ювелирный магазин!
Скажи-ка мне, какая птица
С тобой сумела бы сравниться
Такою массою чудес?
Нет совершенства в группе птичьей,
Но каждой птице дан удел,
Особый признак и отличие:
Орел отважен, горд и смел,

А сокол легкостью гордится,
Ворона - вестник всяких бед,
А ворон нам открыть стремится
Глубокий мрак грядущих лет;
И все довольны... Не мешало б,
Друг, и тебе, забыв мечты,
Не приносить мне больше жалоб,
Чтоб не лишиться красоты,
Которой мной отмечен ты!
В. Жуков.

Заимствована у Федра.

40. Кошка, превращенная в женщину
(La Chatte metamorphosee en femme)
Был в старину такой дурак,
Что в Кошку по уши влюбился;
Не мог он жить без ней никак:
С ней вместе ночью спать ложился,
С одной тарелки с нею ел,
И, наконец, на ней жениться захотел.
Он стал Юпитеру молиться с теплой верой,
Чтоб Кошку для него в девицу превратил.
Юпитер внял мольбе и чудо сотворил:
Девицу красную из Машки-Кошки серой!
Чудак от радости чуть не сошел с ума:
Ласкает милую, целует, обнимает,
Как куклу наряжает.
Без памяти невеста и сама,
Охотно руку дать и сердце обещает.
Жених не стар, пригож, богат еще притом,
Какая разница с котом!
Скорей к венцу. И вот они уж обвенчались;
Все гости разошлись, они одни остались.
Супруг супругу раздевал,
То пальчики у ней, то шейку целовал;
Она сама его, краснея, целовала...
Вдруг вырвалась и побежала...
Куда же?-Под кровать: увидела там мышь.
Природной склонности ничем не истребишь.
Измайлов.

Содержание заимствовано у Эзопа, у которого превращает кошку в женщину не Юпитер, как у Измайлова, и не Судьба (Destin), как у Лафонтена, а Венера, что более подходит к смыслу басни.

41. Лев и Осел на охоте.

(Le Lion et l'Ane en chassant).

В день именин своих затеял царь зверей
Охотой позабавиться на славу.
Понятно, дичь его крупней,
Чем воробей:
Оленей, кабанов он загонял в облаву.
Чтобы удачнее охота та была,
Лев в помощь взял себе Осла,
Который, голосом Стентора обладая,

Загонщиком мог быть, лес ревом оглашая.
Установив его в засаде меж ветвей,
Прикрыв кустами от зверей,
Лев дал ему приказ
Реветь тотчас.
Лев был уверен: ни единый
Из всех зверей, услыша рев ослиный,
Не устоит,
И в страхе побежит.
Действительно: едва лишь по лесу раздался
Ослиный рев, - весь лес заволновался.
Не зная, что грозит, беды откуда ждать,
От страха звери заметались,
В смятении бросились бежать
И в сети Льву попались.
Осел по глупости успехом возгордился
И молвил: "Как я отличился!"
С презрением ему на то ответил Лев:
"Ты прав, - твой был ужасен рев.
Я сам бы от него пришел в смущенье,
Когда бы твоего не знал происхожденья!"
Лев и Осел на охоте
Осел обидеться бы мог,
Хотя осмеян был по праву...
Но для Осла в обиде нет тревог:
Осел - животное покладистого нрава.
Ф. Зарин.

Содержание заимствовано у Эзопа и у Федра. Стентор-греческий воин при осаде Трои, По Гомеру, его голос был равен пятидесяти обыкновенных человеческих голосов. На русской язык басню перевел Сумароков ("Лев и Осел"). Басня Хемницера "Осел, приглашенный на охоту" совершенно отлична по содержанию от Лафонтеновой.

42. Эзопово объяснение одного завещания
(Testament explique par Esope)
Если верить тому, что Эзоп говорил
(Он умнейшим среди граждан считался,
И за мудрость у греков оракулом слыл:
Всяк с советом к нему обращался),
Вот одна из историй. Ее кто прочтет,
Занимательной, верно, найдет.
Один богач имел трех взрослых дочерей,
Различных по характерам. Кокеткой
Одна выросла в семье своей,
Другая - пьяницей, а третья - домоседкой,
Скупой, расчетливой. Отец,
О смертном часе помышляя,
Законам следуя, как истинный делец,
Духовную составил, оставляя
Имущество свое трем дочерям
По равным трем частям;
Жене ж своей лишь то, что каждая даст дочь,
Когда своим добром владеть не будет мочь.

Вот умер он. Все тотчас поспешили
Узнать, кого и чем он наделил.
Когда же завещанье вскрыли,
Неясный смысл его невольно всех смутил.
Что матери возможно дать,
Когда своим добром не будешь обладать?
Что в завещании хотел сказать отец?
Напрасно думали и мудрый, и глупец.
Вот судьи собрались, устроили совет
И головы свои ломали;
Но как слова ни толковали,
Все в завещанье смысла нет.
И, выбившись из сил,
Совет решил:
Пусть дочери добро все поровну поделят,
Кому что нравится; а матери своей
Пусть каждая из дочерей
Назначит пенсию иль часть добра отделит.
Согласно этому решению,
Устроили раздел при помощи судей,
И каждая сестра по своему влечению
Взяла одну из трех частей:
Кокетка дом взяла со всею обстановкой,
С конюшнею роскошных рысаков;
Чтоб ежедневно тешиться обновкой,
Взяла портних, уборщиц, евнухов,
Все драгоценные убранства.
А пьяница, для кутежей и пьянства,
Все принадлежности пиров:
Буфеты, погреба с вином сортов различных,
Для кухни и стола прислужников-рабов,
Служить пирующим привычных.
А третьей, что была жадна и бережлива,
Достались рабы, домашний разный скот,
Сады и лес, луга и нивы,
Весь, словом, сельский обиход.
По нраву каждая свою достала долю,
Исполнивши отцом завещанную волю.
В Афинах граждане все жарко восхваляли
Оценку и дележ; и мудрый, и дурак
О завещанье толковали,
Хваля ареопаг.
Один Эзоп, с насмешкою лукавой,
Раздел премудрый находил
Лишенным даже мысли здравой
И говорил:
"Когда б покойник ухитрился
Ожить внезапно, как бы он
Решению судей изумился
И попрекнул бы ваш закон!
Вы справедливостью гордитесь,
А завещанья не смогли

Понять, и даже не стыдитесь,
Что бедную вдову на голод обрекли!"
И после этого внушенья,
Он снова произвел раздел именья.
И, как покойник завещал,
Его согласно воли,
Добро он разделил на равные три доли;
Но дочерям те доли дал
Их склонностям вразрез. Кокетке
Он дал посуду, вина, мед;
Бездежки - домоседке,
А пьянице - весь сельский обиход.
Так доли их не стали уж "своими",
И поделиться ими
Они охотно с матерью могли.
Когда ж в замужество пошли,
То ни одна из них не пожалела
Все матери отдать...
Сумел один Эзоп лишь разгадать
В чем было дело.
Дивились граждане, что ум его светлей,
Чем несколько умов разумников судей.
А. Зарин.

Басня заимствована у Федра. На русский язык ее переделал Василий Майков ("Эзоп толкует духовную").

43. Мельник, Сын его и Осел
(Le Meunier, son Fils et l'Ane)
А. М. Д. М.

В создании искусств есть право старшинства:
На басню Греция имеет все права.
Но пусть на поле том колосьев сжато вволю
Осталось кое-что и сборщикам на долю.
Ведь область выдумки - пустынный край, и в нем
Открытья делает писатель с каждым днем,
Притом же для других - без всякого ущерба.
Вот случай, узнанный Раканом от Малерба.
Друзья, творенья чьи их ставят наравне
С самим Горацием, питомцы Аполлона,
И нас приведшие к поэзии на лоно,
Однажды как-то речь вели наедине,
Делясь заботами и думами. И другу
Ракан промолвил так: "Подайте мне совет,
Вы тем окажете большую мне услугу.
Вы изучили жизнь, для вас, на склоне лет,
В явлениях ее наверно тайны нет.
Что сделать мне с собой? Пора принять решение.
Имущество мое, талант, происхождение
Давно известны вам. Так что же выберу?
Уеду ль в замок свой? Явлюсь ли ко двору
Иль в армию вступлю - служить моей отчизне?
Свои приятности есть в жизни боевой,
Свои опасности - в семейной нашей жизни.

Один - я сделал бы немедля выбор свой,
Но выбираю я не для себя в угоду:
Хочу я угодить родне, двору, народу".
"Как?-вымолвил Малерб.- Всем угодить зараз?
Прошу вас выслушать сначала мой рассказ.
Я где-то прочитал, но где - не помню даже,
Что Мельник пожилой, а с ним его Сын,
Так лет пятнадцати не больше паренек,
На ярмарку вели Осла их для продажи.
Заботясь, чтоб Осел, ведомый издали,
Не показался бы измученным с дороги,
Они веревкою ему связали ноги
И на себе его, как люстру, понесли.
Прохожий первый же в лицо чистосердечно
Расхохотался им: "Всех более, конечно,
Не тот из вас осел, который им слывет...
Вас прямо в балаган-подобную картину!"
Смутился Мельник тут, распутал он скотину,
Поставил на ноги. И что ж? Осел ревет,
И жалуется он на языке ослином.
Конечно, Мельник наш и ухом не ведет,
И к месту ярмарки путь продолжая с Сыном
Сажает мальчика на серого верхом.
Но вскоре три купца им встретились грехом,
И старший закричал: "Долой скорее, малый!
Не стыдно ли тебе? Старик в его года
Плетется, как слуга, разбитый и усталый".
"Что ж! Будь по-вашему, пожалуй, господа!"
Ответил Мельник им. Остановясь тогда,
Он влез на серого, а Сын пошел с ним рядом.
Но тут три девушки окинули их взглядом,
Промолвив: "Юноша чуть тащится пешком,
А старый на Осле уселся - бык быком,
Важней епископа он держится, бездельник!"
"Ступай своим путем, - сердито крикнул
Мельник,
И нечего чесать напрасно языки!
Я стар и не гожусь поэтому в быки".
Последовал обмен подобных же приветствий.
Вину свою признав, и Сына на Осла
С собой сажает он; но этим новых бедствий
Не избежал бедняк. Толпа навстречу шла,
И люди молвили: "Да что они, в уме ли?
Возможно ли Ослу подобный груз нести?
Должно быть, старого слугу не пожалели!
Он под ударами издохнет на пути;
Продать на ярмарке они желают шкуру!"
"Ну,-Мельник вымолвил,-возможно только сдуру
Пытаться угодить, как я, на целый свет!
Но все же неужель такого средства нет?
Попробуем еще". На землю сходят оба,
Осел же налегке, как важная особа,

Пред ними шествует. Но зубоскал один
При встрече крикнул им: "Слуга иль господин
Кто должен уставать? Ужели нынче в моде
Чтоб вислоухие гуляли на свободе?
Вы вставьте-ка его скорей в оклад!
Что обувь-то жалеть? Эй, Николай, назад!
Поется в песенке, что видеться с Жанетой
Ты ездил на осле, простись же с модой этой.
Нигде не видел я подобных трех ослов!"
И Мельник отвечал: "Себя без лишних слов
Ослom я признаю; но люди как угодно
Пусть хвалят и бранят меня поочередно,
Молчат иль говорят, лишь собственный мой нрав
Намерен тешить я и действовать свободно".
Так он и поступил, и был, конечно, прав.
А вы, мой друг, - останьтесь, уходите,
Венере, королю иль Марсу вы служите
Иль заберитесь в глушь провинции родной,
Обзаведитесь вы аббатством иль женой;
Но толков никаким вам не избегнуть чудом,
И пищу вы всегда дадите пересудам.
О. Чюмина.

Басня эта находится в сборниках Фаерна (примеч. к басне 24) и Вердизотти (прим. к басне 38), а также у Поджио Браччиолини (Bracciolini, 1380-1459), писавшего на латинском языке; сочинения его в середине XVI века были переведены на французский язык. Инициалы посвящения значат: "Господину де Мокруа"; Франсуа де Мокруа, Реймский каноник (1619-1708), был близким другом Лафонтена. Рассказ о Мельнике с Сыном и об Осле переведен на русский язык Сумароковым ("Старик с Сыном и Осел").

44. Члены тела и Желудок
(Les Membres et l'Estomac)
Я должен мой рассказ начать изображеньем
Величья королей, их счастья и бед.
Желудок для того послужит мне сравненьем;
Все Члены чувствуют, доволен он иль нет.
Раз Члены, утомясь трудиться для Желудка,
Решили отдохнуть от суетных забот,
Пожить без всякого труда, как он живет,
И говорили: "Ну-тка,
Пускай он воздухом попробует прожить!
Довольно для него рабами нам служить.
Ничем не пользуясь, не зная развлеченья,
Потеем, трудимся мы только для него.
Попробуем же счастья своего
И поживем без горя и волненья!"
Решили так, и вот
Объявлено Желудку: пусть зовет
Он слуг других; ему не слуги
Ни Ноги, ни Спина, ни Руки.
Работа кончилась, но очень скоро Члены
Узнали зло от их измены.
Пустой Желудок, кровь не обновляя,
Все тело поразил, болезнью ослабляя.

Исчезла сила Рук и Ног,
Никто владеть собой не мог.
Тут все мятежники на деле увидали,
Что тот, кого они считали
Лентяем праздным, - тот для них
Трудился больше их самих.
С желудком сходны короли:
Они дают и получают;
На них работают все граждане земли,
Из них и пользу извлекают.
Король дает всем жить, труд честный поощряет.
Законом огражден, ремесленник живет,
Чиновник свой оклад исправно получает,
И барыши купец берет.
Король достойное достойным воздает
И всей страной управляет.
Прекрасно это все Менений рассказал,
Когда народ, сенатом недовольный,
На тягость жизни подневольной
Вдруг возроптал.
Завидуя могуществу и власти
Сенаторов, он с яростью вопил:
"Им весь почет, - нам все напасти,
Налоги, подати! Мы выбились из сил!"
И, возмущенный, за стенами
Сбирался грозными толпами.
Менений, приравняв бунтующих людей
К тем Членам, что подняли возмущенье,
Прекрасной басней своей
Смирил народное волненье.
А. Зарин.

Из басен Эзопа. Этот рассказ, которым, как известно, воспользовался Менений Агриппа для успокоения возмущившихся римских граждан, пользовался большой славой и в древности, и в новейшие времена. Его можно найти у Дионисия Галикарнасского, у Тита Ливия, у Рабле, у Шекспира (в "Кориолане") и проч. - Сумароков переделал басню на русский язык под заглавием: "Голова и Члены".

45. Волчья хитрость

(Le Loup devenu Berger)

По нужде Волк постился:

Собаки стерегли и день, и ночь овец.

Однако же и Волк был не глупец.

Вот думал, думал он и ухитрился,

Да как же?-пастухом, проклятый, нарядился:

Надел пастуший балахон,

Накрыл себя пастушьей шляпой,

И, опершись о посох лапой,

Подкрался в полдень к стаду он.

Пастух под тенью спал, собаки тоже спали,

И овцы все почти закрыв глаза лежали,

Любую выбрать мог. "А что?-Волк думает.-Когда теперь примуся

Душить овец, то вряд отсюда уберуся:

Начнут бляеть, а я не унесу и ног;

Дай лучше отгоню подалее все стадо.
Постой, да ведь сказать хоть слово дурам надо:
Я слышал, как пастух с овцами говорил".
И вот он пастуха как раз передразнил:
Завыл.

Поднялся вдруг Барбос; за ним Мурза вскочил:
Залаяли, бегут. Мой Волк уж прочь от стада,
Но в амуниции плохая ретирада:
Запутался он в платье и упал.
Барбоска вмиг его нагнал,
Волчья хитрость
Зубами острыми за шею ухватился,
Мурза тут подоспел, за горло уцепился;
Пастух же балахон и шкуру с Волка снял.
О святках был я в маскараде:
Гляжу, стоит в кружку какой-то генерал,
В крестах весь, вытянут, как будто на параде
И как о Тактике он врал!
Что ж вышло? это был... капрал.
Измайлов.

Басня эта находится в сборнике Вердизотти (см. прим. к басне 38). На русский язык басню переводил также Сумароков ("Волк, ставший Пастухом").

46. Лягушки, просящие Царя
(Les Grenouilles qui demendent un Roi)
Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
На сей однако ж раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,

То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули:
Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком:
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К Царю садятся уж и задом.
Царь терпит все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам теплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нрава:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест: а на суде его
Нет правых никого;
Зато уж у него,
Что завтрак, что обед, что ужин, то расправа.
На жителей болот
Приходит черный год.
Лягушки, просящие царя
В Лягушках каждый день великий недочет.
С утра до вечера их Царь по царству ходит
И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и - проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье, и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал Царя иного;
Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
"Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?
Не мне ль, безумные, - вещал им с неба глас,
Покоя не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? - так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан - так этот очень лих;
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!"
И. Крылов.

Содержание заимствовано у Эзопа и Федра. Кроме Крылова, басню переводили В. Майков и Хвостов.

47. Козел и Лисица
(Le Renard et le Boe)
Козел большой, рогатый,
Преважный с виду, бородатый,
Но по уму едва ль не брат ослу родной,

С плутовкою Лисой дорогой шел одной.
День самый жаркий был; листок не колыхался;
Козел и Лисица
Их жажда мучила, а солнце их пекло.
Шли, шли они, и вдруг колодезь им попался.
"Смотри-ка, куманёк, вода здесь как стекло!
Не хочешь ли испить? - Лиса Козла спросила.
Безмозглый бородач в колодезь мигом скок:
Колодезь этот был, по счастью, не глубок.
Лисица, видя то, туда же соскочила,
И взапуски ну двое пить.
Лиса, напившись, сказала: "Как нам быть,
Голубчик куманёк? Идти еще далёко;
А вылезть вон нельзя - высоко!"
"Не приложу ума:
Подумай, кумушка, сама".
"А вот я вздумала: пожалуй, потрудица,
На задни ноги встань, передними уприся
Покрепче ты в обруб, да чур не шевелися;
Отсюда вылезу я по твоим рогам,
А там
И кума вытащить наверх я постараюсь".
"И впрямь так! удивляюсь!
Уж что за кумушка! какая голова!
Да мне бы этого не выдумать дня в два.
Изволь..." - И с словом сим Лисе подставил роги.
Лисица вылезла. "Сиди же здесь, глупец!"
Сказала, и давай Бог ноги!
Предвидеть надобно во всех делах конец.
Измайлов.

Содержание заимствовано у Эзопа и Федра. Кроме Измайлова, на русский язык басню переводил также Сумароков ("Лисица и Козел").

48. Орел, Дикая Свинья и Кошка
(L'Aigle, la Laie et la Chatte)
Орел свил гнездо на вершине
Высокого дуба. Внизу, у корней,
Кабан поселился с семьею своей,
А Кошка - в ветвях, в середине.
Все были довольны. Никто никому
Соседством не делал помехи,
И, с делом мешая утехи,
Жил каждый, как было по вкусу ему.
Но Кошке лукавой согласие такое
Ни ночью, ни днем не давало покоя.
Решила поссорить соседей она;
Взобралась к Орлу на вершину
И молвила: - Вместе кручину
Должны мы делить. Я лишилася сна.
Грозит нам погибель с детьми:
Мы скоро раздавлены будем ветвями!
Смотрите: внизу, подле самых корней,
Проклятый Кабан с Кабанихой своей

Без отдыха землю копают,
Готова погибель для наших детей.
Они, добираясь до самых корней,
Те корни тотчас обрывают.
Дуб рухнет. Малютки из гнезд упадут
И смерть у Свиной в логовище найдут!
И, страхом наполнивши сердце Орла,
С ним Кошка лукаво простилась,
И только на землю спустилась,
Как к Свиньям в жилище смиренно вошла.
- Друзья и соседи! - сказала она.
Пришла я к вам с вестью печальной.
Подслушала речи Орла я случайно
И вам передать их по дружбе должна.
Лишь только из вас кто из дому уйдет,
Тотчас же Орел поросят унесет.
Пожалуйста, только молчите про это,
Не то он сживет меня в злости со света!
И, ужас посеяв в семье Кабана,
Счастливой домой возвратилась она.
Орел, опасаясь за участь птенцов,
Бойся лететь за добычей.
Кабан, позабыв свой обычай,
Бойся оставить свой кров.
Идут дни за днями. Их голод терзает;
Но бросить детей ни Орел, ни Кабан,
Поддавшись на кошкин коварный обман,
Ни тот ни другой не дерзает:
Орел опасается дуба паденья,
Кабан же Орла посещения.
Сидят они оба, а голод не ждет:
Подохли Кабан, поросята,
От голода сдохли орлята,
Подох и Орел в свой черед.
А Кошка за подлое дело
Всем дубом одна завладела.
Что выдумать может коварный злодей
На гибель иль ради раздора
Того не придумать. Всех прочих гнусней
Несчастий из дара Пандоры,
То, коим весь мир возмущался всегда;
Название ему - клевета!

А. Зарин.

Из басен Федра. На русский язык басня переведена Сумароковым ("Орлиха, Веприха и Котка").

49. Пьяница и Жена его
(L'Ivrogne et sa Femme)
У каждого есть свой порок,
В который он впадает неотступно;
И стыд, и страх нейдут при этом впрок,
Чему пример я приведу невступно.
Жил Пьяница один, тянувший Вакхов сок,

Губя свой ум, здоровье, кошелек.
Подобные ему не проживут полсрока,
Назначенного им, как, совесть заглуша,
Все спустят до гроша.
Испробовав не в меру сока
Лоз виноградных, разум свой
Оставил он на дне бутылки,
И был Женою в склеп опущен гробовой
Затем, чтоб винные пары перебродили
Там на свободе. От паров
Очнувшись, наконец, и саван, и покров,
И свечи видит он, дивясь тому немало.
- Ого! - воскликнул он. - Ужель вдовою стала
Жена моя? - Тогда наряжена
Алекто, фурией геенскою, предстала
Под маскою его Жена,
Держа сосуд с дымящейся похлебкой,
Достойной князя тьмы. И вот, на миг один
Не сомневается душою он неробкой,
Что он - геены гражданин.
- Кто ты? - спросил он у виденья.
- Я ключницей служу у сатаны
И пишу приношу тем, кто обречены
В гробу на заключение.
Тут бессознательно супруг спросил ее:
- А ты не носишь им питье?

О. Чюмина

Содержание заимствовано у Эзопа.

50. Подагра и Паук.

(La Goutte et l'Araignee).

Подагру с Пауком сам ад на свет родил:
Слух этот Лафонтен по свету распустил.
Не стану я за ним вывешивать и мерить,
Насколько правды тут, и как, и почему;
Притом же, кажется, ему,
Зажмурясь, в баснях можно верить.
И, стало, нет сомненья в том,
Что адом рождены Подагра с Пауком.
Как выросли они и подоспело время
Пристроить деток к должностям
(Для доброго отца большие дети-бремя,
Пока они не по местам!),
То, отпуская в мир их к нам,
Сказал родитель им: "Подите
Вы, детушки, на свет и землю разделите!
Надежда в вас большая есть,
Что оба вы мою поддержите там честь,
И оба людям вы равно надоедите.
Смотрите же: отселе наперед,
Кто что из вас в удел себе возьмет
Вон, видите ль вы пышные чертоги?
А там вон хижины убоги?"

В одних простор, довольство, красота;
В других и теснота,
И труд, и нищета".
"Мне хижин ни за что не надо",
Сказал Паук. "А мне не надобно палат,
подагра говорит.- Пусть в них живет мой брат.
В деревне, от аптек подале, жить я рада;
А то меня там станут доктора
гонять из каждого богатого двора".
Так смолвясь, брат с сестрой пошли, явились
в мире.
В великолепнейшей квартире
подагра и Паук
Паук владение себе отмежевал:
По штофам пышным, расцветенным
И по карнизам золоченым
Он паутину разостлал
И мух бы вдоволь нахватал;
Но к рассвету едва с работою убрался,
Пришел и щеткою все смел слуга долой.
Паук мой терпелив: он к печке перебрался,
Отголе Паука метлой.
Туда, сюда Паук, бедняжка мой!
Но где основу ни натянет,
Иль щетка, иль крыло везде его достанет
И всю работу изорвет,
А с нею и его частехонько сметет.
Паук в отчаянье, и за город идет
Увидеться с сестрицей.
"Чай, в селах,- говорит,- живет она царицей".
Пришел - а бедная сестра у мужика
Несчастней всякого на свете Паука:
Хозяин с ней и сено косит,
И рубит с ней дрова, и воду с нею носит.
Примета у простых людей,
Что чем подагру мучишь боле,
Тем ты скорей
Избавишься от ней.
"Нет, братец, - говорит она, - не жизнь мне
в поле!"
А брат
Тому и рад;
Он тут же с ней уделом обменялся:
Вполз в избу к мужику, с товаром разобрался
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткал и потолок, и стены, и углы.
подагра же - тотчас в дорогу,
Простилася с селом;
В столицу прибыла и в самый пышный дом
К Превосходительству седому села в ногу.
подагре рай! Пошло житье у старика:
Не сходит с ним она долой с пуховика.

С тех пор с сестрою брат уж боле не видался;
Всяк при своем у них остался,
Доволен участью равно:
Паук по хижинам пустился неопрятным,
Подагра же пошла по богачам и знатным;
И - оба делают умно.
И. Крылов.

Содержание басни встречается в "Camerarii fabulae" (1570), профессора Страсбургского университета Николая Гербеля (ум. 1560), ученика-Рейхлина и друга Эразма; затем в "Passe-Temps de messire Francoi le Poulchre" (1597). Басню переводил на русский язык, кроме Крылова, Тредьяковский.

51. Волк и Журавль
(Le Loup et Cigogne)
Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.
Волк и Журавль
"Ты шутишь! - зверь вскричал коварный.
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унес!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперед ты мне не попадайся".
И. Крылов.

Займствовано у Эзопа и Федра. На русский язык, кроме Крылова, басню переводили Тредьяковский, Измайлов, Сумароков, Хвостов.

52. Лев, сраженный Человеком
(Le Lion abattu par l'Homme)
Художником был на картине
Громадный Лев изображен
Одним охотником в пустыне
Отважно насмерть поражен.
И зрители, толпясь гурьбою,
Хвалились тем, толкуя меж собою.
Но проходивши Лев с них сбил немного спесь.
"Да, - молвил он, - победу здесь
Вы торжествуете, хотя и без причины;
Но в силу больших прав, чем вы,
Торжествовали бы свои победы львы
Когда б писать умели львы картины.
О. Чюмина.

Сюжет займствован из басен Эзопа. На русский язык басня переведена Сумароковым

("Побежденный на картине Лев").

Лисица и Виноград

53. Лисица и Виноград

(Le Renard et les Raisins)

Голодная кума Лиса залезла в сад;

В нем винограду кисти рделись.

У кумушки глаза и зубы разгорелись,

А кисти сочные как яхонты горят;

Лишь то беда, висят они высоко:

Отколь и как она к ним ни зайдет,

Хоть видит око,

Да зуб неймет.

Пробившись попусту час целой,

Пошла и говорит с досадою: "Ну, что ж!

На взгляд-то он хорош,

Да зелен - ягодки нет зрелой:

Тотчас оскомину набьешь".

И. Крылов.

Займствована у Эзопа и Федра. На русской язык басню переводили, кроме Крылова, Тредьяковский и Сумароков.

54. Лебедь и Повар

(Le Cigne et le Cuisinier)

На птичнике, среди пернатых разных,

Пород весьма разнообразных

Случилось Лебедю и Гусю вместе жить.

Второй, наружностью невзрачен,

Для вкуса барскою усладой предназначен;

А первый должен был утехой глаз служить.

Лебедь и Повар

Один - себя зачислил в штат домашних,

Другой - при парке состоял.

Местами же прогулок их всегдашних

Был ров, к которому спускался замка вал.

Бок о бок, рассекая волны,

Там плавали они желаний тщетных полны,

Нырjali в глубину. Но раз, напившись пьян,

Господский Повар впал в обман

И, Лебеда принявши за Гусенка,

Хотел покончить с ним. Увидев сталь ножа,

Наш Лебедь, в ужасе, дрожа,

Излил тоску свою так сладостно и звонко,

Что Повар молвил тут: "Я не настолько глуп:

Подобного певца я не отправлю в суп;

Не перережу собственной рукою

Я горло у того, кто с силою такою

И с мастерством таким

Умеет пользоваться им".

Когда случается бедам

Следить за нами по пятам,

Всегда не лишнее уметь

Послаще петь.

О. Чюмина.

Заимствовано из Эзопа и Фаерна (прим. к басне 24).

55. Волки и Овцы

(Les Loups et les Brebis)

Лет тысячу велись открыто войны
Меж племенем Волков и племенем Овец;
Но мир был заключен меж ними наконец.
По-видимому, быть могли спокойны
Тут обе стороны. В прошедшем же грехи
Не раз бывали: Волк, явив свою натуру,
Овцу зарежет; пастухи
С него на плащ себе за это снимут шкуру:
Всю жизнь живи, как на ножах!
Одни - на пастбищах, другие - в грабежах
Все стеснены, немислима свобода
И наслажденье благами. Итак,
При перемирии обмен такого рода
Был совершен: во избежанье драк,
Овечки отдали в заложники собак,
А Волчий род Волчат своих оставил.
Так, с соблюдением необходимых правил,
Подписан был властями договор.
Но время шло, и с некоторых пор
Волками ставшие все господа Волчата
В отсутствие господ их, пастухов,
В овчарне лакомясь, наделали грехов:
Оттуда лучшие, отборные Ягнята,
Безжалостно умерщвлены,
Волками были в лес затем унесены.
Грабители своих предупредили вскоре,
И те, в ночи войдя к собачьей своре,
Которая спала, доверья к ним полна,
Забыв о мирном договоре,
Зарезали собак во время сна:
Не избежала смерти ни одна.
Из этого наш вывод ясен:
Пусть мир есть лучшее из благ,
Но он бесплоден и опасен,
Когда без совести и чести враг.

О. Чюмина.

Из басен Эзопа. На русский язык басня переведена Сумароковым.

56. Лев состарившийся

(Le Lion devenu vieux)

Могучий Лев, гроза лесов,
Постигнут старостью, лишился силы:
Нет крепости в когтях, нет острых тех зубов,
Чем наводил он ужас на врагов,
И самого едва таскают ноги хилы.
А что всего больней,
Не только он теперь не страшен для зверей,
Но всяк, за старые обиды Льва, в отмщенье,
Наперерыв ему наносит оскорбленье:
То гордый конь его копытом крепким бьет,

То зубом волк рванет,
То острым рогом вол боднет.
Лев бедный в горе толь великом,
Сжав сердце, терпит все и ждет кончины злой,
Лишь изъявляя ропот свой
Глухим и томным рыком.
Как видит, что осел туда ж, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть
И смотрит место лишь, где б было побольнее.
"О боги! - возопил, стеная, Лев тогда.
Чтоб не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мне один конец скорее!
Как смерть моя ни зла:
Все легче, чем терпеть обиды от осла".
И. Крылов.

Из Федра. На русской язык, кроме Крылова, басню переводили Тредьяковский ("Лев Престарелый"), Сумароков и Измайлов ("Дряхлый Лев"), В несколько измененном виде то же содержание вложено Крыловым в его басню "Лисица и Осел".

Лев состарившийся
57. Филомела и Прокна
(Philomele et Progne)
Однажды Прокна-ласточка летала
От города далеко, в лес, в поля,
И услышала
Песнь Филомелы-соловья.
Тут Прокна вскрикнула: "Сестра! Что с вами случилось?
Как поживаете? Сто лет не видно вас.
С тех пор, как в Фракии расстались,
Не помню, жили ль вы средь нас!
Что вы имеете в примете?
Не здесь же жить среди полей!"
"Ах! - отвечала Филомела ей.
Приятней для меня нет места в целом свете".
"Как? Здесь? Прекраснейшее пенье
Дарить животным и зверям,
Да неотесам мужикам?!
Пред ними изливать восторги вдохновенья!
Нет! Прилетайте к нам, и в пышных городах
Пусть ваше пенье слух ласкает,
Тем более, что здесь, в лесах,
Вам все кругом напоминает,
Как никогда Терей, в порыве исступленья,
На ваши прелести свое направил мщенье".
"Вот это-то воспоминанье,
Ответил Соловей,
Мне легче здесь переносить, в изгнанье;
А там, среди людей,
Я тосковала бы сильнее!.."
А. Зарин.

Басня эта принадлежит Эзопу и имеется также у Бабрия. Во времена Лафонтена известна была только одна эта басня Бабрия;
Филомела и Прокна

многие другие найдены впоследствии. Упоминаемый в басне Терей, фракийский царь, лишил чести и языка Филомелу, сестру своей жены Прокны; сестры отомстили ему, убив его сына Итиса и накормив его телом сына; они были обращены богами - Филомела в соловья, а Прокна в ласточку ("Метаморфозы" Овидия).

58. Утопленница

(La Femme noyée)

Не дай Бог никому капризную жену!

Одна из жен таких на мужа рассердилась.

За что? Да он молчал, так за это взбесилась,

Кричала, плакала, бранилась.

И кинулась в реку - пошла как ключ ко дну.

Муж бедный с радости иль с горя прослезился,

Как скоро до него достигла эта весть;

Но он философ был и все мог перенести:

Подумал и пустился,

Чтоб долг последний ей отдать.

И так в тоске, в печали,

По берегу реки тихохонько идет,

Глядит на все, что ни плывет;

Но волны только щепки мчали,

А нет как нет жены!

Знать надобно, что шел он против быстрины.

Встречается с ним Кум, дивится заблуждению

И говорит ему: "Пойдем вниз по теченью:

Кума должна вон там, гораздо ниже всплыть".

"Не может, братец, это быть;

Покойница во всем напротив поступала

И никому не уступала;

Против воды она, поверь мне, поплывет;

Поставит на своем, хоть три раза умрет".

Измайлов.

Этот злой рассказ взят Лафонтеном у Фаерна, находится также у Поджио и Вердизотти и затем часто повторялся у разных писателей.

59. Ласочка в амбаре

(La Belette entree dans un grenier)

Однажды Ласочка забралась

В амбар чрез узенькую щель.

Раздолье полное! Досель

Бедняжка еле чем питалась.

В довольстве стала жить она.

Лишь только встанет ото сна,

Грызет и ест, пирует вволю,

Благословляя долю.

Бог весть, что гибелью ей стало:

Такая жизнь иль много сала;

Вот что потом случилось с ней.

День ото дня она жирней

Все становилась. Раздобрело,

Толсто, как бочка, стало тело.

В конце недели, раз, она,

Поевши плотно, услышала

Вдруг шум. Тревогою полна,

Она скорее подбежала
К дыре, чтоб вылезть. Ан, узка
Дыра внезапно оказалась.
Бедняжка в страхе заметалась,
Вернулась снова. "Вот доска!
Она воскликнула. И в ней
Та самая дыра, в которую недавно,
Всего назад тому шесть дней,
Ласочка в амбаре
Я так пролезла славно!
Что за диковина?.."
А Крыса ей в ответ:
"Диковины тут нет!
Тогда была ты-кости, кожа,
Теперь на бочку ты похожа.
Ты сбрось-ка жир - исчезнет сразу чудо!.."
Слова ее сказать другим не худо.
Но лучше басни мы не будем разбирать,
Чтоб с вашими дела их не мешать...
А. Зарин.

Сюжет заимствован у Эзопа и Горация. В словах крысы видят (Ренье) намек на современные события, именно на присуждение судом (chambre de justice) в 1661-1666 годах значительных сумм с тогдашних финансистов.

60. Кот и старая Крыса
(Le Chat et le vieux Rat)
Какой-то Кот, гроза мышей,
Примерной ревностью своей
И кровожадностью и силой
Прославивший в округе Аттилой,
Задумал истребить в один поход
Не только у себя в холодной клетке,
Но весь на свете
Крысиный род.
Умолкли крысы... их головки
Не помышляют о былом...
Кот и старая Крыса
Что им пустые мышеловки
В сравнении с Котом!
А Кот в восторге, в восхищеньи!
И, чтоб поболее явить свое уменье,
Он, наконец,
Вниз головой повесился, хитрец!
Не дышит грудь, не слышно храпа,
Совсем мертвец
(А между тем за шнур вцепилась лапа).
Крысиный род решил,
Что Кот, должно быть, нашалил:
Украл жаркое,
Иль что другое
Ну, словом, пойман был
И, без сомненья,
Повешен был за преступленье!

И вот,
Крысинный род
Пошел к Коту на погребенье.
Шныряют, бегают, скребут
И торжества, в восторге, ждут...
Но вдруг... о ужас!.. Кот сорвался,
Двух-трех ближайших крыс поймал
И так сказал:
"Вас наказать не так я собирался!
Ведь это что?! Я знаю план другой!
Ступайте-ка покудова домой!"
Кот не соврал. Осыпавшись мукою,
В квашню забрался он,
И крысы все, со всех сторон,
К нему посыпались толпою.
Но Крыса старая (конечно, неспроста:
Была та крыса без хвоста)
Коту на это проворчала:
"Не соблазняюсь я нимало,
Будь ты хоть не котом,
А впрямь мучным мешком!"
Старуха верно рассуждала,
И можно ль лучше рассуждать?
Ведь недоверчивость есть счастья мать
И безопасности начало!
В. В. Жуков.

Содержание басни есть у Эзопа, Федра и Фаерна. Лафонтен называет кота именем Родиларда (истребителя сала), взяв это имя у Рабле. - Содержание басни вошло в известную сказку Жуковского "Война Мышей и Лягушек".

61. Влюбленный Лев
(Le Lion amoureux)
Посвящается девице Севинье
О Севинье, все прелести которой
Служили грациям прекрасным образцом!
Прочтите басню без укора
И не пугайтесь перед Львом!
Он, вопреки бессильному злословью,
Был усмирен всеильною любовью.
Любовь-есть нечто странное во всем,
И счастлив тот, кто с нею незнаком...
Какой-то Лев, из важного сословья,
Пастушку встретил на лугу
И воспылал к ней страстною любовью,
Какой любить я, право, не могу!
Он стал ухаживать за нею,
Отца ее повергнувши в печаль.
А тот искал зятка себе смиреннее,
Да ведь ему и дочки было жаль.
Но как откажешь? Ведь опасно!
И знал то он прекрасно
(Кто с этим делом незнаком?),
Что обвенчаться можно и тайком,

Тем паче, дочь его нимало
Любовь слепая не пугала!
Отец промолвил тут:
"Послушай-ка, зятек,
Ведь дочь моя нежна, как фея сказки,
А твой-то ноготок
Совсем устроен не для ласки!
Так вот, коль хочешь зятем быть,
То, не боясь за целость шубы,
Изволь-ка когти обрубить
Да подпилить получше зубы!
Твой поцелуй тогда не будет грубый,
Да и жена
С тобою будет более нежна!.."
Лев согласился... Ослепила
Его коварная любовь,
Но без когтей и без зубов
Исчезла в нем былая сила,
И стая псов
От сватовства безумца отучила...
Любовь, любовь!.. И я скажу в раздумье,
Когда мы страстью возгорим,
Мы говорим:
Прощай, прощай, благоразумье!
В. В. Жуков.

Содержание заимствовано из басен Эзопа, которые вошли и в Сборник Вердизотти (прим. к басне 38). Франсуаза-Маргарита де Севинье, которой посвящена басня, была дочь знаменитой г-жи Севинье, прославившейся письмами именно к этой своей дочери, которая в 1669 г., год спустя после посвящения ей этой басни, вышла замуж за г. де Гриньяна.

62. Пастух и Море

(Le Berger et la Mer)

Пастух в Нептуновом соседстве близко жил:
На взморье, хижина уютной обитатель,
Он стада малого был мирный обладатель
И век спокойно проводил.
Не знал он пышности, зато не знал и горя,
И долго участью своей
Довольней, может быть, он многих был царей.
Но, видя всякий раз, как с Моря
Сокровища несут горами корабли,
Как выгружаются богатые товары
И ломятся от них анбары,
И как хозяева их в пышности цвели,
Пастух на то прельстился;
Распродал стадо, дом, товаров накупил,
Сел на корабль - и за Море пустился.
Однако же поход его не долгов был;
Обманчивость, морям природну,
Он скоро испытал: лишь берег вон из глаз,
Как буря поднялась;
Корабль разбит, пошли товары ко дну,
И он насилу спасся сам.

Теперь опять благодаря морям
Пошел он в пастухи, лишь с разницею тою,
Что прежде пас овец своих,
Теперь пасет овец чужих
Из платы. С нуждою, однако ж, хоть большою,
Чего не сделаешь терпеньем и трудом?
Не спив того, не съев другого,
Скопил деньжонок он, завелся стадом снова
И стал опять своих овечек пастухом.
Вот некогда, на берегу морском,
При стаде он своем
В день ясный сидя
И видя,
Что на Море едва колышется вода
(Так Море присмирело)
И плавно с пристани бегут по ней суда:
"Мой друг! - сказал. - Опять ты денег захотело,
Но ежели моих - пустое дело!
Ищи кого иного ты проведешь,
От нас тебе была уж честь.
Посмотрим, как других заманишь,
А от меня вперед копейки не достанешь".
Баснь эту лишним я почел бы толковать;
Но как здесь к слову не сказать,
Что лучше верного держаться,
Чем за обманчивой надеждою гоняться?
Найдется тысячу несчастных от нее
На одного, кто не был ей обманут,
А мне, что говорить ни станут,
Я буду все твердить свое:
Что впереди - Бог весть; а что мое - мое!
И. Крылов.

Займствована у Эзопа. Кроме Крылова, на русский язык басня переведена
Сумароковым ("Пастух-мореплаватель").

63. Муха и Пчела
(La Mouche et la Fourmi)
В саду, весной, при легком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя.
И, на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: "Уж как тебе не лень
С утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоём я в сутки захирела.
Вот, например, мое
Так, право, райское житьё!
За мною только лишь и дела:
Летать по балам, по гостям:
И молвить, не хвалясь, мне в городе знакомы
Муха и пчела
Вельмож и богачей все дома.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины,

Из первых я уж верно тут.
И ем с фарфоровых богатых блюд,
И пью из хрусталей блестящих сладки вины,
И прежде всех гостей
Беру, что вздумаю, из лакомых сластей,
Притом же, жалуя пол нежной,
Вкруг молодых красавиц вьюсь
И отдыхать у них сажусь
На щечке розовой иль шейке белоснежной".
"Все это знаю я, - отвечает Пчела.
Но и о том дошли мне слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирах лишь морщатся от Мухи,
Что даже часто, где покажешься ты в дом,
Тебя гоняют со стыдом".
"Вот, - Муха говорит, - гоняют! Что ж такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое".
И. Крылов.

Крылов в значительной степени отступил в этой басне от подлинника, заимствованного у Федра, заменив даже муравья пчелой, но смысл басни остался тот же. Тредьяковский перевел ее почти буквально ("Муха и Муравей").

64. Садовод и Помещик
(Le Jardinier et son Seigneur)
Какой-то Садовод-любитель,
Не городской, но сельской житель,
Имел прекрасный огород,
А рядом с ним возделанное поле.
Садовод и Помещик
Немало он убил и денег, и хлопот,
Чтоб разрастался сад в спокойствии и холе.
Для этого всю землю он обнес
Живым плетнем из виноградных лоз
И посадил в саду испанские жасмины
(Букет из них Марго дарил он в именины),
Капусту, тмин, щавель... И эту благодать
Вдруг дерзкой заяц начал истреблять.
Решил к Помещику Садовник обратиться.
"Вот, - говорит, - проклятый зверь!
Повадился ходить ко мне теперь;
Ни палок, ни камней, ни сети не боится,
Ну, просто чародей!"
"Какой там чародей?
Помещик возразил. - Да будь он сатанюю,
Не поздоровится шутить ему со мною.
Его я отучу от этих штук, ей-ей!"
"Когда ж?"
"Хоть завтра; медлить нет причины".
И вот является с толпою слуг своих.
"Хозяин!.. Закусить!.. Подай-ка нам дичины...
А это дочь твоя? Есть у нее жених?
Поближе подойди, красавица... Ну, что же
Ты дочь не выдаешь?.. Негоже, брат, негоже!

Тряхни своей мощной".
Пошучивая так, красотку он ласкает,
Сажает рядышком с собой,
Ей нежно ручку жмет, платочек подымает.
Слегка противится садовникова дочь,
Но, видимо, от барских ласк не прочь.
Отца ж досада разбирает.
Меж тем кутеж идет... На кухне шум и гам.
"Вот окорок!.. Не стар?.. На вид весьма приличен".
"Позвольте поднести его, мой барин, вам".
"Возьму с охотою: к подаркам я привычен..."
Едят все взапуски... Толпа нахальных слуг,
Собаки, лошади-запасы истребляют.
Хозяин сам не свой - берет его испуг.
Тут пьют его вино, там дочь его ласкают.
Но вот окончен пир... А шум еще сильнее,
Все суется и хлопочут,
Труба гремит, рога грохочут,
Не жалко им ничьих ушей...
Но что за грустная картина?
В плачевном виде огород.
Прощай, щавель! Прощайте, грядки тмина!
Все, что хозяйка в суп кладет!..
Вот заяц найден,- с гиканьем и ревом
Заставили его покинуть дом;
Он под капустным спрятался кочнём,
Но спасся в щель, иль попросту в пролом,
Устроенный в плетне садовом
Толпою слуг, чтоб впопыхах
Из сада выехать удобней на конях.
Твердит Садовник: "Что ж, господская забава!"
Но кони, гончие и дерзких слуг орава
Наделали таких непоправимых бед,
Каких не причинить всем зайцам во сто лет.
Вы, мелкие князья, решайте ваши споры,
Не обращаясь к сильным королям.
Зачем их в ваши вмешивать раздоры
И допускать их к вашим городам?
В. Мазуркевич.
Займствована у Эзопа.
65. Осел и Собака
(L'Ane et le petit Chien)
Зачем насиловать природу:
Себя нельзя переменить,
И неуклюжему уроду
Едва ль возможно ловким быть.
Однако редко тот, кого судьба ласкает,
Врожденный свой талант умело применяет.
Пускай не служит вам образчиком Осел,
Который, ради получения
Хозяйского расположения,
К хозяину ласкаться подошел.

Он про себя раздумывал: "Ужели
Собачку ждет и ласка, и хвала
За то лишь, что она с хозяйкою мила?
Меня же, бедного Осла,
Побои только ждут; обидно, в самом деле.
А в сущности, что делает она?
Лишь лапку подает - вот весь талант Собачки.
За что ей сыплются хозяйская подачки.
Работа эта, право, не трудна,
И если только в этом дело,
Его я выполню умело".
Проникнутый намереньем таким,
Осел к хозяину подходит неуклюже,
Копытом стоптанным своим
Его ласкает, и к тому же
Еще ревет, да как! Мелодией такой
Он скрасить, зная, хотел поступок дерзкий свой.
- Ого! вот нежности! Эй, палку мне скорее!
Хозяин закричал. - Запел ты невпопад!
Пришлось запеть Ослу совсем на новый лад
И положить конец своей плохой затее.
В. Мазуркевич.

Займствована у Эзопа.

66. Война Крыс и Ласок
(Le Combat des Rats et des Belettes)

Не менее Котов самих
И Ласок храбрая порода
Врагом крысиного народа
Всегда была, и между них
Наверно бы опустошений
Она наделала больших,
Когда бы двери их владений
Так узки не были везде,
Что помогало им в беде.
В одну несчастную годину
Обилен был крысиный род,
И на врага в тот самый год
Свою громадную дружину
Повел крысиный царь Крысяк.
Но не дались враги впросак:
Взвились знамена боевые,
И Ласки двинулись в поход;
Кипели схватки роковые,
Но был неведом их исход;
Тускнели всюду луговины
От крови доблестной дружины.
Крысиный род, в конце концов,
Лишившись множества бойцов,
Понес повсюду поражение.
Напрасно грозный Крохобор,
И Хлебный Тать, и Кусобор
Врагов своих в пылу сраженья

Пытались выдержать напор;
Смятение царило в стане,
Бежали в страхе с поля брани
И командиры, и бойцы,
Князя же все легли на месте.
Спасались в норы беглецы,
Забыв о долге и о чести.
Вся эта мелкая орда
Простых людишек без труда
Пролезла в узенькие норы,
Но в них застряли господа:
Из перьев пышные уборы,
Носимые на страх врагам,
Размеры шлемов их и касок
Их сделали добычей Ласок:
Не встретилось отверстие там,
Достаточно широкой щели,
Куда б они пройти успели,
И Крыс значительных тела,
Подобно листьям, без числа,
Усеяли собою поле.
Помехой служит поневоле
Чрезмерно пышный наш убор
И причиняет замедленье.
Вся мелкота с давнишних пор
Привыкла ждать себе спасенья,
В нору юркнув без затрудненья;
А те, которые крупней,
Застрянут в ней.
О. Чюмина.

Из Федра. Басня эта создавалась под несомненным влиянием героическо-комической поэмы "Война Крыс и Лягушек", которая приписывалась Гомеру и которая послужила образцом Жуковскому в его "Войне Мышей и Лягушек"; имена Крохобор и Кусобор суть переводы греческих из этой поэмы.

67. Обезьяна и Дельфин
(Le Singe et le Dauphin)
У греков было в старину обыкновенье
Брать в плаванье с собой собак и обезьян.
Однажды на пути из отдаленных стран
Корабль их потерпел, в виду Афин, крушенье.
Никто б не спасся из морской,
Разверзшейся для них пучины,
Когда б не помогли чудесно им Дельфины,
Которыми любим наш род людской,
Коль верить Плинию. Благодаря Дельфину,
Который сходством был введен в обман,
Чуть даже не спаслась одна из обезьян,
Взобравшись с важностью к нему на спину,
Как будто бы была она
Певцом прославленным в былые времена.
Готовясь высадить спасенную, случайно
Ей задает вопрос Дельфин.

"Вы из прославленных Афин?"
 "О, да! Я там известна чрезвычайно,
 Ответила она. - Двоюродный мой брат,
 Назначенный в том городе судьей,
 Вам услужить во всем, конечно, будет рад.
 Все лучшие места семьею
 Там нашей заняты". - Ответил сын морей:
 "Благодарю! Прошу я дозволения
 Спросить вас: часто, без сомненья,
 Вы посещеньями счастливите Пирей?"
 "О, каждый день! Мы другом дома
 Его считаем с давних пор;
 С ним близко вся семья знакома".
 Так заключило разговор
 Болтливое и вздорное создание,
 Обезьяна и Дельфин
 Приняв за имя - гавани название.
 Есть люди - счет теряю им:
 Невежды круглые во всем, но без умолку
 Повсюду обо всем трещащие без толку;
 Они и Вожирар готовы счесть за Рим.
 Дельфин взглянул, смеясь, на Обезьяну
 И, убедясь тотчас,
 Что он, поддавшись обману,
 Животное, не человека спас,
 Швырнул ее обратно в море,
 А сам поплыл немедля прочь,
 Чтоб людям в бедствии и горе
 Помочь.
 О. Чюмина.

Басня принадлежит Эзопу и встречается в сборнике Фаерна (см. прим. к басне 24). Плиний рассказывает, что Арион, которому во время морского переезда матросы угрожали смертью, бросился в море, и дельфин, привлеченный его пением, взял его на свою спину и приплыл с ним к берегу. Упоминаемый в басне Лафонтеном Вожирар - деревня близ Парижа. Отдаленно перевел эту басню Сумароков под заглавием "Дельфин и Невежа-хвостун".

68. Язычник и деревянный Идол
 (L'Homme et l'Idole de bois)
 Для дома своего завел язычник бога,
 Простого Идола, и - как бывало встарь
 Воздвиг ему алтарь,
 Обеты произнес и соблюдал их строго.
 В покорном ожидании чудес
 Бедняк из кожи лез,
 Стараясь угодить бесчувственному богу.
 Своим молитвам на подмогу
 Он не жалел даров, обильно жертвы жег,
 Но глух и нем к мольбам был деревянный бог.
 Язычник не видал ни в чем его участия;
 Везде убытки нес, везде терпел обман,
 Ни в жизни, ни в игре не испытал он счастья,
 И с каждым днем тощал его карман.
 Но богу своему моляся, как и прежде,

Он жертвы не жалел, на чудеса в надежде.
Шли месяцы, года. Язычник изнемог.
Напрасно богу он в отчаяньи молился,
Все так же глух и нем был деревянный бог.
В конце концов, язычник обозлился
И бога своего, как старый черепок,
Разбил в куски... Вот, развалился бог!
Пустой на вид,
Он оказался золотом набит.
Язычник стал корить поверженного бога:
"Когда я угодить из всех старался сил,
Ты только мне вредил.
Иди же прочь от моего порога!..
Ни жертвы, ни мольбы, а крепкое дубье
Растрогать лишь могло бесчувствие твое!..
Похож ты на пустых, чванливых дураков,
Что платят грубостью за всякое вниманье.
Как и тебе, без дальних слов,
Нужна им палка в назиданье".

А. Зарин.

Заимствована у Эзопа.

69. Ворона (в павлиньих перьях)
(Le Geai pare des plumes du Paon)
Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не роднися;
И если карлой сотворен,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.
Утыкавши себе павлиньим перьем хвост,
Ворона с Павами пошла гулять спесиво
И думает, что на нее
Родня и прежние приятели ее
Все заглядятся, как на диво;
Что Павам всем она сестра
И что пришла ее пора
Быть украшением Юнонина двора.
Какой же вышел плод ее высокомерья?
Что Павами она ощипана кругом,
И что, бежав от них, едва не кувырком,
Не говоря уж о чужом,
На ней и своего осталось мало перья.
Она было назад к своим; но те совсем
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ее затеи тем,
Что от Ворон она отстала,
А к Павам не пристала.
Я эту басенку вам былью поясню.
Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
Чтоб в знатную войти родню.
Приданого за ней полмиллиона.

Вот выдали Матрену за барона.
Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
Попреком, что она мещанкой родилась,
А старая за то, что к знатным приплелась:
И сделалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.
И. Крылов.

Содержание басни у Эзопа, Федра и Горация. Кроме Крылова, на русский язык басню переделали Сумароков ("Коршун в павлиньих перьях") и Тредьяковский ("Ворона, чванящаяся чужими перьями").

70. Верблюд и плывущие Поленья
(Le Chameau et les Batons flottants).
Кто первый увидал Верблюда,
Тот прочь бежал при виде чуда;
Второй осмелился приблизиться к нему,
А третий-и узду надел на дромадера.
Так, силою привычки и примера,
Становимся мы близки ко всему,
Что нам казалось пугающим и странным
С ним находясь в общенье постоянном.
В пример тому я приведу рассказ.
Стоявшие на страже как-то раз
Увидели предмет, плывущий в отдаленье,
Немедленно решили все вокруг:
- Большой фрегат иль брандер! - Чрез мгновенье
Все в нем увидели простой с товаром тюк,
Челнок и, наконец - плывущие Поленья.
Знаком я в свете кое с кем,
Кого касается мое повествованье:
Верблюд и плывущие поленья
За нечто их сочтешь на расстоянье,
Вблизи ж они окажутся ничем.

О. Чюмина.

Займствована у Эзопа.

71. Лягушка и Крыса
(La Grenouille et le Rat)
"Кто хочет обмануть другого, тот нередко
Сам попадается", - сказал Мерлен давно.
Сужденье это очень метко,
Да жаль, в наш век состарилось оно;
Однако же вернусь к повествованью:
У берега пруда откормлена, жирна,
Предавшись сладкому мечтанью,
Сидела Крыса; видимо, она
Совсем была несклонна к воздержанью.
С ней разговор Лягушка завела
И молвила: "Я угощу на славу,
Пойдем ко мне". Пришелся зов по нраву
И Крыса радостно согласие дала.
Какие ж тут еще, казалось бы, приманки!
Однако же Лягушка ей поет
О редкостях трясины и болот,

О прелестях диковинной гулянки
Под гладью тинистой вод,
О том, как, побродив по всем болотам этим,
Она вернется с гордостью домой
И в добрый час расскажет детям
Про жителей страны чужой,
Лягушка и Крыса
Про управленье, общество и нравы
Лягушечьей державы.
Все хорошо, да горе только в том,
Что Крыса плавает с трудом.
Но Квакушка и здесь нашлася; Крысы ногу
К своей ноге привязывает вмиг,
С подругой вместе в воду-прыг!
И вот пускаются в дорогу...
Но, очутясь среди болот,
Хозяйка гостью тянет в лоно вод,
Чтоб, все обычаи коварно нарушая,
Скорей в болоте Крысу утопить.
"Пожива, дескать, не простая,
Такой кусок не шутка раздобыть!.."
Лягушка про себя мечтает; Крыса ж бьется,
Взывает к небесам. Лягушка знай смеется,
Да тянет Крысу вниз... Среди борьбы такой
Вдруг Коршун закружил в выси под облаками.
Увидел Крысу он, упал с небес стрелой,
Схватил ее, взвился и - вытащил когтями
Лягушку с Крысой заодно:
Погибнуть им обоим суждено.
А Коршун рад: событие такое
Не принесло ему вреда:
На ужин рыбу и жаркое
Заполучил он без труда.
Таков судьбы закон суровый,
Предупрежденье шлет он нам;
Кто для других сплетает ковы,
В них попадает часто сам!

В. Мазуркевич.

Займствована у Эзопа. Упоминаемый в басне Мерлин - волшебник известных рыцарских повествований "Круглого Стола".

72. Дань Зверей Александру
(Tribut envoye par Animaux a Alexandre)
Ходила басня в оны времена.
Я не постиг ее иносказанья;
Быть может, будет вам понятнее она,
Так вот в чем басни содержание:
Прошла молва на много миль кругом,
Что некий Александр, Юпитера потомок,
Решив завоевать весь мир своим мечом
(А сделать это он легко мог),
Дал приказанье, чтоб со всех сторон
Без замедленья

К нему явились на поклон
И человек, и зверь, и прочие творенья,
Не исключая вольных птиц,
Не знавших власти и границ.
Такой приказ поверг зверей в смятенье;
Все поняли, что с этих пор
Пойдет другой уж разговор,
И всем, не ведавшим в деяниях препоны,
Придется признавать законы.
Из логовищ, берлог сошлись все на совет,
Судили, спорили, рядили
И наконец решили
Послать царю смиренный свой привет,
А вместе с тем, в знак уваженья,
И подношенья.
Послом к царю решили нарядить
Лукавую Мартышку,
И толком записать ей в книжку
Все, что царю ей надо говорить.
Но что поднести? - все в затрудненьи.
Решили - золото. И вот
Его животным в долг дает
Какой-то князь, который во владенье
Своем имел большие рудники.
Осел и Мул взялись везти мешки,
Верблюд и Конь даны им для охраны;
И так пустились вчетвером
С Мартышкою, вновь избранным послом,
В чужие страны.
Вдруг Лев послов встречает на пути
(Послы не ждали этой встречи).
"Вот кстати! - Лев кричит. - так веселей идти!
Я дар царю хотел отдельно поднести,
Да груз мне оттянул все плечи.
Не будете ль добры вы взять его с собой,
Труд небольшой!
Придется каждому лишь по четвертой части,
А мне удобней будет без мешков
Вас охранять от злой напасти
И от воров".
Льву отказать, конечно, невозможно.
Лев принят ласково, от ноши облегчен,
Хотя посламу едва ль приятен он:
Сообщество его куда как ненадежно!
Но делать нечего. Все движутся вперед,
Питаясь на казенный счет.
Идут. Пришли на луг. Лаская нежно взгляды,
Ковер пестреет из цветов,
Лежат стада овец, ища в тени прохлады;
Журчит ручей средь низких берегов.
Тут Лев стал сам не свой от жалоб:
"Я нездоров; в огне горю я весь,

Целебную траву найти мне не мешало б
Да полечиться здесь!
Не тратьте времени, ступайте,
Своей дорогою одни,
Лишь деньги мне мои отдайте,
Понадобиться могут мне они".
Все разгрузились. Лев кричит, ликуя:
"Смотрите-ка, как много дочерей
Мне родили монеты! Ей-же-ей,
Иные доросли уже до матерей!
Приплод, конечно, мой! Себе его беру я!"
Послы поражены... Передает молва,
Что к Александру появились
Они с горячей жалобой на Льва;
Но толку никакого не добились.
Недаром же слова пословицы гласят:
"Свой своему невольно брат"...
В. Мазуркевич.

Лафонтен ссылается как на источник своей басни на какую-то басню, распространённую в древности; но ни в одном из древних авторов ее не находят. Комментаторы полагают, что он встретил ее в каком-нибудь утраченном сборнике.

73. Мстительный Конь и Олень
(Le cheval s'etant voulu venger du Cerf)
Конь не всегда служил рабом для человека.
За много сотен лет до нынешнего века,
Когда кореньями питался род людской,
Ослы и лошади паслись в глуши лесной.
В то время не было ни седел, ни строений,
Ни сбруй, удобных для сражений,
Ни шор, ни дрожек, ни возков,
Как не было ни свадеб, ни пиров.
Вот в те-то времена поспорил Конь с Оленем
О быстроте своих могучих ног;
Но перегнать Оленя он не мог,
И давши волю зависти и пеням
Он к человеку с жалобой пошел.
Тот скакуна взнуздал, вскочил в седло, дал шпоры
И полетел чрез лес и горы,
Поля и доли,
Оленя догонять. Без состраданья,
Покою он бедняге не давал. И так его загнал,
Что испустил Олень, в конце концов, дыханье.
Конь благодетеля тепло благодарит:
"Спасибо, - говорит,
Я возвращусь к себе, чтоб снова жить на воле".
Но человек в ответ: "Оставь свои мечты!
Я понял лишь теперь, на что годишься ты.
Останься здесь со мною... В холе,
Накормлен и согрет,
Ты проживешь, не зная огорченья!"
Увы, на что нам жизни наслажденья,
Когда свободы нет!

Тут понял Конь свою неосторожность...
Но поздно - цепи на ногах,
Конюшня ждет. Утрачена возможность
Бежать неволи злой - и умер он в цепях,
Порабощенный тесною конюшней.
А отнесися он к обиде равнодушной,
Его судьба была б не та.
Для многих в мщенье тайная отрада;
Но ради мщенья жертвовать не надо
Тем, без чего вся жизнь ничтожна и пуста.
В. Мазуркевич.

Содержание басни встречается у Федра, у Аристотеля, как произведение греческого поэта Стезихора (636-566 до Р. Х.), и у Горация. Отдаленно перевел ее на русский язык Сумароков ("Олень и Лошадь").

74. Лисица и Бюст
(Le Renard et le Buste)
Величие у нас нередко лишь личина.
И вот причина,
По коей мир подчас и недостойных чтит.
Но, к счастью, лишь ослов пленяет внешний вид;
Лиса же, например, хвалить не станет,
Покамест идолу и в душу не заглянет,
И не решит по ней, чего достоин он.
Так, увидав в саду Бюст славного героя,
Лиса обнюхала его со всех сторон
И молвила, пред ним в раздумье стоя:
"Как благороден лик! какая красота!
Одно лишь жаль, что голова пуста!"
Тут к слову бы сказать, что многие вельможи
Во всем на этот Бюст похожи.
Г-г.

Из Эзопа и Федра. На русский язык басню переводили Дмитриев ("Истукан и Лиса"), Тредьяковский ("Лисица в болванщикове сарае") и отдаленно Сумароков ("Лисица и Статуя").

75. Волк, Коза и Козленок
(Le Loup, la Chevre et le Chevreau)
Наполнить вымя молоком
Коза пошла за травкою в долину,
Замкнула наглухо свой дом
И строго приказала сыну:
Лисица и Бюст
Волк, Коза и Козленок
"Чтоб избежать нам горестных потерь,
Пока не возвращусь я с поля,
Храни тебя Господь открыт на миг хоть дверь
Тем, кто не скажет нашего пароля,
Хотя б тебя и начали просить!
Пароль же будет: волчья сыть!"
Как раз во время разговора
Там проходил случайно Волк,
И речь Козы услышав, взял все в толк.
Коза, конечно, не видала вора.

Она ушла, а Волк уж тут как тут.
Переменивши голос, объявляет
Он: "волчья сыть", и ожидает,
Что дверь ему сейчас же отпрут.
Однако же Козленок осторожен
(Он знал, что здесь обман возможен),
И крикнул, посмотревши в щель:
"А лапка у тебя какая?
Просунь сюда... Коль белая, тогда я
Открою дверь,-иначе-прочь отсель!"
Волк поражен донельзя. Повсеместно
Давным-давно известно,
Что белых лап у Волка не сыскать.
С чем Волк пришел, с тем обратился вспять.
Какую б горестную долю
Козленок бедный испытал,
Когда б поверил он паролю,
Который Волк случайно услышал.
Предусмотрительность двойная
Нужна везде... Не вижу в ней вреда я!
В. Мазуркевич.

Басня вошла в сборник Эзоповых басен французского лирика Коррозе (1560-1568); а также в книгу басен Невеле (XVI в.) "Эзопическая мифология".

76. Волк, Мать и Ребенок
(Le Loup, la Mere et l'Enfant)
Другого этот Волк напомнил мне,
Погибшего в злой западне.
Послушайте как было дело.
Одна семья крестьянская владела
Большою мызою, стоявшей в стороне.
И в чайни себе наживы,
Надеясь, что ему кой-что перепадет,
Волк караулил у ворот,
Смирная хищные порывы.
Тут выходящими из мызы видит Волк:
Овец, ягнят непорочных,
И поросят молочных,
И, наконец, индюшек целый полк.
Пожива хоть куда; но что желать без толку?
Вдруг за стеной он слышит детский крик
И Мать грозит отдать Ребенка Волку,
Когда не замолчит он в тот же самый миг.
Голодный хищник без зазренья
Спешит богам вознест благодаренья;
Но в попечениях о детище своем,
Мать снова говорит, спеша утешить чадо:
"Не плачь, дитя мое, не надо;
Пусть Волк покажется-сейчас его уьем!"
- Как? - молвил тут баранов истребитель,
Мне говорят то так, то сяк.
Мне доказать вы не хотите ль,
Что я, по-вашему, дурак?

Но дайте срок, и я дождусь потехи,
Пусть только мальчуган пойдет собирать орехи.
Едва слова он эти произнес,
Как вышли люди. Сколько было силы,
Остановить его цепной старался пес;
Потом откуда-то явились колья, вилы...
- Ты что здесь делаешь? - был учинен допрос.
Волк, не таясь, ответил на вопрос.
- Спасибо! - мать воскликнула. - Ужели
Я сына для того качала в колыбели,
Чтоб утолил собой он голод твой?
Бедняга был убит без сожаленья,
И волчью лапу с головой
Владелец этого селенья
Повесил с надписью такую у дверей:
"Достойным господам Волкам на поученье:
Не придавать угрозе матерей,
Пугающих детей своих, значенья".
О. Чюмина.

Займствована у Эзопа. Басня находится в изданном в Париже в 1583 г. сборнике басен
Philibert'a Hegemon'a.

77. Ответ Сократа
(Parole de Socrate)
Сократ себе построил дом.
А как мудрец ко всем делам способен,
То вышел домик тот хоть тесен, да удобен;
Лишь роскоши не виделось ни в чем.
Вот критики постройку обступили,
И всякий открывать в ней недостатки стал:
О мелочах различно все судили,
Но общий голос был, что домик слишком мал,
Что негде в нем ни встать, ни повернуться,
И что великому такому мудрецу
Такая конура совсем уж не к лицу.
"Где примешь ты друзей, коль все они сберутся?"
Кричали старику. И молвил тот в ответ:
"Друзьям всегда сердечный мой привет,
Но я боюсь уже не наслаждаться днями,
Когда и этот дом, как он ни мал,
Наполнится действительно друзьями!"
О мудрый грек! Ты истину сказал
И дружбы верный смысл обрисовал ты метко:
О ней частенько всяк из нас слышал,
Но видел друга-очень редко.
Г-г.

Займствована из Эзопа ("Socrate ad Amicos").

78. Старик и его Сыновья
(Le Vieillard et ses Enfants)
Послушайте рассказ фригийского раба!
Он говорил, что сила в единенье,
Что сила всякая в отдельности слаба,
И если сделал я в рассказе измененье,

То вовсе не затем, чтоб, завистью томясь,
Я добивался той же громкой славы,
Нет, просто описать хотел я ваши нравы.
Ведь Федр, лишь к почестям стремясь,
Нередко увлекался славой;
Но я ее считаю лишь забавой.
Итак, вернусь к рассказу поскорей,
Как поучал отец своих детей.
Старик прощался с жизнью земною
И обратился с речью к Сыновьям:
"Вот тонких прутьев пук, скрепленных бечевою;
Сломайте-ка его, а я попозже дам
Вам объяснение, в чем тут дело".
Пучок взял Старший брат, - усилия напруг
И возвратил, сказав: "Нет, не сломать никак!"
Пучок взял Средний брат уверенно и смело,
Но - тот же неуспех! И Младший брат не мог,
Как оба старшие, переломить пучок.
Потратили они и труд, и время тщетно,
Из прутьев ни один им не пришлось сломать.
"Бессильные! - сказал с улыбкой чуть заметной
Отец. - Ужели ж мне пример вам показать?!"
- Он шутит! - порешили дети.
Но нет, Старик бечевку развязал,
Рассыпал прутья эти
И каждый без труда в отдельности сломал.
"Вы видите! Вот сила единенья!
Так будьте же дружны! Пусть сблизит вас любовь".
У ложа Старика стояли все в смущенье,
Но, чуя смерть свою, заговорил он вновь:
"Пред Вышним Судией сейчас готов предстать я
В стране, где ни вражды, ни лжи, ни злобы нет.
Прощайте, милые, и дайте мне обет,
Что будете всегда вы дружно жить, как братья".
Рыдают Сыновья; в печали каждый брат
Хранить завет отца навеки обещает;
Прощается Старик с детьми и умирает.
В наследство Сыновьям (отец их был богат)
Досталось имущество большое,
Да только жаль, расстроено оно;
И бедным Сыновьям с тех пор не суждено
Пяти минут побыть в покое:
Здесь теребит сосед, там лезет кредитор,
Тут просто жалоба, а там судебный спор.
Сначала всем троим удача улыбалась,
В союзе дружеском был твердый их оплот,
Но дружба тесная недолго продолжалась;
Их сблизило родство, разъединил - расчет.
Тщеславье, злоба с завистью и сплетней
В их отношениях стали все заметней.
Сначала спор, затем раздел,
А враг как раз лишь этого хотел;

Вновь кредиторы налетели,
Ущерб наносят в каждом деле,
И каждый промах, ложный шаг
Подстерегает хитрый враг.
В суде ждет братьев поражение,
Но братья продолжают спор
И делают в каком-то ослепленье
Друг другу все наперекор!
Один решает так, другой решает эдак,
И напоследок
Они узнать принуждены,
Что этою враждой вконец разорены,
И тут, хоть поздно, вспомнили с тоскою
О прутьях, связанных одною бечевою.
Р. Мазуркевич.

Содержание заимствовано у Эзопа и Плутарха.

79. Оракул и Безбожник

(L'Oracle et l'Impie)

Безумье полагать, чтоб жители земли
Вести в обман богов могли!
Что в лабиринте душ среди изгибов скрыто,
Их взору вещему заранее открыто;
Все ведают и видят все они,
Что смертный утаить надеется в тени.
Язычник некий (он в иные дни
Наверно бы припахивал горелым)
Условно веровал в богов,
Как тот, кто, движимый одним разлетом смелым,
В том случае, принять наследие готов,
Когда от этого убытка не находит.
Он к Аполлону в храм приходит
И говорит: "Живое ль то, что я
Держу в руке, иль лишено дыханья?"
Меж тем в руке держал он воробья,
Готовясь задушить несчастное созданье
Иль выпустить его, и бога ввести в обман.
Но Аполлон постиг его коварный план
И молвил он: "Живым иль без дыханья,
Но воробья давай, и впредь,
На зло себе, не прибегай к обману,
Пытаясь мне расставить сеть:
Я вижу издали и издали достану".

О. Чюмина.

Из Эзопа.

80. Скупой, потерявший свое богатство

(L'Avare qui a perdu son tresor)

Хотел бы я спросить Скупца,
Который страстно и сердечно
Одни лишь деньги копит вечно
С начала жизни до конца,
Ничем буквально не согретый:
Какая польза в жизни этой?

Да никакой!.. Я знал Скупого...
Он жизни ждал себе второй,
Чтоб насладиться снова
Своей несметною казной.
Но в том-то, видите ль, и дело,
Что (слух прошел со всех сторон)
Не он,
А им казна его владела!
Гулял ли он, иль приходил домой,
Сидел ли скромно за едой,
Иль шел ко сну, людьми забытый,
Он мыслью занят был одной
О месте том, где деньги были скрыты.
Туда так часто он ходил,
Что кто-то как-то проследил
И обокрал казну Скупого!..
Скупец, конечно, зарыдал,
Захныкал, застонал,
Произнести не в силах слова...
"Чего ты плачешь, милый друг?"
Его спросил один прохожий.
"Ах, у меня... Великий Боже!..
Украли с деньгами сундук!..
"Да где ж лежал сундук с деньгами?"
"Вот тут! Вот в этой яме!"
"И поделом! Теперь ведь не война
На свете!
Твоя казна
Могла б лежать и в кабинете!"
"Но кто ж украсть ее посмел,
Когда я сам к деньгам не прикасался?"
"Ну, при таком порядке дел
Один конец тебе остался:
На яму камень навали
И от нее вдали
Воображай, что там лежит твое богатство!"
И я замечу без злорадства,
Что тот лишь деньгами владел,
Кто их расходовать умел.
В. Жуков.
Из Эзопа.
81. Хозяйский глаз
(L'Oeil du Maitre)
Олень попал к быкам в загон,
Но ими был предупрежден,
Чтоб к лучшей он прибег защите.
"Друзья мои, меня вы не гоните!
Взмолился тут Олень. - Укройте от врагов;
За это я готов
Вам указать и пастбища, и нивы,
Покрытые обильною травой,
Где б на свободе день-деньской

Пастись с отрадою могли вы".
Быки свое согласие дают.
Олень вздохнул вольней, приободрился
И в уголке укромном притаился.
Вот под вечер быкам обычный корм несут,
Снуют работники, приходит управитель,
Осматривает все, обходит все вокруг,
Однако ж ни он сам и ни один из слуг
Не видят беглеца. Лесов дремучих житель
Хозяйский глаз
Благодарит быков и с нетерпеньем ждёт
Начала полевых работ,
Чтоб незаметно выйти в поле.
"Не радуйся пока своей счастливой доле,
Ему заметил Бык; - стоглазый человек
Еще не совершал вечернего обхода.
Нельзя пока решить, удастся ль твой побег".
А как близка свобода!
Но вот идет Хозяин сам в загон,
Бранит прислугу: "Что за нераденье,
Корм не засыпан, пол не подметен!
Грязна подстилка... Всюду запустенье
И паутина по стенам!"
Хозяин ходит, смотрит здесь и там,
И видит вдруг среди вороха соломы
Какой-то облик незнакомый:
Глядит - Олень! Пришел ему конец!
Его мольбы не тронули сердец,
Постиг Оленя жребий жалкий:
Откуда ни возьмись дреколья, жерди, палки!
Всяк бедного ударить норовит.
Несчастный был толпою вмиг убит.
Его уносят, солят, и соседи
На званом кушают обеде.
Недаром Федр сказал нам в добрый час:
"Свое добро хозяйской глаз голубит,
Все высмотрит хозяйский глаз".
А я скажу: и глаз того, кто любит.
В. Мазуркевич.
Из Федра.
82. Жаворонок с Птенцами и
Землевладелец
(L'Alouette et ses Petits avec le Maitre d'un champ).
"Надейся на себя", - пословица гласит.
Эзоп ей басни придал вид.
Вьют гнёзда жавронки весною,
Когда на нивах зреет рожь,
Вернее: той прекрасною порою,
Когда веселый день бывает так хорош,
Когда цветут зеленые побеги,
Все в мире любит и поет,
И отдаются сладкой неге

Морские чудеса в лоне вод,
В полях хор птичек голосистых
И тигры в зарослях лесистых.
Но из породы жавронков одна
Пичужка время даром потеряла,
Любовных ласк весною не познала,
И летом вывести деток вздумала она.
Свила гнездо, на яйца села.
Заколоситься рожь успела,
Глядь - Птичка вывела ребят.
Еще слабы и хилы детки,
Летать не могут, в гнёздышке сидят;
Мать тащит им букашек, мошек, ветки,
Ну, словом, много ей хлопот,
И вот совет Птенцам дает:
"Пока она заботится о пище,
Сидеть спокойно у себя в жилище
И все кругом как надо примечать.
Когда ж придет Владелец этой нивы
И станет с сыном рассуждать,
Пересказать подробно мне должны вы,
О чем он речь с ним поведет,
От этого зависит наш отлет".
Едва Пичужка улетела,
Пришел Помещик с сыном: "Рожь созрела,
Он говорит, - убрать ее пора,
Проси соседей, чтоб с утра
Они явились завтра к нам с серпами
Жать рожь". - И с этими словами
Отец и сын пошли домой.
А Жавронок, по возвращеньи,
Застал гнездо свое в смятеньи.
"Мамаша! С утренней зарей
Помещик приказал позвать друзей для жатвы!"
Кричит один Птенец.
"И только? Ну, тогда
Навряд вы
Вспорхнете скоро из гнезда.
Спокойны будьте!.. Вот еда!
А завтра, коль придет Помещик снова,
Не упустить старайтесь ни слова!
Ну, а пока ложитесь спать".
Все улеглись, и птенчики, и мать...
Вот день настал, но не пришли соседи.
Забываясь об обеде,
Пичужка вновь оставила детей.
Пришел Помещик снова. "Эх, обидно!
Не сжата рожь еще. Как видно,
Я полагался даром на друзей.
Он говорит. - Сходи, сынок, скорее
К родным, пускай они придут!"
Переполюх в гнезде еще сильнее:

"Они родных, мамаша, позовут!"
"Родных? Ну, вы боитесь вздора,
Нам улетать еще не скоро..."
Был Жаворонок прав. Проходит день, и что ж?
Родные не пришли. Осматривает рожь
Помещик в третий раз: "Да, сделали мы промах,
Зовя родных, соседей и знакомых.
Надейся на себя! Ты сам - свой лучший друг.
Пойдем за нашими... Пускай придут с серпами,
Да за работу примемся-ка сами!
Мы живо рожь сожнем!" В гнезде опять испуг.
Узнав Помещика решенье,
Мать молвила: "Теперь пора!.. Идем!"
И из гнезда, кто влет, кто кувырком,
Все выбрались без затрудненья!
В. Мазуркевич.

Содержание басни у Авиана (см. прим. к басне 7) и Фаерна (прим. к басне 24).
Сумароков отдаленно перевел ее под заглавием "Птаха и дочь ее".

83. Дровосек и Меркурий
(Le Bucheron et Mercure)
А. М. Л. С. Д. В.
Ваш вкус всегда служил мне образцом:
Вновь пробую снискать его я одобренье.
Не по душе для вас искусства извращенье,
Прикрасы хитрые, к туманностям стремленье.
Согласен с вами я: искусства мало в том.
Плох тот поэт, который слишком рьяно
Свой отчищает стих, боясь в нем изъяна;
Скорее истинным поэтом будет тот,
Кому мила игра двусмысленных острот.
Они вам нравятся. Не прочь от них я тоже,
А ваше мнение мне всего дороже.
Признаться, не грешу моралью строгой я,
Которую Эзоп всему считал основой;
И многие бранят меня
За то, что я в стихах их не браню сурово.
Но это - кое-что. Во мне нет столько сил,
Чтоб бичевать, высмеивать пороки,
И я их осторожно обходил,
Боясь в стихах давать уроки.
И в этом мой талант. Велик он или мал,
Я все-таки доволен им. Недавно
В одной я басне показал
Тщеславье с завистью, которыми издавна
Страдает целый свет.
С лягушкой в глупости тягаться,
Которая дородностью сравняться
С быком хотела, - чести нет.
Я делал все, что мог: сопоставлял я разом
Людские глупости и разум,
С волками хищными - овец,
Добро и зло людских сердец,

С трудолюбивыми - ленивых,
С достойной скромностью - спесивых.
В театре у меня то грустный, то смешной
За актом акт идет на смену
Разнообразной чередой.
Вселенная мне заменяет сцену;
И люди, и скоты, и боги, и король
Все в пьесах у меня свою играют роль.
Случается порой и действие, в котором
Юпитер сам является актером...
Меркурия ему на смену
Сегодня вывел я на сцену.
Один несчастный Дровосек
Свой потерял топор - источник пропитанья.
Напрасно прилагал он все свои старанья
Найти его. Он с ним пресек
Все средства к жизни. Стоном, криком
Он оглашал безмолвный бор.
В своем отчаянье великом,
Он восклицал: "О, мой топор!
Юпитер, я молю о жизни и о хлебе,
Будь милостив ко мне, коль милость есть на небе:
Верни топор!" И стоны услышал
Юпитер и к нему Меркурия послал.
-Твой не пропал топор,-бог молвил человеку,
Найти его легко, коль ты узнаешь свой...
И золотой топор он подал Дровосеку,
Но тот не взял его: - Мой не такой!
Меркурий показал серебряный. Но честный
И на него последовал отказ,
И, наконец, увидев свой, железный,
Бедняк вскричал: - Вот мой на этот раз!
Отдайте мне его.
- Иметь ты должен три.
Ты честностью своей являешь исключенье,
Иа?курий отвечал. - Так на тебе, бери
Все топоры в вознагражденье!...
Бедняк три топора забрал,
Два продал - и богатым стал.
Его история повсеместно
Тотчас же сделалась известна.
Примером всем он послужил:
Все дровосеки растеряли
Немедля топоры и стали
Просить Юпитера, чтоб он их возвратил.
Юпитер крики услышал
И к крикунам Иа?ко?иу послал.
Иа?ко?ие каждому из золота топор
Показывал, и каждый соблазнялся,
Не мог от золота отвлечь горящий взор
И за топор тотчас хватался.
Но вместо золота, внезапный страшный гром

Над ними загремел, и в страхе услышали:
- Довольным надо было быть своим добром,
Чтоб получить топор: когда бы вы не лгали,
Верней бы им вы обладали!
Неверный вы избрали путь;
Юпитера вам трудно обмануть...

А. Зарин.

Содержание рассказа о дровосеке заимствовано у Эзопа и у Рабле; последний, яркими красками изобразивший отчаяние и мольбы дровосека, служил Лафонтену образцом. Инициалы посвящения значат: "a Monsier le chevalier de Bouillon". Лафонтен в последние годы жизни сблизился с этим лицом, встречаясь с ним в обществе.

84. Горшок и Котел

(Le Pot de terre et le Pot de fer)

Горшок с Котлом большую дружбу свел;
Хотя и познатней породю Котел,
Но в дружбе что за счет? Котел горой за свата;
Горшок с Котлом запанибрата;
Друг без друга они не могут быть никак;
С утра до вечера друг с другом неразлучно;
И у огня им порознь скучно;
И, словом, вместе всякий шаг,
И с очага и на очаг.

Вот вздумалось Котлу по свету прокатиться,

И друга он с собой зовет;

Горшок наш от Котла никак не отстает

И вместе на одну телегу с ним садится.

Пустились друзья по тряской мостовой,

Толкаются в телеге меж собой.

Где горки, рытвины, ухабы

Котлу безделица; горшки натурой слабы:

От каждого толчка Горшку большой наклад;

Однако ж он не думает назад,

И глиняный Горшок тому лишь рад,

Что он с Котлом чугунным так сдружился.

Как странствия их были далеки,

Не знаю; но о том я точно известился,

Что цел домой Котел с дороги воротился,

А от Горшка одни остались черепки.

Горшок и Котел

Читатель, басни сей мысль самая простая:

Что равенство в любви и дружбе вещь святая.

И. Крылов.

У Эзопа есть басня "Горшки", подобная Лафонтеновой. Идея рассказа содержится также в главе XIII "Экклезиаста". На русский язык басня переведена, кроме Крылова, Сумароковым ("Горшки"), близко передающим подлинник, в то время как Крылов значительно отступает от него как в изложении, так и в нравоучении.

85. Рыбак и Рыбка

(Le Petit Poisson et le Pecheur)

Маленькая рыбка вырастет большою,

Если Бог поможет ей еще пожить.

Но, однако, надо сумасшедшим быть,

Чтоб, руководясь мыслию такою,

Бросить Рыбку в воду. Ведь потом, как знать?
Ухитришься ль снова ты ее поймать?
Раз попался Карпик в сети Рыболова.
- Ну, - Рыбак промолвил, - это не беда;
Для начала карпик - рыба хоть куда!
Все зависеть будет от успеха лова.
Карпик встрепенулся и, спастись желая,
Вкрадчиво промолвил, хвостиком виляя:
- Что, скажите, можно сделать вам со мною?
Я еще не рыба. Так - полукусок.
Бросьте меня в воду. Вырасту большою,
Попадусь я снова вам на ваш крючок
Карп уже изрядный, и богач охотно
За меня заплатит сколько вам угодно.
Рыбак и Рыбка
А теперь что толку?... Чтобы вышло блюдо,
Надо сотню рыбок!.. - Отвечал Рыбак:
- Милый проповедник, ты сказал не худо,
Только, мой голубчик, я ведь не дурак.
Нынче же пойдешь ты в соус на приправу,
Там и проповедуй ты себе на славу!
Журавля мне в небе не сули, мой милый,
Дай синицу в руки,-чтоб вернее было.
А. Зарин.

Займствована у Эзопа. На русский язык басня переведена Сумароковым ("Рыбак и рыбка").

86. Львиный указ
(Les Oreilles du Lievre)
"Такое-то число и год,
По силе данного веленья,
Рогатый крупный, мелкий скот
Имеет изгнан быть из львиного владенья,
И должен выходить тотчас".
Такой от Льва зверям объявлен был указ;
И все повиновались:
Отправился Козел, Бараны в путь сбирались,
Олень и Вол, и все рогатые скоты,
И Заяц по следам вдогонку их. - А ты,
Косой, куды?
Кричит ему Лиса. - Ах, кумушка, беды!
(Трусливый Зайчик так Лисице отзывался,
А сам совался
И метался.)
Львиный указ
Я видел тень ушей моих;
Боюсь, сочтут рогами их.
Ахти! Зачем я здесь остался?
Опаснейшими их рогами обнесут.
- Ума в тебе, Косой, не стало: это уши!
Лисица говорит. - Рогами назовут,
Пойдут и уши тпруши!"
Хемницер.

Сюжет заимствован у Фаерна (прим. к б. 24). В басне этого автора Лев изгоняет из своих владений всех бесхвостых животных; Лисица бежит вместе с другими и на слова Обезьяны, что указ Льва ее не касается, отвечает: "Кто знает?! Если Льву придет в голову признать меня бесхвостой, кто осмелится противоречить ему?.." На русский язык, кроме Хемницера, басню перевел Сумароков ("Заяц").

87. Бесхвостая Лисица

(Le Renard ayant la queue couree)

Преосторожная, прехитрая Лисица,
Цыплят и кур ловить большая мастерица,
На старости своей так сделалась проста,
Что в западню попалась;

Вертелась всячески, туда-сюда металась,
И вырвалась кой-как, но только без хвоста.
Как в лес бесхвостой показаться?

Плутовка вздумала на хитрости подняться.

Взяв важный и степенный вид,

Идет в пещеру, где собирались лисицы.

"Подруги и сестрицы!"

Так говорит она. - Какой нам, право, стыд,

Что по сие мы время

Бесхвостая Лисица

Все носим гнусное и тягостное бремя,

Сей хвост, который по земли

За нами тащится в грязи или в пыли.

Какая польза в нем, скажите?

А вред весь от него я доказать могу.

Вы, верно, сами подтвердите,

Что без хвоста быть легче на бегу,

Что часто за хвосты собаки нас ловили;

Но если бы теперь хвосты мы обрубил..."

"Остановись, остановись!"

Одна ей из сестер сказала.

"А что?" - "Пожалуйста, к нам задом обернись".

Кургузая тут замолчала,

Попятилась назад и тотчас убежала.

"Как страшно замуж выходить!"

Невестам всем твердит увядшая девица.

Конечно, что ж ей говорить?

Такая ж и она бесхвостая Лисица.

Измайлов.

Содержание заимствовано у Эзопа и Фаерна. На русский язык басня переведена, кроме Измайлова, Сумароковым ("Кургузая Лисица"). Грубый вывод из басни в русском переводе принадлежит Измайлову; у Лафонтена нет никакого нравоучения.

88. Госпожа и две Служанки

(La Vieille et les deux Servants)

У Барыни, старушки кропотливой,

Неугомонной и брюзгливой,

Две были девушки. Служанки, коих часть

Была с утра и до глубокой ночи,

Рук не покладывая, прясть.

Не стало бедным девкам мочи:

Им будни, праздник-все равно;

Нет угомона на старуху:
Днем перевесть она не даст за пряжей духу;
Зарей, где спят еще, а уж у них давно
Пошло плясать веретено.
Быть может, иногда б старуха опоздала,
Да в доме том проклятый был петух:
Лишь он вспоет - старуха встала,
Накинёт на себя шубейку и треух,
У печки огонек вздувает,
Бредет, ворча, к прядильщицам в покой,
Расталкивает их костлявою рукой,
А заупрямится - клюкой,
И сладкий на заре их сон перерывает.
Что будешь делать с ней?
Бедняжки морщатся, зевают, жмутся
И с теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а расстаются;
На завтрое опять, лишь прокричит петух,
У девушек с хозяйкой сказка та же:
Их будят и морят на пряже.
"Добро же ты, нечистый дух!
Сквозь зубы пряхи те на петуха ворчали.
Без песен бы твоих мы, верно, боле спали;
Уж над тобою быть греху!"
И, выбравши случай, без сожаленья,
Свернули девушки головку петуху.
Но что ж? Они себе тем ждали облегченья;
Ан в деле вышел оборот
Совсем не тот:
То правда, что петух уж боле не поет
Злодея их не стало;
Да Барыня, боясь, чтоб время не пропало,
Чуть лягут, не дает почти свести им глаз
И рано так будить их стала всякий раз,
Как рано петухи и сроду не певали.
Тут поздно девушки узнали,
Что из огня они да в полымя попали.
Так выбраться желая из хлопот,
Нередко человек имеет участь ту же:
Одни лишь только с рук сживет,
Глядишь - другие нажил хуже!

И. Крылов.

Басня заимствована у Эзопа. На русский язык, кроме Крылова, ее переделали Тредьяковский ("Вдова и Служанки") и Сумароков ("Пряхи").

89. Сатир и Прохожий

(Le Satyre et le Passant)

Сатир с женой своей и кучею детей
Жил на траве, в лесу, охотой занимаясь,
Беспечно, весело, от солнечных лучей,
От ветра и дождя в пещере укрываясь.
Раз собрались они покушать всей семьей.
Похлебки миску наварили.

И в той пещере, дикой и глухой,
Свои припасы разложили.
И сели есть. Как вдруг вошел,
Спасаясь от дождя, Прохожий.
Сатир к нему радушно подошел
И предложил покушать тоже.
Прооїеже, согласясь, тотчас же к ним подсел,
Дыханьем руки согревая.
Все стали есть, а он не ел
И дул, похлебку остужая.
Сатир дивясь смотрел на действия его
И наконец проговорил в смущеньи:
"Любезный гость, что значит это все?"
Тот отвечал без замедленья:
"Я на похлебку дул, чтоб охладить ее,
А на руки, чтоб их согреть немного".
Сатир испуганно воскликнул: "Вот оно!
Ступайте вы скорей своей дорогой!
Нам боги не простят, коль мы приют дадим
И утолим хотя бы тяжкий голод
Тому, кто мог дыханием своим
Давать равно тепло и холод".
А. Зарин.

Из Эзопа. Весь смысл басни построен на игре слов, на переносном значении французского выражения "soufler le chaud et le froid", "дуть тепло и холод", т. е. быть двуличным, то хвалить, то порицать одно и то же. Вольтер сурово осуждал эту басню, не находя в ней соответствия между невинными действиями согревания и охлаждения посредством дыхания и злой иронией двусмысленных выражений.

90. Волк и Конь
(Le cheval et le Loup)
Весною раннею, когда
Сбежала вешняя вода
И поле травкой опушилось,
У Волка старого явилось
Желанье завтрак приобрести
(Ведь в мире каждый хочет есть),
И, выйдя в поле,
Он там, на воле,
Увидел чудного коня.
- О! Завтрак царский для меня!
Во мне забилося уж сердечко,
Одно лишь жаль, что это не овечка;
Ну, все ж попробую!
И вот
Он на себя роль доктора берет!
- Послушай, Конь! Ты, брат, наверно болен?
Я это вижу по всему!
Но я, как Иппократ, спасти больного волен:
Болезни все доступны моему уму!
В мои способности овечка даже верит!
- Ах, да! - промолвил Волку Конь,
В моем копыте веред

Меня измучил, как огонь!"
Волк, не жалея ценной шубы,
К копыту подошел... копыто осмотрел,
А Конь тем временем так дал копытом в зубы,
Что "Иппократ" на сажень отлетел.
-Ну,-с грустью подумал Волк,-за дело Волку
мука!
У всякого своя наука!
Того, что знает дровяник
Не сделает мясник.
В. Жуков.

Займствована у Эзопа. На русский язык басня переведена Сумароковым ("Хромая Лошадь и Волк").

91. Земледелец и его Сыновья
(Le paysant et ses Fils)
Работайте, насколько хватит силы,
Не покладая рук! В работе-тот же клад.
Один крестьянин, будучи богат
И стоя на краю могилы,
Позвал детей своих, и так им говорит
Он без свидетелей, на смертном ложе:
"В наследственной земле богатый клад зарыт,
Продать ее - оборони вас Боже!
Не знаю сам я, где он скрыт;
Но вы, при помощи работы и терпенья,
Его найдете без сомненья.
Вы в августе, окончив умолот,
Немедленно перепашите поле:
Пускай соха везде пройдет,
Копайте, ройтесь там на воле,
Малейший в поле уголок
Пройдите вдоль и поперек".
Он умер. Сыновья все поле перерыли,
Искали там и сям. На следующий год
Оно дало двойной доход,
Но клада так в земле и не открыли.
Отец на свой особый лад
Им показал, что труд-есть тот же клад.
О. Чюмина.

Басня займствована у Эзопа.
92. Гора в родах
(La Montagne qui accouche)
Родами мучилась Гора;
Земля вокруг дрожала.
Бедняжка простонала
С полудни до утра;
Рассеялась, наконец, и родила... мышонка.
Но это старая, все знают, побасёнка;
А вот я быль скажу: один поэт писал
Не день, не два, а целый месяц сряду,
Чернил себя, крестил, марал;
Потом, друзей созвав, пред ними прочитал...

Шараду.
Измайлов.

Займствовано у Федра. На русский язык, кроме Измайлова, басню перевел Сумароков ("Гора в родах"). На тему басни В. Петров (1799) написал длинное стихотворение.

93. Фортуна и Дитя

(La Fortune et jeune Enfant)

Однажды на краю глубокого бассейна,
В кустах, склонившихся пред ним благоговейно,
Дремал ребенок после школьного труда...
Ведь детям ложе всякое кушеткой иль кроваткой,
Когда им сон смежит ресницы дремой сладкой,
Покажется всегда!

Гора в родах

Прохожий, увидав в опасности ребенка,
Шагов бы за двадцать, пожалуй, крикнул звонко,
Чтоб разбудить (и погубить!) дитя...

На счастье тут Фортуна проходила,

На колесе своем, как по ветру, летя,

Вплотную подошла, Малютку разбудила,

И молвила: "Прошу, мой крошка, об одном:

Будь осторожнее потом!..

Ведь если б ты упал, - смерть мне бы приписали;

А между тем была б виновна я едва ли

В оплошности твоей!..

Что ж было бы тогда, коль по вине моей

В бассейне ты лежал?!"

И с этими словами

Пропала за кустами...

Мы все случайности приписываем той,

Что сыплет нам с небес дождь счастья золотой...

И правильно, по мне, Фортуна говорила:

Толпа-ее одну во всем бы обвинила!

Кто век живет глупцом, тот видит корень зла

Лишь в том, что от него Фортуна прочь ушла;

Для мудрого ж она - наивна, простовата...

Короче: бедная пред всеми виновата!..

Аполлон Коринфский.

Содержание займствовано из басен Эзопа и из сатиры французского поэта эпохи Возрождения Ренье (1573-1613).

94. Врачи

(Les Medecins)

У смертного одра

Какого-то больного

Весь день и ночь до самого утра

Все плакали, сказать не смея слова.

А Доктора между собой

Наперебой

Вели дебаты в час досуга,

Как приступить к лечению недуга?

"Припарки и компресс!" - настаивал один.

Другой кричал: "Тут нужно сделать ванны!"

И знает только Бог один,

К чему бы мог прийти их разговор пространный,
Когда бы не больной:
Смирясь пред грозною судьбой,
Он бросил мир болезни и печали,
Пока два Доктора о "способах" кричали.
Один из них, дорогою домой,
С упреком говорил: "Когда бы способ мой
Был принят, он бы жив остался".
"А я давно уж знал",
Другой сказал,
Что он одной лишь смерти дожидался!"
В. Жуков.

Содержание заимствовано из басен Эзопа.

95. Скупой и Курица

(La Poule aux oeufs d'or)

Скупой теряет все, желая все достать.
Чтоб долго мне примеров не искать,
Хоть есть и много их, я в том уверен;
Да рыться лень: так я намерен
Вам басню старую сказать.
Вот что в ребячестве читал я про Скупого.
Был человек, который никакого
Не знал ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнели очевидно.
Он Курицу имел (как это не завидно!),
Котора яйца несла,
Но не простые,
А золотые.
Иной бы и тому был рад,
Что понемногу он становится богат;
Но этого Скупому мало,
Ему на мысли вспало,
Что, взрезав Курицу, он в ней достанет клад.
И так, забыв ее к себе благодаянье,
Неблагодарности не побоясь греха,
Ее зарезал он. И что же? В воздаянье
Он вынул из нее простые потроха.
И. Крылов.

Заимствована у Эзопа, у которого некая вдова начинает кормить больше курицу, чтобы получить от нее больше яиц, но курица зажирела и перестала нестись. На русский язык, кроме Крылова, басню переводили Тредьяковский ("Курица, несущая золотые яйца") и Сумароков ("Золотые яйца"). Комментаторы видят в этой басне Лафонтена намек на современных ему финансистов, отличавшихся стремлением к слишком быстрому обогащению.

Скупой и Курица

96. Осел со священной ношей

(L'Ane portant des reliques)

Нередко люди чтят лишь сан или одежду
И сыпят почести на крупного невежду.
Так, раз попал в неслыханную честь
Осел какой-то заурядный:
Случилось ему в процессии парадной

На собственной спине предмет священный несть.
Вот мой Осел заважничал, зазнался,
И видя, как кругом весь набожный народ
В священном трепете во прах пред ним склонялся,
И дым курильниц к небу поднимался,
Отнес к себе великий сей почет
И стал уже мечтать, как, наравне с богами,
Отныне будет жить он в золоченом храме,
И возвеличит сим весь свой ослиный род.
Но некий человек, Осла увидев заблужденье,
Сказал ему смеясь: "Тщеславное творенье!
Лишь только ношу ты до места донесешь,
Как тотчас же, поверь, в свой прежний хлев
пойдешь".

Г-г.

Займствована из басен Эзопа. На русский язык басню перевел Сумароков ("Надутый гордостью Осел"). К ней близки по содержанию также басни Измайлова "Осел и Конь" и Хемницера "Осел в уборе".

Осел со священной ношей
97. Виноградник и Олень
(Le Cerf et la Vigne)
В один несчастный день
Олень,
Благодаря густому винограду,
Нашел себе спасенье и ограду
Он за листвою
Его густой
Невидим был охотничьему взгляду!
Опасность минула... И вот,
Мой скот
Давай, без всякого смущенья,
Глодать кору и листву огражденья...
Поднял он шум такой,
Что все охотники толпой
Назад вернулись и Оленя
Убили из ружья без сожаленья...
"И поделом!
Сказал безумец, умирая.
Я оскорбил меня же спасши дом,
Его услугу забывая!"
Не забывай,
И отдавай
Тому почтенье,
В ком ты нашел защиту и спасенье!
В. Жуков.

Содержание заимствовано из басен Эзопа и Федра.

Виноградник и Олень

98. Змея и Пила

(Le Serpent et la Lime)

Рассказывали мне: Часовщика соседка
(Подобное соседство, к счастью, редко),
Змея, из маленьких, не видя в мастерской

Себе поживы никакой,
Грызть начала Пилу стальную.
Невозмутимость ледяную
Храня свою, сказала ей Пила:
"Не по себе добычу ты нашла.
Возможно ли так ошибаться грубо?
Скорей, чем на единый грош
Ты сталь мою перегрызешь,
Последнего лишишься зуба,
О сумасбродная Змея!
Лишь времени зубов одних страшуся я".
Умы последнего разбора!
За исключением вздора,
Вы не годитесь ни к чему,
А потому
Зубами рвете все, что истинно прекрасно;
Но их позорный след пытаетесь подчас
На нем оставить вы напрасно:
Творенье гения для вас
Железо, сталь, алмаз.
О. Чюмина.
Из басен Эзопа и Федра. На русский язык басню перевел Сумароков ("Змея и Пила").

Змея и Пила

99. Заяц и Куропатка

(Le Lievre et la Perdrix)

Смеяться над несчастными не след:
Никто из нас не огражден от бед.
Мудрец Эзоп на тему эту
Два-три примера в баснях дал.
Стихи, что предлагаю свету,
Я с той же целью написал.
На поле Заяц с Куропаткой
В соседстве жили. Тихо, гладко
Их жизнь текла; как вдруг стряслась
Беда над Зайцем: след открыли
Его, и с гамом погналась
За ним собачья свора. Затрубили
В рога охотники. Бедняк
К своей норе стрелой помчался,
Свой след петляя от собак,
Так что и лучший пес сбивался;
Но все-таки спастись от смерти не успел:
Вспотевшей шкуры запах чуя,
Один ему на хвост насел,
Второй, с другими соревнуя,
Наперерез ему летел.
Почти что у норы бедняжку псы нагнали
И в клочья разорвали.
Тут Куропатка над бедой
Бедняжки стала насмехаться
И говорила: "И с твоею быстротой
Сумел ты все-таки попасться!"

Что ж ты болтал про силу длинных ног,
Когда от псов спастись не смог?"
Но лишь промолвила, как, смертью угрожая,
К ней бросилась собачья стая.
Заяц и куропатка
На крылья положась, порывисто она
Взвилась над мирными полями;
Но, гибели обречена,
У коршуна погибла под когтями.
А. Зарин.

Займствовано у Федра. По идее и содержанию с этой басней имеет сходство басня Крылова "Чиж и Голубь".

100. Орел и Сова
(L'Aigle et le Hibou)
Орел с Совою помирились
И, закрепить союз покрепче силясь,
По-братски обнялись
И поклялись
(Чтобы верней была услуга)
Птенцов не трогать друг у друга.
"Ты знаешь ли моих птенцов?"
Сова Орла спросила.
"Не знаю!" - молвил тот. "Ах, в том-то
вот и сила!
Не зная их, ты их пожрешь в конце концов".
"Так опиши мне их фигуры!"
Сказал Орел.
И взгляд пронзительный и хмурый
На собеседницу навел.
"Ах, - молвила Сова, - мои птенцы так малы,
Изящны, полны красоты,
Что их из жалости, пожалуй,
Не тронешь ты".
Случилось так, что Бог послал Сове семейство.
Однажды вечером, едва
Сова
Помчалась на злодейства,
Орел по воздуху парил,
И вдруг в расщелине развалин
Птенцов каких-то он накрыл.
Их вид был жалок и печален,
А голос так ужасен и уныл,
Что наш Орел решил сердито,
Что у Совы таких не может быть детей...
И тут же ими сытно
Позавтракал злодей.
Сова вернулась... но... о боги!
Детей уж нет... остались только ноги...
Сова рыдает, мечет, рвет,
Сова разбойников клянет...
Но вот
Ей кто-то молвит таровато:

"Сова! Сама ты виновата!
Ты вздумала, бедняга, без пути
В своей семье прекрасное найти...
Расхвасталась и разболталась,
Ну и попалась!"

В. Жуков.

Басня находится в сборнике Эзоповых басен Вердизотти (примеч. к б. 38).

101. Лев в походе

(Le Lion s'en allant en guerre)

Поход задумал Лев. К военному совету

Через старшин сзывает он зверей.

И мысль одобрив эту

Согласье заявить спешат они скорей

Принять в войне участие, сообразно

Способностям и силам их.

Все действовать готовы разно:

Для перевозки тяжестей больших

Годится Слон; способствуя победе,

На приступы пойдут Медведи;

Лазутчиком назначена Лиса,

Которая творит лукавством чудеса,

Меж тем как Обезьян забавная порода

Должна служить потехою врагам.

Но кто-то высказал совет такого рода:

- Ослов я удалить советовал бы вам

И Зайцев, трусящих без видимой причины.

- Без них неполными явились бы дружины,

Сказал на это мудрый Лев,

Пускай врагов страшит ослиный рев,

А Зайца мы пошлем курьером.

Руководясь таким примером,

Монарх и от ничтожных слуг,

Лишь ознакомившись с их свойствами и даром,

Посильных может ждать услуг:

Для мудрого ничто не пропадает даром.

О. Чюмина

Зайствована из сборника Абстемия (примеч. к басне 24). На русский язык басня отдаленно переведена Хемницером ("Осел, приглашенный на охоту").

102. Медведь и два Охотника

(L'Ours et les deux Compagnons)

Лихие два у нас Охотника здесь были.

Случилось запродать медвежью кожу им:

Медведя хоть они еще и не убили,

Но думали убить, - и долго ли двоим?

Принести покупщику мех славный обещали,

В задаток денег взяли,

Поели, выпили, пустились смело в лес.

И вдруг навстречу, пырь, Медведь к ним из берлоги.

У них тут подкосились ноги:

Один на сосну взлез,

И, сидя на суку, крестился;

Другой же мертвым притворился,
Ничком на землю пал,
Не шевелился, не дышал.
Зверь страшный и мохнатый
Приблизился к нему и так его, проклятый,
Перевернул, обнюхав раза два,
Что тот едва-едва
Не закричал, и кой уж как скрепился.
Но, к счастью, Медведь великий был глупец,
А может быть и трус, что тотчас удалился;
Смельчак тут с дерева спустился;
Открыл глаза мертвец,
Ощупал сам себя, вздохнул и приподнялся.
"С тобою, брат, Медведь шептался?
Товарищ у него спросил.
Скажи, что на ухо тебе он говорил?"
"Что по порядку должно
Медведя наперед убить,
А после этого уж можно
И мех продать, и пить".
Измайлов.

Из басен Эзопа и Абстемия (прим. к б. 24). Знаменитый автор "Мемуаров о Царствовании и жизни королей Людовика XI и Карла VIII", Филипп де Коммин (1509 г.), влагает эту басню в уста императора Фридриха как ответ посольству французского короля, предлагавшего ему завладеть землями герцога Бургундского. Кроме Измайлова, басню перевел на русский язык Сумароков ("Два Друга и медведь").

103. Осел в львиной шкуре
(L'Ane vetu de la peau du Lion)
Осел, прикрывшись львиной шкурой,
Страх наводил на всех людей:
Тупой Осел своей фигурой
Изображал царя зверей!
Но кончик уха, что торчал,
Его обман изобличал.
Тогда погонщик без стеснения
Погнал его, как всех ослов.
Глупцы шептали в изумленье:
"Он не боится даже львов!"
Хоть все знакомы с этой сказкой,
Но сколько видим мы людей,
Которые Осла под маской
Считают львом, царем зверей...
И в жизни красота роскошного доспеха
Три четверти успеха.
А. Зарин.

Из басен Эзопа. На русский язык басню переводил Сумароков ("Осел во львиной коже").

61. Влюбленный Лев
(Le Lion amoureux)
Посвящается девице Севинье
О Севинье, все прелести которой
Служили грациям прекрасным образцом!

Прочтите басню без укора
И не пугайтесь перед Львом!
Он, вопреки бессильному злословью,
Был усмирен всеильною любовью.
Любовь-есть нечто странное во всем,
И счастлив тот, кто с нею незнаком...
Какой-то Лев, из важного сословья,
Пастушку встретил на лугу
И воспылал к ней страстною любовью,
Какой любить я, право, не могу!
Он стал ухаживать за нею,
Отца ее повергнувши в печаль.
А тот искал зятка себе смирнее,
Да ведь ему и дочери было жаль.
Но как откажешь? Ведь опасно!
И знал то он прекрасно
(Кто с этим делом незнаком?),
Что обвенчаться можно и тайком,
Тем паче, дочь его нимало
Любовь слепая не пугала!
Отец промолвил тут:
"Послушай-ка, зятек,
Ведь дочь моя нежна, как фея сказки,
А твой-то ноготок
Совсем устроен не для ласки!
Так вот, коль хочешь зятем быть,
То, не боясь за целость шубы,
Изволь-ка когти обрубить
Да подпилить получше зубы!
Твой поцелуй тогда не будет грубый,
Да и жена
С тобою будет более нежна!.."
Лев согласился... Ослепила
Его коварная любовь,
Но без когтей и без зубов
Исчезла в нем былая сила,
И стая псов
От сватовства безумца отучила...
Любовь, любовь!.. И я скажу в раздумье,
Когда мы страстью возгорим,
Мы говорим:
Прощай, прощай, благоразумье!
В. В. Жуков.

Содержание заимствовано из басен Эзопа, которые вошли и в Сборник Вердизотти (прим. к басне 38). Франсуаза-Маргарита де Севинье, которой посвящена басня, была дочь знаменитой г-жи Севинье, прославившейся письмами именно к этой своей дочери, которая в 1669 г., год спустя после посвящения ей этой басни, вышла замуж за г. де Гриньяна.

62. Пастух и Море

(Le Berger et la Mer)

Пастух в Нептуновом соседстве близко жил:

На взморье, хижина уютной обитатель,

Он стада малого был мирный обладатель

И век спокойно проводил.
Не знал он пышности, зато не знал и горя,
И долго участью своей
Довольней, может быть, он многих был царей.
Но, видя всякий раз, как с Моря
Сокровища несут горами корабли,
Как выгружаются богатые товары
И ломятся от них анбары,
И как хозяева их в пышности цвели,
Пастух на то прельстился;
Распродал стадо, дом, товаров накопил,
Сел на корабль - и за Море пустился.
Однако же поход его не долгов был;
Обманчивость, морям природну,
Он скоро испытал: лишь берег вон из глаз,
Как буря поднялась;
Корабль разбит, пошли товары ко дну,
И он насилу спасся сам.
Теперь опять благодаря морям
Пошел он в пастухи, лишь с разницею тою,
Что прежде пас овец своих,
Теперь пасет овец чужих
Из платы. С нуждою, однако ж, хоть большою,
Чего не сделаешь терпеньем и трудом?
Не спив того, не съев другого,
Скопил деньжонок он, завелся стадом снова
И стал опять своих овечек пастухом.
Вот некогда, на берегу морском,
При стаде он своем
В день ясный сидя
И видя,
Что на Море едва колыхнется вода
(Так Море присмирело)
И плавно с пристани бегут по ней суда:
"Мой друг! - сказал. - Опять ты денег захотело,
Но ежели моих - пустое дело!
Ищи кого иного ты проведешь,
От нас тебе была уж честь.
Посмотрим, как других заманишь,
А от меня вперед копейки не достанешь".
Баснь эту лишним я почел бы толковать;
Но как здесь к слову не сказать,
Что лучше верного держаться,
Чем за обманчивой надеждою гоняться?
Найдется тысячу несчастных от нее
На одного, кто не был ей обманут,
А мне, что говорить ни станут,
Я буду все твердить свое:
Что впереди - Бог весть; а что мое - мое!
И. Крылов.

Займствована у Эзопа. Кроме Крылова, на русский язык басня переведена Сумароковым ("Пастух-мореплаватель").

63. Муха и Пчела

(La Mouche et la Fourmi)

В саду, весной, при легком ветерке,
На тонком стебельке
Качалась Муха, сидя.
И, на цветке Пчелу увидя,
Спесиво говорит: "Уж как тебе не лень
С утра до вечера трудиться целый день!
На месте бы твоим я в сутки захирела.
Вот, например, мое
Так, право, райское житье!
За мною только лишь и дела:
Летать по балам, по гостям:
И молвить, не хвалясь, мне в городе знакомы
Муха и пчела
Вельмож и богачей все дома.
Когда б ты видела, как я пирую там!
Где только свадьба, именины,
Из первых я уж верно тут.
И ем с фарфоровых богатых блюд,
И пью из хрусталей блестящих сладки вины,
И прежде всех гостей
Беру, что вздумаю, из лакомых сластей,
Притом же, жалуя пол нежной,
Вкруг молодых красавиц вьюсь
И отдыхать у них сажусь
На щечке розовой или шейке белоснежной".
"Все это знаю я, - отвечает Пчела.
Но и о том дошли мне слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирах лишь морщатся от Мухи,
Что даже часто, где покажешься ты в дом,
Тебя гоняют со стыдом".
"Вот, - Муха говорит, - гоняют! Что ж такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое".
И. Крылов.

Крылов в значительной степени отступил в этой басне от подлинника, заимствованного у Федра, заменив даже муравья пчелой, но смысл басни остался тот же. Тредьяковский перевел ее почти буквально ("Муха и Муравей").

64. Садовод и Помещик

(Le Jardinier et son Seigneur)

Какой-то Садовод-любитель,
Не городской, но сельской житель,
Имел прекрасный огород,
А рядом с ним возделанное поле.
Садовод и Помещик
Немало он убил и денег, и хлопот,
Чтоб разрастался сад в спокойствии и холе.
Для этого всю землю он обнес
Живым плетнем из виноградных лоз
И посадил в саду испанские жасмины
(Букет из них Марго дарил он в именины),

Капусту, тмин, щавель... И эту благодать
Вдруг дерзкой заяц начал истреблять.
Решил к Помещику Садовник обратиться.
"Вот, - говорит, - проклятый зверь!
Повадился ходить ко мне теперь;
Ни палок, ни камней, ни сети не боится,
Ну, просто чародей!"
"Какой там чародей?
Помещик возразил. - Да будь он сатаную,
Не поздоровится шутить ему со мною.
Его я отучу от этих штук, ей-ей!"
"Когда ж?"
"Хоть завтра; медлить нет причины".
И вот является с толпою слуг своих.
"Хозяин!.. Закусить!.. Подай-ка нам дичины...
А это дочь твоя? Есть у нее жених?
Поближе подойди, красавица... Ну, что же
Ты дочь не выдаешь?.. Негоже, брат, негоже!
Тряхни своей мошной".
Пошучивая так, красотку он ласкает,
Сажает рядышком с собой,
Ей нежно ручку жмет, платочек подымает.
Слегка противится садовникова дочь,
Но, видимо, от барских ласк не прочь.
Отца ж досада разбирает.
Меж тем кутеж идет... На кухне шум и гам.
"Вот окорок!.. Не стар?.. На вид весьма приличен".
"Позвольте поднести его, мой барин, вам".
"Возьму с охотою: к подаркам я привычен..."
Едят все взапуски... Толпа нахальных слуг,
Собаки, лошади-запасы истребляют.
Хозяин сам не свой - берет его испуг.
Тут пьют его вино, там дочь его ласкают.
Но вот окончен пир... А шум еще сильней,
Все суетятся и хлопочут,
Труба гремит, рога грохочут,
Не жалко им ничьих ушей...
Но что за грустная картина?
В плачевном виде огород.
Прощай, щавель! Прощайте, грядки тмина!
Все, что хозяйка в суп кладет!..
Вот заяц найден,- с гиканьем и ревом
Заставили его покинуть дом;
Он под капустным спрятался кочнём,
Но спасся в щель, иль попросту в пролом,
Устроенный в плетне садовом
Толпою слуг, чтоб впопыхах
Из сада выехать удобней на конях.
Твердит Садовник: "Что ж, господская забава!"
Но кони, гончие и дерзких слуг орава
Наделали таких непоправимых бед,
Каких не причинить всем зайцам во сто лет.

Вы, мелкие князья, решайте ваши споры,
Не обращаясь к сильным королям.
Зачем их в ваши вмешивать раздоры
И допускать их к вашим городам?
В. Мазуркевич.
Заимствована у Эзопа.
65. Осел и Собака
(L'Ane et le petit Chien)
Зачем насиловать природу:
Себя нельзя переменить,
И неуклюжему уроду
Едва ль возможно ловким быть.
Однако редко тот, кого судьба ласкает,
Врожденный свой талант умело применяет.
Пусть не служит вам образчиком Осел,
Который, ради получения
Хозяйского расположения,
К хозяину ласкаться подошел.
Он про себя раздумывал: "Ужели
Собачку ждет и ласка, и хвала
За то лишь, что она с хозяйкою мила?
Меня же, бедного Осла,
Побой только ждут; обидно, в самом деле.
А в сущности, что делает она?
Лишь лапку подает - вот весь талант Собачки.
За что ей сыплются хозяйская подачки.
Работа эта, право, не трудна,
И если только в этом дело,
Его я выполню умело".
Проникнутый намереньем таким,
Осел к хозяину подходит неуклюже,
Копытом стоптанным своим
Его ласкает, и к тому же
Еще ревет, да как! Мелодией такой
Он скрасить, зная, хотел поступок дерзкий свой.
- Ого! вот нежности! Эй, палку мне скорее!
Хозяин закричал. - Запел ты невпопад!
Пришлось запеть Ослу совсем на новый лад
И положить конец своей плохой затее.

В. Мазуркевич.
Заимствована у Эзопа.
66. Война Крыс и Ласок
(Le Combat des Rats et des Belettes)
Не менее Котов самих
И Ласок храбрая порода
Врагом крысиного народа
Всегда была, и между них
Наверно бы опустошений
Она наделала больших,
Когда бы двери их владений
Так узки не были везде,
Что помогало им в беде.

В одну несчастную годину
Обилен был крысиный род,
И на врага в тот самый год
Свою громадную дружину
Повел крысиный царь Крысяк.
Но не дались враги впросак:
Взвились знамена боевые,
И Ласки двинулись в поход;
Кипели схватки роковые,
Но был неведом их исход;
Тускнели всюду луговины
От крови доблестной дружины.
Крысиный род, в конце концов,
Лишившись множества бойцов,
Понес повсюду поражение.
Напрасно грозный Крохобор,
И Хлебный Тать, и Кусобор
Врагов своих в пылу сраженья
Пытались выдержать напор;
Смятение царило в стане,
Бежали в страхе с поля брани
И командиры, и бойцы,
Князя же все легли на месте.
Спасались в норы беглецы,
Забыв о долге и о чести.
Вся эта мелкая орда
Простых людишек без труда
Пролезла в узенькие норы,
Но в них застряли господа:
Из перьев пышные уборы,
Носимые на страх врагам,
Размеры шлемов их и касок
Их сделали добычей Ласок:
Не встретилось отверстья там,
Достаточно широкой щели,
Куда б они пройти успели,
И Крыс значительных тела,
Подобно листьям, без числа,
Усеяли собою поле.
Помехой служит поневоле
Чрезмерно пышный наш убор
И причиняет замедленье.
Вся мелкота с давнишних пор
Привыкла ждать себе спасенья,
В нору юркнув без затрудненья;
А те, которые крупней,
Застрянут в ней.
О. Чюмина.

Из Федра. Басня эта создавалась под несомненным влиянием героическо-комической поэмы "Война Крыс и Лягушек", которая приписывалась Гомеру и которая послужила образцом Жуковскому в его "Войне Мышей и Лягушек"; имена Крохобор и Кусобор суть переводы греческих из этой поэмы.

67. Обезьяна и Дельфин

(Le Singe et le Dauphin)

У греков было в старину обыкновение
Брать в плаванье с собой собак и обезьян.
Однажды на пути из отдаленных стран
Корабль их потерпел, в виду Афин, крушение.
Никто б не спасся из морской,
Разверзшейся для них пучины,
Когда б не помогли чудесно им Дельфины,
Которыми любим наш род людской,
Коль верить Плинию. Благодаря Дельфину,
Который сходством был введен в обман,
Чуть даже не спаслась одна из обезьян,
Взобравшись с важностью к нему на спину,
Как будто бы была она
Певцом прославленным в былые времена.
Готовясь высадить спасенную, случайно
Ей задает вопрос Дельфин.
"Вы из прославленных Афин?"
"О, да! Я там известна чрезвычайно,
Ответила она. - Двоюродный мой брат,
Назначенный в том городе судьей,
Вам услужить во всем, конечно, будет рад.
Все лучшие места семьею
Там нашей заняты". - Ответил сын морей:
"Благодарю! Прошу я дозволения
Спросить вас: часто, без сомненья,
Вы посещениями счастливите Пирей?"
"О, каждый день! Мы другом дома
Его считаем с давних пор;
С ним близко вся семья знакома".
Так заключило разговор
Болтливое и вздорное созданье,
Обезьяна и Дельфин
Приняв за имя - гавани название.
Есть люди - счет теряю им:
Невежды круглые во всем, но без умолку
Повсюду обо всем трещащие без толку;
Они и Вожирар готовы счесть за Рим.
Дельфин взглянул, смеясь, на Обезьяну
И, убедясь тотчас,
Что он, поддавшись обману,
Животное, не человека спас,
Швырнул ее обратно в море,
А сам поплыл немедля прочь,
Чтоб людям в бедствии и горе
Помочь.
О. Чюмина.

Басня принадлежит Эзопу и встречается в сборнике Фаерна (см. прим. к басне 24). Плиний рассказывает, что Арион, которому во время морского переезда матросы угрожали смертью, бросился в море, и дельфин, привлеченный его пением, взял его на свою спину и приплыл с ним к берегу. Упоминаемый в басне Лафонтеном Вожирар - деревня близ Парижа.

Отдаленно перевел эту басню Сумароков под заглавием "Дельфин и Невежа-хвостун".

68. Язычник и деревянный Идол
(L'Homme et l'Idole de bois)
Для дома своего завел язычник бога,
Простого Идола, и - как бывало встарь
Воздвиг ему алтарь,
Обеты произнес и соблюдал их строго.
В покорном ожидании чудес
Бедняк из кожи лез,
Стараясь угодить бесчувственному богу.
Своим молитвам на подмогу
Он не жалел даров, обильно жертвы жег,
Но глух и нем к мольбам был деревянный бог.
Язычник не видал ни в чем его участия;
Везде убытки нес, везде терпел обман,
Ни в жизни, ни в игре не испытал он счастья,
И с каждым днем тощал его карман.
Но богу своему моляся, как и прежде,
Он жертвы не жалел, на чудеса в надежде.
Шли месяцы, года. Язычник изнемог.
Напрасно богу он в отчаяньи молился,
Все так же глух и нем был деревянный бог.
В конце концов, язычник обозлился
И бога своего, как старый черепок,
Разбил в куски... Вот, развалился бог!
Пустой на вид,
Он оказался золотом набит.
Язычник стал корить поверженного бога:
"Когда я угодить из всех старался сил,
Ты только мне вредил.
Иди же прочь от моего порога!..
Ни жертвы, ни мольбы, а крепкое дубье
Растрогать лишь могло бесчувствие твое!..
Похож ты на пустых, чванливых дураков,
Что платят грубостью за всякое вниманье.
Как и тебе, без дальних слов,
Нужна им палка в назиданье".

А. Зарин.

Заимствована у Эзопа.

69. Ворона (в павлиньих перьях)
(Le Geai rare des plumes du Paon)
Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не роднися;
И если карлой сотворен,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.
Утыкавши себе павлиньим перьем хвост,
Ворона с Павами пошла гулять спесиво
И думает, что на нее
Родня и прежние приятели ее
Все заглядятся, как на диво;

Что Павам всем она сестра
И что пришла ее пора
Быть украшением Юнонина двора.
Какой же вышел плод ее высокомерья?
Что Павами она ошипана кругом,
И что, бежав от них, едва не кувырком,
Не говоря уж о чужом,
На ней и своего осталось мало перья.
Она было назад к своим; но те совсем
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ее затеи тем,
Что от Ворон она отстала,
А к Павам не пристала.
Я эту басенку вам бльью поясню.
Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
Чтоб в знатную войти родню.
Приданого за ней полмиллиона.
Вот выдали Матрену за барона.
Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
Попреком, что она мещанкой родилась,
А старая за то, что к знатым приплелась:
И сделалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.
И. Крылов.

Содержание басни у Эзопа, Федра и Горация. Кроме Крылова, на русский язык басню переделали Сумароков ("Коршун в павлиньих перьях") и Тредьяковский ("Ворона, чванящаяся чужими перьями").

70. Верблюд и плывущие Поленья
(Le Chameau et les Batons flottants).
Кто первый увидал Верблюда,
Тот прочь бежал при виде чуда;
Второй осмелился приблизиться к нему,
А третий-и узду надел на дромадера.
Так, силою привычки и примера,
Становимся мы близки ко всему,
Что нам казалось пугающим и странным
С ним находясь в общенье постоянном.
В пример тому я приведу рассказ.
Стоявшие на страже как-то раз
Увидели предмет, плывущий в отдаленье,
Немедленно решили все вокруг:
- Большой фрегат иль брандер! - Чрез мгновенье
Все в нем увидели простой с товаром тюк,
Челнок и, наконец - плывущие Поленья.
Знаком я в свете кое с кем,
Кого касается мое повествованье:
Верблюд и плывущие поленья
За нечто их сочтешь на расстоянье,
Вблизи ж они окажутся ничем.
О. Чюмина.
Займствована у Эзопа.

71. Лягушка и Крыса

(La Grenouille et le Rat)

"Кто хочет обмануть другого, тот нередко
Сам попадается", - сказал Мерлен давно.
Суждение это очень метко,
Да жаль, в наш век состарилось оно;
Однако же вернусь к повествованью:
У берега пруда откормлена, жирна,
Предавшись сладкому мечтанью,
Сидела Крыса; видимо, она
Совсем была несклонна к воздержанью.
С ней разговор Лягушка завела
И молвила: "Я угощу на славу,
Пойдем ко мне". Пришелся зов по нраву
И Крыса радостно согласие дала.
Какие ж тут еще, казалось бы, приманки!
Однако же Лягушка ей поет
О редкостях трясины и болот,
О прелестях диковинной гулянки
Под гладью тинистой вод,
О том, как, побродив по всем болотам этим,
Она вернется с гордостью домой
И в добрый час расскажет детям
Про жителей страны чужой,
Лягушка и Крыса
Про управленье, общество и нравы
Лягушечьей державы.
Все хорошо, да горе только в том,
Что Крыса плавает с трудом.
Но Квакушка и здесь нашлася; Крысы ногу
К своей ноге привязывает вмиг,
С подругой вместе в воду-прыг!
И вот пускаются в дорогу...
Но, очутясь среди болот,
Хозяйка гостью тянет в лоно вод,
Чтоб, все обычаи коварно нарушая,
Скорей в болоте Крысу утопить.
"Пожива, дескать, не простая,
Такой кусок не шутка раздобыть!.."
Лягушка про себя мечтает; Крыса ж бьется,
Взывает к небесам. Лягушка знай смеется,
Да тянет Крысу вниз... Среди борьбы такой
Вдруг Коршун закружил в выси под облаками.
Увидел Крысу он, упал с небес стрелой,
Схватил ее, взвился и - вытащил когтями
Лягушку с Крысой заодно:
Погибнуть им обеим суждено.
А Коршун рад: событие такое
Не принесло ему вреда:
На ужин рыбу и жаркое
Заполучил он без труда.
Таков судьбы закон суровый,

Предупрежденье шлет он нам;
Кто для других сплетает ковы,
В них попадает часто сам!
В. Мазуркевич.

Займствована у Эзопа. Упоминаемый в басне Мерлин - волшебник известных рыцарских повествований "Круглого Стола".

72. Дань Зверей Александру
(Tribut envoye par Animaux a Alexandre)
Ходила басня в оны времена.
Я не постиг ее иносказанья;
Быть может, будет вам понятнее она,
Так вот в чем басни содержанье:
Прошла молва на много миль кругом,
Что некий Александр, Юпитера потомок,
Решив завоевать весь мир своим мечом
(А сделать это он легко мог),
Дал приказанье, чтоб со всех сторон
Без замедленья
К нему явились на поклон
И человек, и зверь, и прочие творенья,
Не исключая вольных птиц,
Не знавших власти и границ.
Такой приказ поверг зверей в смятенье;
Все поняли, что с этих пор
Пойдет другой уж разговор,
И всем, не ведавшим в деяниях препоны,
Придется признавать законы.
Из логовищ, берлог сошлись все на совет,
Судили, спорили, рядили
И наконец решили
Послать царю смиренный свой привет,
А вместе с тем, в знак уваженья,
И подношенья.
Послом к царю решили нарядить
Лукавую Мартышку,
И толком записать ей в книжку
Все, что царю ей надо говорить.
Но что поднести? - все в затрудненьи.
Решили - золото. И вот
Его животным в долг дает
Какой-то князь, который во владенье
Своем имел большие рудники.
Осел и Мул взялись везти мешки,
Верблюд и Конь даны им для охраны;
И так пустились вчетвером
С Мартышкою, вновь избранным послом,
В чужие страны.
Вдруг Лев послов встречает на пути
(Послы не ждали этой встречи).
"Вот кстати! - Лев кричит. - так веселей идти!
Я дар царю хотел отдельно поднести,
Да груз мне оттянул все плечи.

Не будете ль добры вы взять его с собой,
Труд небольшой!
Придется каждому лишь по четвертой части,
А мне удобней будет без мешков
Вас охранять от злой напасти
И от воров".
Льву отказать, конечно, невозможно.
Лев принят ласково, от ноши облегчен,
Хотя послам едва ль приятен он:
Сообщество его куда как ненадежно!
Но делать нечего. Все движутся вперед,
Питаясь на казенный счет.
Идут. Пришли на луг. Лаская нежно взгляды,
Ковер пестреет из цветов,
Лежат стада овец, ища в тени прохлады;
Журчит ручей средь низких берегов.
Тут Лев стал сам не свой от жалоб:
"Я нездоров; в огне горю я весь,
Целебную траву найти мне не мешало б
Да полечиться здесь!
Не тратьте времени, ступайте,
Своей дорогою одни,
Лишь деньги мне мои отдайте,
Понадобиться могут мне они".
Все разгрузились. Лев кричит, ликуя:
"Смотрите-ка, как много дочерей
Мне родили монеты! Ей-же-ей,
Иные доросли уже до матерей!
Приплод, конечно, мой! Себе его беру я!"
Послы поражены... Передает молва,
Что к Александру появились
Они с горячей жалобой на Льва;
Но толку никакого не добились.
Недаром же слова пословицы гласят:
"Свой своему невольно брат"...

В. Мазуркевич.

Лафонтен ссылается как на источник своей басни на какую-то басню, распространённую в древности; но ни в одном из древних авторов ее не находят. Комментаторы полагают, что он встретил ее в каком-нибудь утраченном сборнике.

73. Мстительный Конь и Олень
(Le cheval s'etant voulu venger du Cerf)
Конь не всегда служил рабом для человека.
За много сотен лет до нынешнего века,
Когда кореньями питался род людской,
Ослы и лошади паслись в глуши лесной.
В то время не было ни седел, ни строений,
Ни сбруй, удобных для сражений,
Ни шор, ни дрожек, ни возков,
Как не было ни свадеб, ни пиров.
Вот в те-то времена поспорил Конь с Оленем
О быстроте своих могучих ног;
Но перегнать Оленя он не мог,

И давши волю зависти и пеням
Он к человеку с жалобой пошел.
Тот скакуна взнуздал, вскочил в седло, дал шпоры
И полетел чрез лес и горы,
Поля и доли,
Оленя догонять. Без состраданья,
Покоя он бедняге не давал. И так его загнал,
Что испустил Олень, в конце концов, дыханье.
Конь благодетеля тепло благодарит:
"Спасибо, - говорит,
Я возвращусь к себе, чтоб снова жить на воле".
Но человек в ответ: "Оставь свои мечты!
Я понял лишь теперь, на что годишься ты.
Останься здесь со мною... В холе,
Накормлен и согрет,
Ты проживешь, не зная огорченья!"
Увы, на что нам жизни наслажденья,
Когда свободы нет!
Тут понял Конь свою неосторожность...
Но поздно - цепи на ногах,
Конюшня ждет. Утрачена возможность
Бежать неволи злой - и умер он в цепях,
Порабощенный тесною конюшной.
А отнесися он к обиде равнодушной,
Его судьба была б не та.
Для многих в мщенье тайная отрада;
Но ради мщенья жертвовать не надо
Тем, без чего вся жизнь ничтожна и пуста.
В. Мазуркевич.

Содержание басни встречается у Федра, у Аристотеля, как произведение греческого поэта Стезихора (636-566 до Р. Х.), и у Горация. Отдаленно перевел ее на русский язык Сумароков ("Олень и Лошадь").

74. Лисица и Бюст
(Le Renard et le Buste)
Величие у нас нередко лишь личина.
И вот причина,
По коей мир подчас и недостойных чтит.
Но, к счастью, лишь ослов пленяет внешний вид;
Лиса же, например, хвалить не станет,
Покамест идолу и в душу не заглянет,
И не решит по ней, чего достоин он.
Так, увидав в саду Бюст славного героя,
Лиса обнюхала его со всех сторон
И молвила, пред ним в раздумье стоя:
"Как благороден лик! какая красота!
Одно лишь жаль, что голова пуста!"
Тут к слову бы сказать, что многие вельможи
Во всем на этот Бюст похожи.
Г-г.

Из Эзопа и Федра. На русский язык басню переводили Дмитриев ("Истукан и Лиса"), Тредьяковский ("Лисица в болванщиковом сарае") и отдаленно Сумароков ("Лисица и Статуя").

75. Волк, Коза и Козленок
(Le Loup, la Chevre et le Chevreau)
Наполнить вымя молоком
Коза пошла за травкою в долину,
Замкнула наглухо свой дом
И строго приказала сыну:
Лисица и Бюст
Волк, Коза и Козленок
"Чтоб избежать нам горестных потерь,
Пока не возвращусь я с поля,
Храни тебя Господь открыт на миг хоть дверь
Тем, кто не скажет нашего пароля,
Хотя б тебя и начали просить!
Пароль же будет: волчья сыть!"
Как раз во время разговора
Там проходил случайно Волк,
И речь Козы услышав, взял все в толк.
Коза, конечно, не видала вора.
Она ушла, а Волк уж тут как тут.
Переменивши голос, объявляет
Он: "волчья сыть", и ожидает,
Что дверь ему сейчас же отпрут.
Однако же Козленок осторожен
(Он знал, что здесь обман возможен),
И крикнул, посмотревши в щель:
"А лапка у тебя какая?
Просунь сюда... Коль белая, тогда я
Открою дверь, - иначе-прочь отсель!"
Волк поражен донельзя. Повсеместно
Давным-давно известно,
Что белых лап у Волка не сыскать.
С чем Волк пришел, с тем обратился вспять.
Какую б горестную долю
Козленок бедный испытал,
Когда б поверил он паролю,
Который Волк случайно услышал.
Предусмотрительность двойная
Нужна везде... Не вижу в ней вреда я!
В. Мазуркевич.

Басня вошла в сборник Эзоповых басен французского лирика Коррозе (1560-1568); а также в книгу басен Невеле (XVI в.) "Эзопическая мифология".

76. Волк, Мать и Ребенок
(Le Loup, la Mere et l'Enfant)
Другого этот Волк напомнил мне,
Погибшего в злой западне.
Послушайте как было дело.
Одна семья крестьянская владела
Большою мызою, стоявшей в стороне.
И в чайни себе наживы,
Надеясь, что ему кой-что перепадет,
Волк караулил у ворот,
Смирная хищные порывы.

Тут выходящими из мызы видит Волк:
Овец, ягнят непорочных,
И поросят молочных,
И, наконец, индюшек целый полк.
Пожива хоть куда; но что желать без толку?
Вдруг за стеной он слышит детский крик
И Мать грозит отдать Ребенка Волку,
Когда не замолчит он в тот же самый миг.
Голодный хищник без зазрения
Спешит богам вознесть благодаренья;
Но в попечениях о детище своем,
Мать снова говорит, спеша утешить чадо:
"Не плачь, дитя мое, не надо;
Пусть Волк покажется-сейчас его убьем!"
- Как? - молвил тут баранов истребитель,
Мне говорят то так, то сяк.
Мне доказать вы не хотите ль,
Что я, по-вашему, дурак?
Но дайте срок, и я дождусь потехи,
Пусть только мальчуган пойдет собирать орехи.
Едва слова он эти произнес,
Как вышли люди. Сколько было силы,
Остановить его цепной старался пес;
Потом откуда-то явились колья, вилы...
- Ты что здесь делаешь? - был учинен допрос.
Волк, не таясь, ответил на вопрос.
- Спасибо! - мать воскликнула. - Ужели
Я сына для того качала в колыбели,
Чтоб утолил собой он голод твой?
Бедняга был убит без сожаленья,
И волчью лапу с головой
Владелец этого селенья
Повесил с надписью такою у дверей:
"Достойным господам Волкам на поученье:
Не придавать угрозе матерей,
Пугающих детей своих, значенья".
О. Чюмина.

Займствована у Эзопа. Басня находится в изданном в Париже в 1583 г. сборнике басен Philibert'a Negemon'a.

77. Ответ Сократа
(Parole de Socrate)

Сократ себе построил дом.
А как мудрец ко всем делам способен,
То вышел домик тот хоть тесен, да удобен;
Лишь роскоши не виделось ни в чем.
Вот критики постройку обступили,
И всякий открывать в ней недостатки стал:
О мелочах различно все судили,
Но общий голос был, что домик слишком мал,
Что негде в нем ни встать, ни повернуться,
И что великому такому мудрецу
Такая конура совсем уж не к лицу.

"Где примешь ты друзей, коль все они сберутся?"

Кричали старику. И молвил тот в ответ:

"Друзьям всегда сердечный мой привет,

Но я боюсь уже не наслаждаться днями,

Когда и этот дом, как он ни мал,

Наполнится действительно друзьями!"

О мудрый грек! Ты истину сказал

И дружбы верный смысл обрисовал ты метко:

О ней частенько всяк из нас слышал,

Но видел друга-очень редко.

Г-г.

Заимствована из Эзопа ("Socrat ad Amicos").

78. Старик и его Сыновья

(Le Vieillard et ses Enfants)

Послушайте рассказ фригийского раба!

Он говорил, что сила в единенье,

Что сила всякая в отдельности слаба,

И если сделал я в рассказе измененье,

То вовсе не затем, чтоб, завистью томясь,

Я добивался той же громкой славы,

Нет, просто описать хотел я ваши нравы.

Ведь Федр, лишь к почестям стремясь,

Нередко увлекался славой;

Но я ее считаю лишь забавой.

Итак, вернусь к рассказу поскорей,

Как поучал отец своих детей.

Старик прощался с жизнью земною

И обратился с речью к Сыновьям:

"Вот тонких прутьев пук, скрепленных бечевою;

Сломайте-ка его, а я попозже дам

Вам объясненье, в чем тут дело".

Пучок взял Старший брат, - усилия напруг

И возвратил, сказав: "Нет, не сломать никак!"

Пучок взял Средний брат уверенно и смело,

Но - тот же неуспех! И Младший брат не мог,

Как оба старшие, переломить пучок.

Потратили они и труд, и время тщетно,

Из прутьев ни один им не пришлось сломать.

"Бессильные! - сказал с улыбкой чуть заметной

Отец. - Ужели ж мне пример вам показать?!"

- Он шутит! - порешили дети.

Но нет, Старик бечевку развязал,

Рассыпал прутья эти

И каждый без труда в отдельности сломал.

"Вы видите! Вот сила единенья!

Так будьте же дружны! Пусть сблизит вас любовь".

У ложа Старика стояли все в смущенье,

Но, чуя смерть свою, заговорил он вновь:

"Пред Вышним Судией сейчас готов предстать я

В стране, где ни вражды, ни лжи, ни злобы нет.

Прощайте, милые, и дайте мне обет,

Что будете всегда вы дружно жить, как братья".

Рыдают Сыновья; в печали каждый брат
Хранить завет отца навеки обещает;
Прощается Старик с детьми и умирает.
В наследство Сыновьям (отец их был богат)
Досталось имущество большое,
Да только жаль, расстроено оно;
И бедным Сыновьям с тех пор не суждено
Пяти минут побыть в покое:
Здесь теребит сосед, там лезет кредитор,
Тут просто жалоба, а там судебный спор.
Сначала всем троим удача улыбалась,
В союзе дружеском был твердый их оплот,
Но дружба тесная недолго продолжалась;
Их сблизило родство, разъединил - расчет.
Тщеславье, злоба с завистью и сплетней
В их отношениях стали все заметней.
Сначала спор, затем раздел,
А враг как раз лишь этого хотел;
Вновь кредиторы налетели,
Ущерб наносят в каждом деле,
И каждый промах, ложный шаг
Подстерегает хитрый враг.
В суде ждет братьев поражение,
Но братья продолжают спор
И делают в каком-то ослепленье
Друг другу все наперекор!
Один решает так, другой решает эдак,
И напоследок
Они узнать принуждены,
Что этою враждой вконец разорены,
И тут, хоть поздно, вспомнили с тоскою
О прутьях, связанных одною бечевою.
Р. Мазуркевич.
Содержание заимствовано у Эзопа и Плутарха.
79. Оракул и Безбожник
(L'Oracle et l'Impie)
Безумье полагать, чтоб жители земли
Вести в обман богов могли!
Что в лабиринте душ среди изгибов скрыто,
Их взору вешему заранее открыто;
Все ведают и видят все они,
Что смертный утаить надеется в тени.
Язычник некий (он в иные дни
Наверно бы припахивал горелым)
Условно веровал в богов,
Как тот, кто, движимый одним разлетом смелым,
В том случае, принять наследие готов,
Когда от этого убытка не находит.
Он к Аполлону в храм приходит
И говорит: "Живое ль то, что я
Держу в руке, иль лишено дыханья?"
Меж тем в руке держал он воробья,

Готовясь задушить несчастное создание
Иль выпустить его, и бога ввести в обман.
Но Аполлон постиг его коварный план
И молвил он: "Живым иль без дыханья,
Но воробья давай, и впредь,
На зло себе, не прибегай к обману,
Пытаясь мне расставить сеть:
Я вижу издали и издали достану".
О. Чюмина.
Из Эзопа.

80. Скупой, потерявший свое богатство
(L'Avare qui a perdu son tresor)
Хотел бы я спросить Скупца,
Который страстно и сердечно
Одни лишь деньги копил вечно
С начала жизни до конца,
Ничем буквально не согретый:
Какая польза в жизни этой?
Да никакой!.. Я знал Скупого...
Он жизни ждал себе второй,
Чтоб насладиться снова
Своей несметною казной.
Но в том-то, видите ль, и дело,
Что (слух прошел со всех сторон)
Не он,
А им казна его владела!
Гулял ли он, иль приходил домой,
Сидел ли скромно за едой,
Иль шел ко сну, людьми забытый,
Он мыслью занят был одной
О месте том, где деньги были скрыты.
Туда так часто он ходил,
Что кто-то как-то проследил
И обокрал казну Скупого!..
Скупец, конечно, зарыдал,
Захныкал, застонал,
Произнести не в силах слова...
"Чего ты плачешь, милый друг?"
Его спросил один прохожий.
"Ах, у меня... Великий Боже!..
Украли с деньгами сундук!.."
"Да где ж лежал сундук с деньгами?"
"Вот тут! Вот в этой яме!"
"И поделом! Теперь ведь не война
На свете!
Твоя казна
Могла б лежать и в кабинете!"
"Но кто ж украсть ее посмел,
Когда я сам к деньгам не прикасался?"
"Ну, при таком порядке дел
Один конец тебе остался:
На яму камень навали

И от нее вдали
Вообразай, что там лежит твоё богатство!"
И я замечу без злорадства,
Что тот лишь деньгами владел,
Кто их расходовать умел.

В. Жуков.

Из Эзопа.

81. Хозяйский глаз

(L'Oeil du Maître)

Олень попал к быкам в загон,
Но ими был предупрежден,
Чтоб к лучшей он прибег защите.
"Друзья мои, меня вы не гоните!
Взмолился тут Олень. - Укройте от врагов;
За это я готов
Вам указать и пастбища, и нивы,
Покрытые обильною травой,
Где б на свободе день-деньской
Пастись с отрадою могли вы".
Быки свое согласие дают.
Олень вздохнул вольней, приободрился
И в уголке укромном притаился.
Вот под вечер быкам обычный корм несут,
Снуют работники, приходит управитель,
Осматривает все, обходит все вокруг,
Однако ж ни он сам и ни один из слуг
Не видят беглеца. Лесов дремучих житель
Хозяйский глаз
Благодарит быков и с нетерпеньем ждёт
Начала полевых работ,
Чтоб незаметно выйти в поле.
"Не радуйся пока своей счастливой доле,
Ему заметил Бык; - стоглазый человек
Еще не совершал вечернего обхода.
Нельзя пока решить, удастся ль твой побег".
А как близка свобода!
Но вот идет Хозяин сам в загон,
Бранит прислугу: "Что за нераденье,
Корм не засыпан, пол не подметен!
Грязна подстилка... Всюду запустенье
И паутина по стенам!"
Хозяин ходит, смотрит здесь и там,
И видит вдруг среди вороха соломы
Какой-то облик незнакомый:
Глядит - Олень! Пришел ему конец!
Его мольбы не тронули сердец,
Постиг Оленя жребий жалкий:
Откуда ни возьмись дреколья, жерди, палки!
Всяк бедного ударить норовит.
Несчастный был толпою вмиг убит.
Его уносят, солят, и соседи
На званом кушают обеде.

Недаром Федр сказал нам в добрый час:

"Свое добро хозяйской глаз голубит,
Все высмотрит хозяйский глаз".

А я скажу: и глаз того, кто любит.

В. Мазуркевич.

Из Федра.

82. Жаворонок с Птенцами и

Землевладелец

(L'Alouette et ses Petits avec le Maitre d'un champ).

"Надейся на себя", - пословица гласит.

Эзоп ей басни придал вид.

Вьют гнёзда жавронки весною,

Когда на нивах зреет рожь,

Вернее: той прекрасною порою,

Когда веселый день бывает так хорош,

Когда цветут зеленые побеги,

Все в мире любит и поет,

И отдаются сладкой неге

Морские чудя в лоне вод,

В полях хор птичек голосистых

И тигры в зарослях лесистых.

Но из породы жавронков одна

Пичужка время даром потеряла,

Любовных ласк весною не познала,

И летом вывести деток вздумала она.

Свила гнездо, на яйца села.

Заколоситься рожь успела,

Глядь - Птичка вывела ребят.

Еще слабы и хилы детки,

Летать не могут, в гнёздышке сидят;

Мать тащит им букашек, мошек, ветки,

Ну, словом, много ей хлопот,

И вот совет Птенцам дает:

"Пока она заботится о пище,

Сидеть спокойно у себя в жилище

И все кругом как надо примечать.

Когда ж придет Владелец этой нивы

И станет с сыном рассуждать,

Пересказать подробно мне должны вы,

О чем он речь с ним поведет,

От этого зависит наш отлет".

Едва Пичужка улетела,

Пришел Помещик с сыном: "Рожь созрела,

Он говорит, - убрать ее пора,

Проси соседей, чтоб с утра

Они явились завтра к нам с серпами

Жать рожь". - И с этими словами

Отец и сын пошли домой.

А Жаворонок, по возвращеньи,

Застал гнездо свое в смятеньи.

"Мамаша! С утренней зарей

Помещик приказал позвать друзей для жатвы!"

Кричит один Птенец.
"И только? Ну, тогда
Навряд вы
Вспорхнете скоро из гнезда.
Спокойны будьте!.. Вот еда!
А завтра, коль придет Помещик снова,
Не упустить старайтесь ни слова!
Ну, а пока ложитесь спать".
Все улеглись, и птенчики, и мать...
Вот день настал, но не пришли соседи.
Забываясь об обеде,
Пичужка вновь оставила детей.
Пришел Помещик снова. "Эх, обидно!
Не сжата рожь еще. Как видно,
Я полагался даром на друзей.
Он говорит. - Сходи, сынок, скорее
К родным, пускай они придут!"
Переполох в гнезде еще сильнее:
"Они родных, мамаша, позовут!"
"Родных? Ну, вы боитесь вздора,
Нам улетать еще не скоро..."
Был Жаворонок прав. Проходит день, и что ж?
Родные не пришли. Осматривает рожь
Помещик в третий раз: "Да, сделали мы промах,
Зовя родных, соседей и знакомых.
Надейся на себя! Ты сам - свой лучший друг.
Пойдем за нашими... Пускай придут с серпами,
Да за работу примемся-ка сами!
Мы живо рожь сожнем!" В гнезде опять испуг.
Узнав Помещика решенье,
Мать молвила: "Теперь пора!.. Идем!"
И из гнезда, кто влет, кто кувырком,
Все выбрались без затрудненья!
В. Мазуркевич.

Содержание басни у Авиана (см. прим. к басне 7) и Фаерна (прим. к басне 24).
Сумароков отдаленно перевел ее под заглавием "Птаха и дочь ее".

Госпоже де Монтеспан
Богам обязаны мы дивным даром басен;
А если смертного уму благодаря
Мы обладаем им, - настолько он прекрасен,
Что мудрый смертный тот достоин алтаря.
Волшебный этот дар исполнен обаянья,
К себе влекут чудесные сказанья
Сердец вниманье и умов,
И к ним нас дивные приковывают узы.
Коль скоро место для смиренной Музы
Моей нашлось на пиршестве богов,
Молю, Олимпия, чьим несравненным чарам
Подчинено все в мире, - с высоты
Брось на нее взор благосклонный ты,
И Музу не отринь с ее посильным даром.
Своим вниманием сама

Ты поощри игру ума,
И Время, все вокруг губящее сурово,
В трудах моих мне жизнь дарует снова:
Кто самого себя захочет пережить,
Тот похвалу твою обязан заслужить.
Лишь от тебя я жду стихам награды:
В твореньях наших красоты
Тебе известны все малейшие черты.
Пленительны слова твои и взгляды;
Кому ж прекрасного быть лучшим знатоком?
На этот путь я Музою влеком;
Но воспевать хвалу тебе не смею:
Тебя прославить лирою своею
В удел певцу великому дано.
А я, Олимпия, прошу о разрешенье:
Лишь именем твоим да будет суждено
Украстить мне последнее творенье,
И тем спасти его в грядущем от забвенья.
И в будущем, на зависть несмотря
Врагов моих, тебе благодаря,
Удастся заслужить ему вниманье мира.
Пусть милости такой моя не стоит лира,
Ее прошу во имя басни я:
Сильна над нами власть ея,
И если ей обязан счастьем буду
Я угодить тебе, обязан ей возвесть
В награду храм; но храмы только в честь
Тебя одной хочу я строить всюду.
О. Чюмина.

Француза Атенаиса де Рошешуар де Мортемар, маркиза де Монтеспан (1641-1707) была, по своему влиянию на Людовика XIV, всемогуща в то время, когда Лафонтен писал это посвящение. Она всегда покровительствовала писателям, особенно Буало и Лафонтену. Мнения ее очень ценились: она считалась замечательно умной женщиной.

125. Мор зверей
(Les Animaux malades de la peste)
Лютейший бич небес, природы ужас - мор
Свирепствует в лесах. Уньли звери;
В ад распахнулись настезь двери:
Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
Везде разметаны ее свирепства жертвы,
Неумолимая, как сено косит их,
Мор зверей
А те, которые в живых,
Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
Перевернул совсем их страх;
Те ж звери, да не те в великих столь бедах:
Не давит волк овец и смирен, как монах;
Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
Им и еда на ум нейдет.
С голубкой голубь врознь живет,
Любви в помине больше нет:
А без любви какое уж веселье?

В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
Ташатся шаг за шаг, чуть держатся в них души.
Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев,
Уставили глаза и приложили уши.
"О други! - начал Лев. - По множеству грехов
Подпали мы под сильный гнев богов,
Так тот из нас, кто всех виновен боле,
Пускай по доброй воле
Отдаст себя на жертву им!
Быть может, что богам мы этим угодим,
И теплое усердье нашей веры
Смягчит жестокость гнева их.
Кому не ведомо из вас, друзей моих,
Что добровольных жертв таких
Бывали многие в истории примеры?
Итак, смиря свой дух,
Пусть исповедует здесь всякий вслух,
В чем погрешил когда он вольно иль неволью.
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь - хоть это мне и больно
Не прав и я!
Овечек бедненьких-за что?-совсем безвинно
Дирал бесчинно;
А иногда-кто без греха?
Случалось, драл и пастуха:
И в жертву предаюсь охотно.
Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть,
Того бы в жертву и принести.
И было бы богам то более угодно".
"О царь наш, добрый царь! От лишней доброты,
Лисица говорит,- в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
То придет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.
А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
Их чаще так учить - им это поделом.
Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит,
И нашими себя везде царями пишет".
Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,
Льстецы Льву то же говорят,
И всякий доказать спешит наперехват,
Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черед
Во весь народ
Поведали свои смиренно погрешенья;
Но их безбожных самых дел
Никто и шевелить не смел.
И все, кто были тут богаты
Иль когтем, иль зубком, те вышли вон

Со всех сторон
Не только правы, чуть не святы.
В свой ряд смиренный Вол им так мычит: "И мы
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
Нам были худы,
На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могли ссуды,
Из стога у попа я клочок сенца стянул".
При сих словах поднялся шум и толки;
Кричат Медведи, Тигры, Волки:
"Смотри, злодей какой!
Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконие его к нам столько строги?
Его, бесчинника, с рогатой головой,
Его принести богам за все его проказы,
Чтоб и тела нам спасти и нравы от заразы!
Так, по его грехам, у нас и мор такой!"
Приговорили
И на костер Вола взвалили.
И в людях так же говорят:
Кто помирней, так тот и виноват.
И. Крылов.

Басня эта была очень распространена в средние века и встречается во многих проповедях. Она направлена против несправедливости тогдашнего духовенства, снисходительного к порокам богатых и строгого к беднякам. Кроме Крылова (заменившего в басне волком Лафонтеновского осла), на русский язык басню переводили Княжнин и Хвостов.

126. Несчастный Муж

(Le mal marié)

Когда бы дружною четою
Добро являлось с красотою
Я завтра же себе искать жену бы стал.
Но сочетанье этих двух начал
Довольно редко я встречал,
А потому и избегаю брака.
Я много видел их, но ни в одном однако
Не мог я прелести найти.
И, тем не менее, почти
Четыре четверти всего людского рода,
Кому наскучила свобода
Случайности опаснейшей из всех
Подвергнуться спешат без колебанья.
И за свершенный ими грех
Четыре четверти приносят покаянье.
Один супруг, раскаяться успев,
Расстался со своей супругою сварливой,
Скупой, придирчивой, ревливой.
Все было не по ней, все возбуждало гнев:
"Ложатся с курами, встают не в меру поздно!"
Покою от нее не знал никто из слуг,
И из терпения был выведен супруг.
"Муж ни о чем не думает серьезно!
Муж не дает пощады кошельку!"

Муж дома не сидит! Муж - вечно на боку!"
И волю так она давала языку,
Что муж ее, утративши терпенье,
В деревню отослал ее на исправленье.
И вот она в течение многих дней
Находится в компании пастушек,
Которые пасут индюшек,
И пастухов, пасущих там свиней.
Сочтя ее исправленной, обратно
Супруг берет ее. "Ну,- молвил он,- приятно
Жилось вам посреди невинности полей?"
"Да, - был ответ, - но там служителей
Нашла я более, чем даже здесь, ленивых.
И в этом - вся моя беда.
Они совсем не берегут стада.
Об этом я твердила им всегда,
Чем раздражала нерадивых
И ненависть ко мне питавших слуг".
"Ну, если в вас, - сказал ее супруг,
Настолько все несносно и злонравно,
Что даже те, кто видит лишь на час,
Переносить не могут вас,
Так здешняя вся челядь и подавно,
Которую в течение дня
Преследуете вы, гоняя и браня.
Что с ними было бы, не говоря о муже,
Чье положение всех хуже:
Он с вами быть обязан день и ночь,
Ему пришлось бы тут поистине невмочь.
Я отсылаю вас опять в уединенье;
И если б у меня явилось искушение
Послать за вами вновь, пусть по моим грехам
За гробом я найду двух жен, подобных вам!"
О. Чюмина
Заимствована у Эзопа.
127. Мышь, удалившаяся от света.
(Le Rat qui s'est retire du monde).
Вино?и жители в преданиях своих
Рассказывают нам, что некогда у них
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слепоего счастья игрою,
Оставила сей шумный мир,
И скрылась от него в глубокую пещеру:
В Голландский сыр.
Там, святостью одной свою питая веру,
К спасению души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландский сыр скребла, скребла,
И выскребла; досужным часом,
Изрядну келейку с достаточным запасом.
Чего же более? В таких-то Мышь трудах

Разъелась так, что страх!
Мышь, удалившаяся от света
Короче - на пороге рая!
Сам Бог блюдет того,
Работать миру кто отрекся для него.
Однажды пред нее явилось, вздыхая,
Посольство от ее любезных земляков;
Оно идет просить защиты от дворов
Против кошачьего народа,
Который вдруг на их республику напал
И Крысополис их в осаде уж держал.
"Всеобща бедность и невзгода,
Посольство говорит, - причиною, что мы
Несем пустые лишь сумы;
Что было с нами, все прошли,
А путь еще далек! и для того посмели
Зайти к тебе и бить челом
Снабдить нас в крайности посильным иждивением".
Затворница на то, с душевным состраданием
И лапки положила на грудь свою крестом:
"Возлюбленны мои, - смиренно отвечала,
Я от житейского давно уже отстала;
Чем, грешная, могу помочь?
Да ниспошлет вам Бог! а я и день, и ночь
Молить Его за вас готова".
Поклон им, заперлась, и более ни слова.
Кто, спрашиваю вас, похож на эту Мышь?
Монах? - Избави Бог и думать! Нет, дервиш.
Дмитриев.

По словам Лафонтена, он заимствовал сюжет этой басни из восточных сказаний, но подобной басни не находится ни в одном из известных сборников. Вернее предположить, что весь рассказ изобретен самим Лафонтеном, перед глазами которого было в лице средневековых монахов немало оригиналов, с которых он мог списать свою благочестивую мышшь. Кроме Дмитриева, басню иа-?ааае на русский язык Сумароков ("Отрекшаяся от мира мышшь").

128. Цапля.

(Le Heron)

Вдоль речки мерно выступая
И гордо клювом поводя,
Шла Цапля, важно вокруг себя
На все взирая.
У ног ее в воде, затейливо кружась
Большой откормленный карась
Старался, как умел, от щуки увернуться;
И Цапле стоило б нагнуться,
Чтоб лакомый кусок промыслить на обед.
Но, нет
Она была сыта и кушать не желала,
И посему свой путь покойно продолжала.
Меж тем проходит час, и вот уж у нее
Успел и аппетит от времени явиться,
И стала размышлять тут Цапелка моя,

Где б ей обедом поживиться.
На этот раз штук пять иль шесть линей
Под самым берегом плескались играя.
Но Цапля молвила: "Вишь, невидаль какая!
Найду себе я блюдо повкусней".
Но вот чрез полчаса и голод разыгрался.
Теперь и линь по вкусу был бы ей,
Да не видать уж более линей,
И, словно на смех, ей попался
Тщедушный, маленький пескарь.
"Неужли суждено мне съесть такую тварь!"
Вскричала Цапля чуть не со слезами,
И от соблазна быстрыми шагами
Пустилась прочь, дорогой говоря:
"Что скажут обо мне, коль съем я пескаря?!"
А время все идет, и голод все тревожит;
Уж больше бедная и вытерпеть не может:

Цапля
Теперь бы и пескарь пришелся ей подстать.
И Цапля, что была в начале так спесива,
Улитку встречную схватила торопливо
И с жадностью ее пустилась уплетать.
Надеюсь, господа, вы поняли и сами,
Что я, как и всегда, не задавая лиц,
Хотел лишь намекнуть, что много между нами
Таких разборчивых и прихотливых птиц,
Которых не томит о будущем забота:
Чем что-нибудь на черный день сберечь,
Они, разумного не ведая расчета,
Готовы всем в довольстве пренебречь;
А после, коль грехом окончится избыток,
Глодают чуть ли не улиток.

Г-г.

Басня эта отдаленно была переведена на русский язык Жуковским ("Цапля").

129. Разборчивая Невеста.

(La Fille).

Невеста-девушка смышляла жениха;
Тут нет еще греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имел-кто ж может все иметь?
Еще и то заметь,
Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!

Ну как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;
Тут этак, там не так;
Ну, не придет никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
"Какие простаки!
Твердит красавица. - По ним ли я невеста?
Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно:
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно".
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи наvertываться реже.
Проходит год,
Никто нейдет;
Еще минул годок, еще уплыл год целой:
К ней свах никто не шлет.
Вот наша девушка уж стала дево́й зрелой.
Зачнет считать своих подруг
(А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Ее как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелести ее лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах:
Умильны ямочки пропали на щеках;
Веселость, резвости как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:
Беда со всех сторон!
Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вокруг ней бывало тесно:
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:
Перестает она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,

Что вышла за калеку.

И. Крылов.

Как и предыдущая, эта басня принадлежит к самостоятельным басням Лафонтена и очень сходна с ней по сюжету и нравоучению.

130. Желания.

(Les Souhairs).

В Монголии бывают домовые,
Которые несут обязанности слуг:
Садовые работы, полевые
Все делают они, но в их труды не след
Мешаться смертному: оно приносит вред.
Близ Ганга, в доме гражданина
Весьма почтенного, жил много лет подряд
Один из них. Любил он господина
И госпожу, в особенности - сад,
И в нем преуспевал благодаря зефирам,
С которыми дружил. И так работал с миром
Усердно он и не жалел труда,
Стараясь угождать домашним неустанно.
Хотя у домовых приязнь непостоянна
Бывает вообще, - в их Доме навсегда
Остался б он, - нет правил без изъятья,
Но духи все, его собратья,
Поведали о том республики главе.
Из политических своих соображений
Иль просто вняв общественной молве,
Тот приказал, чтоб наш домашний гений
В норвежский дом был вдруг переведен,
Который круглый год снегами занесен;
Индуc лапландцем станет ныне!
Хозяевам своим он молвил, огорчен:
- Не знаю, по какой причине,
В чем состоит вина моя,
Но в скором времени вас покидаю я.
Одно для вас еще я сделать в воле:
Исполнить три желанья, но не боле.
Желать - для смертного завидная судьба.
Те пожелали изобилья;
И вот, без всякого с их стороны усилия,
Вино течет рекою в погреба,
Пшеница - в житницы, а золото волною
В их сундуки. Запасами, казною
Все переполнено. Прибавилось хлопот;
Неведомых до той поры забот
Прибавилось немало тоже:
Воров остерегись, и займы дай вельможе,
Плати казне двойной налог.
Богатство беднякам наделало тревог.
- Избыток благосостоянья,
Воскликнули они, - возьми обратно ты!
Оно куда печальней нищеты.
Богатства отдаем свои без колебанья.

Несущая покоя благодать,
О середина золотая,
Скорее возвратись, благоразумья мать!
И вот она вернулась к ним опять,
А с нею - мир. Так, попусту мечтая,
Порою труд мы забываем свой,
Химерами бесплодно ум питая.
Смеялись люди те, а с ними - домовой.
Перед разлукой; на прощанье
Они просить решились у него
Дар мудрости: такое достоянье
Обременить не может никого.
О. Чюмина.

Сюжет этой басни встречается в старинных "фаблио", из которых или из позднейших переделок их Лафонтен и мог его заимствовать. На русский язык басня переведена была, но весьма отдаленно, Дмитриевым ("Желания". "Сердися, Лафонтен, иль нет, - А я с ним не могу расстаться"... и т. д.)

131. Лев и его Двор.

(La Cour du Lion).

Однажды Львиное Величество Его
Узнать задумал, повелитель:
Каких зверей монарх он и властитель?
Вассалам царства своего
Он циркуляры шлет немедля, с приложением
Печати собственной и кратким извещеньем,
Лев и его Двор
Что при дворе открыт большой прием
В теченье месяца; вначале пышный праздник
Назначен во дворце, участие примет в нем
Паяц из обезьян, известнейший проказник.
Так подданных своих, собравшихся толпой,
В великолепный Лувр себе зовет он в гости.
Но что за Лувр! Там запах был такой,
Как в месте том, где сваливают кости.
Медведь поморщился, зажав себе ноздрю.
Но этим он не угодил царю,
Пославшему его увидеться с Плутоном.
Одна из Обезьян не в меру льстивым тоном
Все принялась хвалить: берлогу, когти Льва,
И этот дух, который был пахучей,
Чем амбра и цветы... Но глупые слова
Ее беде подвергли неминуемой
(Лев - Калигуле был сродни).
Лиса стояла тут. "Чем пахнет? Объясни!
Сказал ей Лев. - Ответь без колебанья!"
Но извинилась та: ей заложило нос,
И, вследствие утраты обонянья,
Немыслимо ответить на вопрос.
Держитесь правила такого неизменно:
Не льстите грубо при дворе,
Чтоб недоверие не возбудить в царе;
Не выражайтесь откровенно.

Но, как в Нормандии, старайтесь дать ответ:

Ни да ни нет!

О. Чюмина.

Из басен Федра. Лафонтен сравнивает своего Льва с Калигулою: Калигула возвел свою умершую сестру Друзиллу в богини и наказывал как тех, кто оплакивал ее смерть, так и тех, кто этого не делал; первых - потому, что они наносили ее памяти, по его мнению, оскорбление, а вторых - потому, что они не жалели о ней...

132. Коршуны и Голуби.

(Les Vautours et les Pigeons).

Впаеиіе волею Арея,

Давно когда-то, в старину,

В воздушных сферах грозно рея,

Вели пернатые войну.

То воевали не пичуги,

Что, понабравшись сил на юге

И к нам весной слетаясь вновь,

Поют про счастье и любовь;

То с клювом загнутым, упругим,

Боролись Коршуны друг с другом:

Летели перья, пух летел,

Валились груды мертвых тел,

И кровь струилась потоком!

Заря ль всходила над востоком,

Иль месяц в небе выплывал,

Как точно в море с валом вал,

Враги друг с дружкой сшибались...

Так дело шло немало дней,

И стены ада наполнялись

Толпами новыми теней...

И вот, в конце концов, уныло

Война такая возбудила

Прискорбье в сердце Голубей...

Они собрались и решили,

Что надо действовать; без слов

Послов послали и смирили

Порывы грозные врагов...

И что же вышло в заключенье?..

А то, что это примиренье

Исчезло тотчас же, как дым,

Несчастьем сделавшись вторым...

И наши Коршуны едва ли

В другое время убивали

Такую массу Голубей,

Коршуны и голуби

Как после мира в пять-шесть дней...

И поделом, - скажу я смело:

Теперь, по нашим временам,

Чтоб поразить врагов, умело

Их перессорить нужно нам!

В. Жуков.

Из сборника Абстемия (прим. к б. 24). На русский язык басню перевел Сумароков ("Коршуны и Голуби").

133. Муха и Дорожные.

(Le Coche et la Mouche).

В июле, в самый зной, в полуденную пору,

Сыпучими песками, в гору,

С поклажей и с семьей дворян,

Четверкою рыдван

Тащился.

Кони измучились, и кучер как ни бился,

Пришло хоть стать. Слезает с козел он

И лошадей, мучитель,

С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон:

А легче нет. Ползут из колымаги вон

Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.

Но, зная, рыдван был плотно нагружен,

Что лошади, хотя его тронули,

Но в гору по песку едва-едва тянули.

Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?

Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;

Вокруг повозки суетится:

То над носом юлит у коренной,

То лоб укусит пристяжной,

То вместо кучера на козлы вдруг садится

Муха и Дорожные

Или, оставя лошадей,

И вдоль и поперек шныряет меж людей;

Ну, словно откупщик на ярмарке, хлопочет,

И только плачется на то,

Что ей ни в чем никто

Никак помочь не хочет.

Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;

Учитель с барыней шушукают тишком;

Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,

Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин;

И Муха всем жужжит, что только лишь она

О всем заботятся одна.

Меж тем лошадушки, шаг за шаг, понемногу

Втащились на ровную дорогу.

"Ну,-Муха говорит,-теперь слава Богу!

Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;

А мне уж дайте отдохнуть:

Меня насилу крылья носят".

Куда людей на свете много есть,

Которые везде хотят себя приплесть

И любят хлопотать, где их совсем не просят.

И. Крылов.

Из Эзопа и Федра. На русский язык басню эту переводили, кроме Крылова, Сумароков ("Муха и карета") и Хвостов ("Муха и берлин"); по содержанию к ней близко подходит также басня Дмитриева "Муха".

134. Молочница и горшок с молоком.

(La Latiere et le pot au lait).

Издалика

С кувшином молока

Шла в город девушка Пьеретта.
Она была одета
Молочница и горшок с молоком
В простое платье коричневого цвета,
И торопилась поскорей
С бесценной ношею своей
Поспеть на рынок до рассвета.
Но путь аеае...ае?оа кусты,
Как тени вещи толпились,
И вот - наивные мечты
В ее головке зароились;
Она мечтательна была
И грезой тайною могла
Пополнить жизни недостаток.
"Я молоко продам за двадцать су,
Куплю яиц один-другой десяток,
Домой их бережно снесу
И посажу на них куриных пару маток;
Они мне высилят цыплят;
За ними приглядят
И братец, и сестрица;
О, я уверена: лисица
На всех, конечно, не польстится,
Останется штук пять,
Чтоб можно было обменять
Их на большого поросенка!
Я ж знаю дело очень тонко:
Его я живо откормлю,
Продам повыгодней и тотчас же куплю
Корову - прочим всем к досаде...
А там помчатся дни... Фортуна мне не враг...
Теленок явится... и скоро в нашем стаде
Он вдруг запрыгает-вот так!.."
Пьеретта увлеклась... Пьеретта позабылась...
И крынка с молоком... увы!..
С ее упала головы
И вдребезги разбилась.
Наедине
Вполне
Возможно в грезах позабыться!
Ты царь! ты властелин!
Ты всеми властвуешь один.
Но лишь действительность в окошко постучится,
И все, развеявшись, умчится!
В. Жуков.
Заимствована из новелл Бонавентура де Перье (прим. к басне 122).
135. Священник и Покойник.
(Le Cure et le Mort).
Мертвец печально совершал
Свой путь в последнее жилище;
В душе ликуя, провожал
Его Священник на кладбище.

Покойник наш на дрогах был везом,
Как следует в дорогу снаряженный
И в ту одежду облеченный,
Которую, увы! мы саваном зовем,
Покойникам зимой служащую и летом.
Священник рядом шел, произнося при этом
Стихи из Библии, псалмы,
Заупокойные моления
И тропари, и поученья.
"Все дело лишь в вознагражденьи;
Не бойся, отпоем тебя на славу мы!"
И мертвеца, как будто тот был кладом,
Он провожает жадным взглядом
Своих завистливых очей,
И словно говорит он этими словами:
"Вот столько-то мертвец мне принесет деньгами,
Вот столько-то скоплю я от свечей
И столько-то от мелочей
И непредвиденных расходов".
И тут решает он купить, в виду доходов,
Бочонок лучшего окрестного вина,
Обновка миленькой племяннице опрятной
И горничной ее нужна...
Но вдруг, среди мечты приятной,
Он чувствует толчок! Летит свинцовый гроб,
И патеру удар наносит прямо в лоб:
С разбитой головой тот падает на месте...
Идут одной дорогой вместе
И капеллан, и господин.
Вся наша жизнь, надежды и заботы
Напоминают мне не без причин
Того, кто возлагал на мертвого расчеты,
А с ним- "Молочницу, разбившую кувшин".
О. Чюмина.

Сюжетом для этой басни послужило следующее современное ей происшествие, рассказанное в письмах мадам Севинье: "Г-н Буффлер убил человека после своей смерти. Он был в гробу, на повозке, его везли хоронить. При нем был священник. Гроб опрокинули, и он убил священника". Несколько дней спустя Лафонтен написал свою басню.

136. Искатели Фортуны.

(L'Homme qui court apres la Fortune, et l'Homme l'attend dans son lit).

Кто на своем веку Фортуны не искал?
Что, если б силою волшебною какою
Всевидящим я стал
И вдруг открылись предо мною
Все те, которые и едут и ползут,
И скачут и плывут,
Из царства в царство рыщут,
И дочери Судьбы отменной красоты
Иль убегающей мечты
Без отдыха столь жадно ищут?
Бедняжки! жаль мне их: уж, кажется, в руках...
Уж сердце в восхищеньи бьется...

Вот только что схватить... хоть как, так увернется
И в тысяче уже верстах!
"Возможно ль! - многие, я слышу, рассуждают.
Давно ль такой-то в нас искал?
А ныне как он пышен стал!
Он в счастьяи растет, а нас за грязь кидают!
Чем хуже мы его?" - Пусть лучше во сто раз;
Но что ваш ум и все? Фортуна ведь без глаз...
А к этому прибавим:
Чин стоит ли того, что для него оставим
Покой, покой души, дар лучший всех даров,
Который в древности уделом был богов?
Фортуна- женщина: умерьте вашу ласку;
Не бегайте за ней, сама смягчится к вам.
Так милый Лафонтен давал советы нам,
И сказывал в пример почти такую сказку.
В деревне ль, в городке,
Один с другим невдалеке,
Два друга жили;
Ни скудны, ни богаты были.
Один все счастье ставил в том,
Чтобы нажить огромный дом,
Деревни, знатный чин - то и во сне лишь видел;
Другой богатств не ненавидел,
Однако ж их и не искал,
А каждую ночь покойно спал.
"Послушай, - друг ему однажды предлагает,
На родине никто пророком не бывает;
Чего ж и нам здесь ждать? со временем - суммы?
Поедем лучше мы
Искать себе добра; войти, сказать умеем,
Авось и мы найдем, авось разбогатеем".
"Ступай, - сказал другой,
А я остануся, мне дорог мой покой,
И буду спать пока мой друг не возвратится".
Тщеславный этому дивится
И едет. На пути встречает цепи гор,
Встречает много рек и напоследок встретил
Ту самую страну, куда издавна метил:
Любимый уголок Фортуны, то есть - двор.
Не дожидаясь ни зову, ни наряду,
Пристал к нему, и по обряду
Всех жителей его он начал посещать;
Там стрелкою стоит, не смея и дышать,
Здесь такает из всей он мочи,
Тут шепчет на ушко, - короче: дни и ночи
Наш витязь сам не свой;
Но все то было втуне!
"Что за диковинка! - он думает. - Стой, стой,
Да слушай об одной Фортуне,
А сам все ничего!
Нет, нет! такая жизнь несноснее всего!

Слуга покорный вам, господчики, прощайте
 И впредь меня не ожидайте;
 В Сурат, в Сурат, лечу! я слышал в сказках, там
 Фортуне с давних лет курится фимиам..."
 Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели.
 Но что же? не прошло недели,
 Как странствователь наш отправился в Сурат,
 А часто, часто он поглядывал назад,
 На родину свою: корабль то загорался,
 То на мель попадал, то в хляби погружался,
 Всечасно в трепете, от смерти на вершок;
 Бедняк бесился, клял, известно, лютый рок,
 Себя, и всем, и всем изрядна песня пета!
 "Безумцы!-он судил.-На край приходим света
 Мы смерть ловить, а к ней и дома три шага!"
 Синуют между тем индийски берега,
 Попутный дунул ветер; по крайней мере, кстати
 Пришло мне так сказать, и он уже в Сурате
 "Фортуна здесь?"-его был первый всем вопрос;
 "В Японии",-сказали.
 "В Японии?)- вскричал герой, повеся нос,
 Быть так! плыву туда". И поплыл; но к печали
 Разъехался и там с Фортуною слепой!
 "Нет! полно, - говорит, - гоняться за мечтой".
 И с первым кораблем в отчизну возвратился.
 Завидя издали отеческих богов,
 Родимый ручеек, домашний, милый кров,
 Наш мореходец прослезился
 И, от души вздохнув, сказал:
 "Ах! счастлив, счастлив тот, кто лишь по слуху знал
 И двор, и океан, и о слепой богине!
 Умеренность! с тобой раздолье и в пустыне".
 И так, с восторгом он и в сердце, и в глазах,
 В отчизну, наконец, вступает;
 Летит ко другу, что ж? как друга обретает?
 Он спит, а у него Фортуна в головах!
 Дмитриев.

Комментаторы предполагают, что басня эта внушена Лафонтену его склонностью к спокойствию и уединению и отвращением к погоне за богатством, и в этом видят единственный источник басни.

137. Два Петуха.

(Les deux Coqs).

Два Петуха согласно, дружно жили;
 Явилась Курица - и в бой друзья вступили.

?аа! не дееаео Аіо??

Ах! кто истории не знает бедной Трои?

Два Петуха

Уж там іа іаоооо са ео?,

За женщину дрались и боги, и герои.

У Петухов бой страшный был:

Летали пе?иу ава?о клочками,

Лилась из гребней кровь ручьями,

И, наконец, один другого победил.
Несчастный со стыдом в густой крапиве скрылся,
А тот победою своею возгордился,
Стрелою на забор взлетел,
Взмахнувши крыльями, запел,
И громкий крик его лишь в воздухе раздался,
То в когти он к Орлу голодному попался,
Лишился с жизнью и славы, и утех.
Без осторожности опасен и успех.
Измайлов.

Займствован из басен Эзопа и Автония, знаменитого риторика IV в. по Р. Х. Кроме Измайлова, басню переводил на русский язык Сумароков ("Два петуха").

138. Людская неблагодарность
к Судьбе.
(L'ingratitude et l'injustice des hommes envers la Fortune).
Благодаря случайности и счастью
Купец разбогател: с товаром корабля,
Дань не платя ни ветрам, ни ненастью,
Ни отмелям, - все к гавани пришли.
Купцы другие алчности Нептуна
И Парке хищной выкуп принесли,
Его лишь одного Фортуна
От всяких бед оберегла.
Никто из тех, с кем он имел дела,
Его не обманул. Он продал превосходно
Табак, и сахар, и фарфор.
Безумие покупателей - доходно,
И золото к нему ручьем лилось с тех пор.
Он признавал двойные лишь дукаты.
Завел коней, собак, роскошные палаты,
И в постный день пиры он задавал,
Как будто бы на свадьбе пировал.
"Откуда это все?"-дивясь его приему,
Спросил его друг, близкий к дому.
"Обязан всем себе я самому,
Моим способностям, уменью и уму".
Заманчивой ему представилась нажива:
Вновь необдуманно и живо
Он барыши пускает в оборот.
Но все на этот раз пошло наоборот:
На легкомыслии был весь расчет основан.
Неосторожно зафрахтован,
Один корабль погиб. Другой вооружен
Был недостаточно и плохо снаряжен:
Он стал добычею корсаров.
А третий распродать не мог своих товаров:
На убыль роскоши безумие пошло.
В сношеньях деловых ему не повезло.
А так как он с тех пор, как стал богатым,
И в жизни, и в делах привык к большим
затратам,
Лишился сразу он всего.

И старый друг, в нужде найдя его,
Спросил: "Что этому причиной?"
"Фортуна!" - отвечал торговец наш с кручиной.
"Утешься, - молвил тот, - когда не мог найти
Ты счастье, взамен ты мудрость обрети".
Не знаю, внял ли он совету.
Удачу приписать готовы мы всегда
Заслугам собственным, а приключись беда,
Судьбу клянем за неудачу эту.
Все доброе - от нас, но к людям Рок жесток,
Мы правы, и всегда не прав бывает Рок.
О. Чюмина.

Из сборника Абстемия (прим. к б. 24).

139. Гадальщицы.

(Les Devineuses).

Случайностью бывает рождено
Общественное мнение; оно
Рождает то, чему название - мода.
На людях званий всех пример такого рода
Я подтвердить легко бы мог.
Предубеждение, несправедливость, ковы
Таков стремительно несущийся поток;
Явления подобные не новы,
И неизбежны все они
В грядущие, как и в былые дни.
Среди Парижа женщина простая
Слыла за Пифию. Случись беда какая:
Вещица в доме пропадет,
Любовника красотка заведет,
Иль старый муж живет упорно;
Жена, ревнующая вздорно,
И мать, несносная в семье
Бежали все к ворожее,
Чтоб слышать то, чего они желали.
Ее приемы состояли
В известном знании уловок ремесла
(Искусны в них подобные особы),
В громадной смелости, - и с этим без числа
Творились чудеса. Невежда высшей пробы,
Она оракулом слыла.
Имел на чердаке оракул помещенье,
И, незнакомая с иным трудом,
Она приобрела для мужа положенье,
А, денег накопив, себе купила дом.
Явилась новая жилища
На чердаке, и что ж? По-прежнему туда
Узнать судьбу свою съезжаются: девица,
И дама знатная, лакеи, господа;
Весь город к ней спешит с несокрушимой
верой
Чердак считается Сивиллиной пещерой.
Напрасно женщина твердила господам:

"Смеяться вам угодно, что ли?
Я кое-как обучена складам,
Где ж мне предсказывать?" Пришлось ей против воли
Гадать, предсказывать являвшимся гостям,
И зарабатывать количество дукатов,
Превосходящее доход двух адвокатов.
Ей обстановка помогла:
Указывали стул трехногий и метла
На шабаш ведьм и превращенья;
Предсказывая истину, никак
Нельзя доверья ждать в приличном помещенье:
В гадалке - мода на чердак,
Гадалку первую постигло огорченье.
Все дело в вывеске везде.
Однажды стряпчего увидел я в суде,
Одетого небрежно, и гурьбою
Доходные клиенты шли к нему,
За то, что он напоминал собою
Лицо известное. Спросите - почему?
О. Чюмина.

Поводом к сочинению этой басни послужили Лафонтену два современных громких процесса, в которых публику особенно интересовали фигурировавшие в нем гадалки и отравительницы.

140. Кот, Ласочка и Кролик.
(Le Chat, la Belette et le petit Lapin).
Случилось Кролику от дома отлучиться,
Иль лучше: он пошел Авроре поклониться
На тмине, вспрыснутом росой.
Здоров, спокоен и на воле,
Попрыгав, пощипав муравки свежей в поле,
Приходит Кроличек домой.
И что же? чуть его не подкосились ноги!
Он видит: Ласочка расставляла там
Своих пенатов по углам!
"Во сне ли я иль нет? странноприимны боги!"
Изгнанник возопил
Из отческого дома.
"Что надобно?" - вопрос хозяйки новой был.
"Чтоб ты, сударыня, без грома
Скорей отсюда вон! - ей Кролик отвечал.
Пока я всех мышей на помощь не призвал".
"Мне выйти вон? - она вскричала. - Вот прекрасно!
Да что за право самовластно?
Кто дал тебе его? и стоит ли войны
Нора, в которую и сам ползком тыходишь?
Но пусть и царство будь: не все ль мы здесь равны?
И где, скажи мне, ты находишь,
Что Бог, создавши свет, его размежевал?
Бог создал Ласочку, тебя и Дромадера;
А землемера
Отнюдь не создавал.
Кто ж боле права дал на эту десятину

Петрушке Кролику, племяннику иль сыну
Филата, Фефела, чем Карпу или мне?
Пустое, брат! земля всем служит наравне:
Ты первый захватил-тебе принадлежала;
Ты вышел, я пришла-моею норка стала".
Кот, Ласочка и Кролик
Петр Кролик приводил в довод
Обычай, давность - их законом;
Он утверждал: "Введен в владение наш род
Бесспорно этим домом,
Который Кроликом Софроном
Отказан, справлен был за сына своего
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался, в силу права,
Тож сыну, именно мне, Кролику Петру;
Но если думаешь, что вру,
То отдадим себя на суд мы Крысодава".
А этот Крысодав, сказать без многих слов,
Был постный, жирный кот, муж свят из всех
котов,
Пустынник набожный средь света,
И в казусных делах оракул для совета.
"С охотой!" - Ласочка сказала. И потом
Пошли они к Коту. Приходят, бьют челом,
И оба говорят: "Помилуй! Рассудите!.."
"Поближе, детушки, - их перервал судья,
Не слышу я,
От старости стал глух; поближе подойдите!"
Они подвинулись, и вновь ему поклон;
А он
Вдруг обе лапы врознь, царап того, другога,
И вмиг их примирил,
Не вымолвя ни слова:
Задавил.

Не то же ль иногда бывает с корольками,
Когда они в своих делишках по землям
Не могут примириться сами,
А прибегают к королям?
Дмитриев.

Из сборника сказаний и басен Бидпая и Локмана. Бидпай (Бильпай, Пильпай)-апокрифическое имя индийского мудреца; ему приписывается собрание басен и рассказов, которые более 1500 лет распространены среди всех народов Востока и Запада в переводах и переделках. Известны два сборника: "Книга света, или поведение царей, индийского мудреца Бидпая" и "Индийские сказания и индийские басни, Бидпая и Локмана".
О Локмане см. прим. к б. 19.

141. Голова и Хвост Змеи.
(La Tete et la Queue du Serpent).
Две половины у Змеи:
Они Хвостом и Головою
У нас зовутся, и молвою
За злодеяния свои
У лютых Парк прославились обе.

Друг другу равные по злобе,
За первенство в былые дни
Упорно спорили они.
До той поры Хвост за собою
Вела повсюду Голова,
Но тут пред небом он с мольбою
Вступился за свои права,
При этом гнев являя непритворный:
"Я много миль в угоду сделал ей;
С меня довольно! Нет, слуга покорный!
Я, слава Богу, не лакей,
Но брат родной сестры моей.
Мы - одного происхождения;
Я вправе ждать такого ж обхожденья:
В себе ношу я столь же сильный яд,
Вот в чем, о небо, состоят
Мои усердные моления:
Сестре моей дай повеленье
За мною следовать в пути,
И в свой черед ее вести
Я обязуюсь так прекрасно,
Что сетовать ей было бы напрасно".
И вняли просьбе той
Немедля небеса с жестокой добротой.
Их снисходительность кончается плохими
Последствиями иногда;
Им подобает быть глухими
К слепым желаньям. Но тогда
Так не случилось, и вожатый,
Который, вечной тьмой объятый,
Но доверяющий себе,
Днем видел так же, как в трубе,
Вперед помчался, и упрямо
То стучаясь о корни головой,
То о людей, о мрамор вековой,
И наконец сестру привел он прямо
К пучине Стикса роковой.
Беда стране и населенью,
Подпавшими такому ж заблуждению.
О. Чюмина.
Займствована у Эзопа и Плутарха.
142. Зверь на Луне.
(Un Animal dans la Lune).
Философ говорит, что чувствами своими
Всегда обманут человек;
Другой клянется, что вовек
Тот не бывал обманут ими.
И что ж? Правдивы каждого слова,
И философия права:
Коль скоро мы судить на основаньи
Лишь чувств намерены одних,
Становимся мы все игрушкой их;

Когда же, с помощью среды и расстоянья,
Орудий, органов своих,
Проверить образ данного предмета
Мы захотим, никто, ручаюсь вам за это,
В обман не будет чувствами введен:
Таков природы-матери закон;
Примеры приведу со временем подробно.
Светило дня - чему оно подобно?
Каким перед собой его я вижу тут?
Оно окружностью не более трех фут,
А если б я за ним подняться мог высоко
В его сияющий приют,
Каким нашел бы я тогда Природы око?
И о его величине
По расстоянию судить возможно мне,
А расстояние углом и сторонами
Определяю я. Невежды между нами
Считают плоскою светила круглоту,
Но исправляю я в уме ошибку ту;
Недвижным солнце полагая,
Земле даю движенья быстроту,
Свидетельство очей во всем опровергая.
В иллюзиях не вижу я вреда:
В обманчивом найду я истину всегда,
Мне недоверие мои внушают взоры,
Которые, быть может, слишком скоры,
И слух мой, медленно передающий звук.
Когда волна тростник сгибает вдруг,
Его в уме своем я выпрямляю разом.
Решает все верховный разум,
И с помощью его не буду никогда
Обманут я моим, порою лгущим, глазом.
Поверь ему, так иногда
Мы женского лица изображение
Находим на Луне. Но там такой предмет
Не может быть. Причиною явленья
Неровности луны и возвышенья;
И могут, чередой сменяясь, тень и свет
На ней воспроизвесть животного портрет
Иль смертного подобие. Недавно
Ошиблись в Англии забавно.
Едва лишь навели подзорную трубу,
Как на Луне зверь появился новый;
И люд, в чудесное уверовать готовый,
В том увидал влиянье на судьбу
Народностей и стран: в опасности Европа,
Грозит войною зверь, ей бедствия суля...
Не исключая короля,
Все видели его! Меж стекол телескопа
Скрывалась мышь... предвестница войны.
Все смехом кончилось. Британии сыны,
Вы счастливы! Когда ж удастся и французам

Науке и служенью музам
Всецело посвятить себя, подобно вам?
Но в избыльи Марс нам посылает славу;
Не нам враги, а мы страшны врагам,
И за Людовиком, по праву,
Его возлюбленной идет Победа вслед.
Прославить в будущем французскую державу
Бессмертный лавр его побед.
Пусть мира всей душой желаем,
Но мы о мире не вздыхаем.
Им наслаждается достойно Карл Второй,
И все ж на грозную потеху боевую
Он рать свою вести сумеет, как герой,
И славу заслужить он может мировую,
Решая спор враждующих держав.
У Августа на славу столько ж прав
Как и у Цезаря. Когда ж с отрадным чувством
Мы встретим светлый мир, который, даровав
Победу, нас вернет к занятию искусством?
О. Чюмина.

Сюжет заимствован из одной современной шуточной поэмы, осмеивавшей Лондонское королевское ученое общество. В ней рассказывается, что клуб ученых открыл слона на Луне; но лакей показал сконфуженным астрономам, что все их открытие объясняется просто мышью, забравшеюся между стеклами телескопа. В конце басни Лафонтен намекает на современные политические обстоятельства. В то время (1677) все европейские государства были истощены войнами и желали мира. Англия, остававшаяся нейтральной, естественно являлась удобной посредницей между державами, которые к ней и обращались. Но Карл II находился в затруднении: секретные связи с Людовиком XIV побуждали его действовать в пользу французского короля, а между тем общественное мнение и интересы Англии склонялись больше в сторону враждебных Франции союзников.

143. Смерть и Умиравший

(La Mort et le Mourant)

Один охотник жить, не старее ста лет,
Пред Смертию дрожит и вопит,
Зачем она его торопит
Врасплох оставить свет,
Не дав ему свершить, как водится, духовной,
Не предвара его хоть за год наперед,
Что он умрет.
"Увы! - он говорит. - А я лишь в подмосковной
Палаты заложил; хотя бы их докласть;
Дай винокуранный завод мой мне поправить
И правнуков женить! а там... твоя уж власть!
Готов, перекрестясь, я белый свет оставить".
"Неблагодарный! - Смерть отвечает ему.
Пускай другие мрут в весеннем жизни цвете:
Тебе бы одному
Не умирать на свете!
Найдешь ли двух в Москве, десятка даже нет
Во всей Империи, доживших до ста лет.
Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранее тебя к свиданию со мной:

Тогда бы ты успел красивый дом построить,
Духовную свершить, завод поправить свой
И правнуков женить; а разве мало было
Наветов от меня? Не ты ли поседел?
Не ты ли стал ходить, глядеть и слышать хило?
Потом пропал твой вкус, желудок ослабел,
Смерть и Умирающий
Увянул цвет ума и память притупилась;
Год от году хладела кровь,
В день ясный средь цветов душа твоя томилась,
И ты оплакивал и дружбу, и любовь.
С которых лет уже отсюда поражает
Тебя печальна весть: тот сверстник умирает,
Тот умер, этот занемог
И на одре мученья?
Какого ж более хотел ты извещенья?
Короче: я уже ступила на порог:
Забудь и горе и веселье,
Исполни мой устав!"
Сказала, и Старик, не думав, не гадав,
И не достроя дом, попал на новоселье!!
Смерть права: во сто лет отсрочки поздно ждать;
Да как бы в старости страшиться умирать?
Дожив до поздних дней, мне кажется, из мира
Так должно выходить, как гость отходит с пира,
Отдав за хлеб и соль хозяину поклон.
Пути не миновать, к чему ж послужит стон?
Ты сетуешь, старик! Взгляни на ратно поле:
Взгляни на юношей, на этот милый цвет,
Которые летят на смерть по доброй воле,
На смерть прекрасную, сомнения в том нет,
На смерть похвальную, везде перевозносиму,
Но часто тяжкую, притом неизбежиму!..
Да что! я для глухих обедню вздумал петь:
Полмертвый пуще всех боится умереть!
Дмитриев.
Займствована из сборника Абстемия (прим. к б. 24).
144. Откупщик и Сапожник
(Le Savetier et le Financier)
Богатый Откупщик в хоромах пышных жил.
Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пиры, банкеты,
Сокровищ у него нет сметы.
В дому сластей и вин, чего ни пожелай:
Всего с избытком, через край.
И, словом, кажется, в его хоромах рай.
Одним лишь Откупщик страдает,
Что он недосыпает.
Уж Божьего ль боится он суда,
Иль просто трусит разориться:
Да только все ему не крепко как-то спится.
А сверх того, хоть иногда

Он вздремлет на заре, так новая беда:
Бог дал ему певца соседа.
С ним из окна в окно жил в хижине бедняк
Сапожник, но такой певун и весельчак,
Что с утренней зари и до обеда,
С обеда до ночи без умолку поет
И богачу заснуть никак он не дает.
Как быть и как с соседом сладить,
Чтоб от пенья его отвадить?
Велеть молчать: так власти нет;
Просил: так просьба не берет.
Придумал, наконец, и за соседом шлет.
Пришел сосед.
"Приятель дорогой, здорово!"
"Челом вам бьем за ласковое слово".
"Ну что, брат, каково делишки, Клим, идут?"
(В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут.)
"Делишки, барин? Да, не худо!"
"Так от того-то ты так весел, так поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?"
"На Бога грех роптать, и что ж за чудо?
Работою завален я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А с доброю женой,-кто этого не знает,
Живется как-то веселей".
"И деньги есть?"-"Ну нет, хоть лишних
не бывает,
Зато нет лишних и затей".
"Итак, мой друг, ты быть богаче не желаешь?"
"Я этого не говорю;
Хоть Бога и за то, что есть, благодарю;
Но сам ты, барин, знаешь,
Что человек, пока живет,
Все хочет более: таков уж здешний свет.
Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ мало,
И мне бы быть богачей не мешало".
"Ты дело говоришь, дружок:
Хоть при богатстве нам есть также неприятства,
Хоть говорят, что бедность не порок,
Но все уж коль терпеть, так лучше от богатства.
Возьми же: вот тебе рублевиков мешок:
Ты мне за правду полюбился.
Поди: дай Бог, чтоб ты с моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сих денег не моги,
И к нужде их ты береги!
Пятьсот рублей тут верным счетом.
Прощай!" Сапожник мой,
Схватя мешок, скорей домой
Не бегом - лётном;
Примчал гостинец под полой;
И той же ночи в подземелье
Зарыл мешок-и с ним свое веселье!

Не только песен нет, куда девался сон
(Узнал бессонницу и он!);
Все подозрительно, и все его тревожит:
Чуть ночью кошка заскребет,
Ему уж кажется, что вор к нему идет:
Похолодеет весь, и ухо он приложит.
Ну, словом, жизнь пошла - хоть кинуться в реку.
Сапожник бился, бился
И, наконец, за ум хватился:
Бежит с мешком к Откупщику
И говорит: "Спасибо на приятстве,
Вот твой мешок, возьми его назад:
Я до него не знал, как худо спят.
Живи ты при своем богатстве:
А мне, за песни и за сон,
Не надобен ни миллион".
И. Крылов.

Сюжет заимствован из новелл Бонавентура де Перье (прим. к б. 122). На русский язык, кроме Крылова, басню переводили Сумароков ("Ремесленник и Купец") и Хвостов.

145. Лев, Волк и Лиса
(Le Lion, le Loup et le Renard)
Страдающий подагрой дряхлый Лев,
От старости найти лекарство повелев,
Ждал излечения, и слово "невозможно"
Могло навлечь монарший гнев,
Произнесенное в ответ неосторожно.
Себе врачей повсюду ищет он,
Среди зверей породы всевозможной,
И всех сортов врачи к нему со всех сторон
Толпой являются. Сидела смиренно дома
Одна Лиса. В часы вечернего приема
Присутствовать на нем имея честь,
Спешит перед царем Лисицу Волк обнести.
Лев шлет гонца, приказ давая строгий:
Лисицу выкурить немедля из берлоги.
Она является, и зная, кем она
Пред Львом была обнесена,
Так говорит монарху лицемерно:
"Великий государь! боюсь я, что неверно
Отсутствие мое объяснено:
Паломничеством вызвано оно
За ваше здравие, и в странах отдаленных
Я видела мужей, наукой умудренных,
И им о слабости я говорила той,
Которая страшна в годах преклонных;
Но ей помочь возможно теплотой,
Лишь заживо снимите с Волка шкуру
И обернитесь ею вы,
Еще дымящейся, от ног до головы:
Халатом пусть, он вам так нужен,
Послужит Волк". Понравился совет;
И Волк, ободранный, попал царю на ужин,

А шкурою его был старый Лев одет.
Довольно вам губить друг друга,
Льстецы придворные! Коварная услуга
Наушнику, на тот иль на другой манер,
Сторицею воздастся, без сомненья.
Избрали вы одну из тех карьер,
Где ждать нельзя пощады и прощенья.
О. Чюмина.
Из басен Эзопа и из старинного романа о Лисице.

146. Сила Басен

(Le Pouvoir des Fables)

Г-ну де Барильон

Посланника высокое призванье

Решится ль снизить до басенок простых?

Могу ль я предложить для вашего вниманья

Мой легкокрылый стих?

Пусть он порою своевольно

Величественный вид дерзает принимать,

Вы дерзким ведь его не станете считать?

Я знаю: Кролика с Куницей разнимать

Не вам, и без меня вам трудных дел довольно.

Прочтете вы меня иль нет, но только вот

Прошу: устройте так политикой умелой,

Чтоб на плечи теперь нам не взвалили гнет

Европы целой.

Пускай на нас насядет враг

Из тысячи краев вселенной,

Все ничего; но вот что не понять никак:

К нам лезет Англия со злобой несомненной.

Еще ль Людовику не время отдыхать?

Какой же, наконец, Геракл не утомится

Бороться с гидрою такою? Ведь решиться

Под сильную его десницу подставлять

Ей новую главу-смешно...

Коль ум ваш властный

И красноречие и ловкость укротят

Сердца врагов и отвратят

Удар несчастный,

Баранов сотню я заклать согласен вам,

А это жителю обители Парнасской

Не шутка... О, примите с лаской

В дар этот слабый фимиам,

Привет мой непритворный

И посвященный вам рассказец стихотворный.

Сюжет его-для вас; теперь молчу: ведь вы

Не любите, когда хвалой вас беспокоют,

Хотя заслуг у вас не скроют

Уста завистливой молвы.

В Афинах некогда, к толпе пустой и вялой,

Узнав, что родины опасный час настал,

Оратор некий речь держал.

С трибуны мощью небывалой

Стремился он зажечь в сердцах народных пыл;
Он о спасении отчизны говорил.
Его не слушали. Всю силу выраженья,
Он все уменье напрягал,
Бездушных, кажется, могло б объять волнение;
Он страстно убеждал,
Он мертвых пробуждал
В могилах,
Гремел, все высказал, что только было в силах,
Все вихрь умчал.

Пустоголовый люд и не внимал нисколько,
По сторонам зевали только.

Оратор увидал, как все вдруг увлеклись...
Не речью, нет: в толпе ребята подрались!
Что ж ритор? Речь его сюжет переменяла:
"Церера, - начал он, - откуда-то спешила,
С ней угрь и ласточка. Случись
Река им на пути. Не думая нимало,
Угрь в волны-прыг,
А ласточка-на крыльях. В миг
Перебрались..."

Толпа тут в голос закричала:

"Ну, а Церера-то? Что сделала она?"

"Что сделала она? О, гнев внезапный ею

Тут овладел, она разгневалась на вас:

Как! Сказками детей народ ее сейчас

Здесь забавляется? Опасностью своею

Вы не тревожитесь, хотя бы край погиб?

Что ж вы не спросите, что делает Филипп?"

И вся толпа таким упреком

Поражена,

И выслушала речь в молчании глубоком:

На пользу басня сложена!

Как те афиняне, мы все без исключенья:

Теперь, когда пишу свое нравоученье,

Пусть об Ослиной шкуре сказ

Начнут мне,-без сомненья,

Я увлекуся им сейчас.

Толкуют: мир наш стар! но все же побасёнка

Нужна и для него, как малого ребенка.

П. Порфиоров.

Заимствована у Эзопа. Де Барильон, которому посвящена басня-посланник в Англии,
друг Лафонтена и мадам де Севинье.

147. Человек и Блоха

(L'Homme et la Puce)

Желанием пустым и смертных недостойным

Богам надоедать стремимся мы подчас,

И убеждением исполнены спокойным,

Что нет у них иной заботы, кроме нас,

И что ничтожнейший из жалких человеков,

По поводу его поступков и шагов,

Не менее самих троянцев или греков

Достоин вящего внимания богов.
Глупец, в плечо укушенный Блохою,
Воскликнул: "С этой гидрою лихою
Человек и Блоха
Обязан был бы ты покончить, Геркулес!
И чем на небесах ты занят, о Зевес,
Что не разишь ее стрелою беспощадной?"
В защиту от Блохи так с палицей громадной
Перунов он просил на помощь у богов.
О. Чюмина.

Заимствована из басен Эзопа.

148. Женщины и Секрет
(Les Femmes et le Secret)

Нет сокровенного для женской болтовни,
Нет женщины, чтоб тайн не разболтала.
Но, впрочем, и мужчин не мало,
Что в этом женщине сродни.
Чтоб испытать жену, какой-то муж, в постели
С ней лежа, ночью вдруг воскликнул: "Что со мной?!"
Я разорвусь сейчас на части... Ой, ой, ой...
Что это?! Я родил яйцо!"
"Яйцо?! Ужели?!"

"Ну да, вот, свежее; чур, людям ни гу-гу:
Пожалуй, курицей прослыть еще могу..."
Жена, не видевшая случая такого,
Как многого другого,
Поверила ему и поклялась молчать.
Но эти обещанья
Исчезли, как ночная тень.
Наивная жена, вся трепет ожиданья,
С постели поднялась, едва забрезжил день...
К соседке в дом она пустилась.
"Ах, - шепчет, - кумушка, послушай, что
случилось..."

Чур, ни словечка никому:
Муж ночью снес яйцо, такое вот по виду.
Но, ради Бога, ты не дай меня в обиду,
А то ведь муж мне..."
"Ну, к чему!
Ей, та. - меня не знаешь, что ли?
Ступай себе домой, не выдам я, поверь".
Жена "наседки" лишь за дверь,
Той, как на угольях, нейметя, и на воле
Про новость в десяти местах она трещит,
И вместо одного уж три яйца явилось.
А новая кума "четыре!" говорит,
И шепчет на ухо, как это все случилось.
Но осторожность там смешна,
Где тайна всем уже ясна.
И так как численность яиц все умножалась,
Благодаря молве, средь кумушек моих,
То ввечеру яиц таких

Побольше сотни оказалось.
П. Порфиоров.
Из Абстемия (прим, к б. 24).
149. Собака с хозяйским обедом
(Le Chien qui porte a son cou le diner de son maitre)
Чужим добром мы тешим взоры,
Когда нельзя его стащить:
А если уж по правде говорить
Мы все в душе отъявленные воры.
Собака с хозяйским обедом
Собака своему хозяину обед
В урочный час из лавки приносила,
И никогда куска не утаила,
Хоть был велик соблазн. Таков уж белый свет!
Всем добродетелям собаку мы научим,
А ближнего начнем учить да вразумлять,
Лишь попусту несчастного измучим:
Чуть плохо что лежит, ему не устоять.
И вот однажды на Собаку,
Иль на обед, сказать верней,
Накинулась другая. Та скорей
Корзину на землю (так легче было ей)
И в драку.
Но тут голодных псов вдруг столько набралось
(Где есть возможность поживиться,
Испытанный в боях бродячий пес
Увечий не боится),
Что против всех обед хозяйский защищать
И глупо было бы, да кстати и опасно;
Как ни увертывайся, ясно:
Защитнице самой бы сдобровать,
А уж хозяину обеда не видать!
Однако,
Благоразумная Собака
Смекнула, что и ей здесь может перепасть,
И отстоять свое решила твердо;
И вот, оскалив грозно пасть
И лапой придавив кусок отборный, гордо
Промолвила она голодным псам:
"Вот это мне, а остальное вам!"
Те не заставили просить себя вторично
И, ринувшись гурьбой,
Наперебой
Обед убрали преотлично.
Мне вспоминается общественный пирог:
Пока десятки глаз его оберегают,
Десятки рук проворно, под шумок,
Весь растаскают.
Кто поискусней, тот дает
Пример другим: гляди да потешайся,
Как люди рвут куски и набивают рот,
Но обличать их опасайся.

Когда ж какой-нибудь чужак
У пирога вдруг явится на страже,
С ним говорить не станут даже,
А прямо в сторону: не суйся, мол, дурак!
Поэтому, чем зря другим перечить,
Не лучше ль первого себя же обеспечить?
В. Лихачев.

Заимствована из "Апологии Федра" средневекового латинского поэта Ренья (Regnerus) (1589-1658). В конце басни Лафонтен намекает на лихоимственные обычаи среди муниципальных чиновников XVII века. Есть известие, что один ученый в Лионе сочинил басню на эту тему, которая и дала Лафонтену мысль осмеять этот всеобщий порок времени.

150. Шутник и Рыбы
(Le Rieur et les Poissons)
Вна ищут шутников, я ж избегаю их:
Искусство их полно всегда претензий важных.
Лишь для людей пустых
Бог сотворил шутов пустяшных.
Быть может, выведу я в басне одного
Шута такого.
Быть может, выйдет-ничего.
У богача, средь общества большого
Шутник обедал; близ него
Рыбешка мелкая стояла одиноко,
А Рыбы крупные случились далеко.
Шутник берет блюда, потом
Им шепчет тихим шепотком,
Потом как будто бы внимает
Ответу рыбьему. Тут все удивлены.
Среди всеобщей тишины
Шутник преважно заявляет,
Что, за товарища боясь,
Который с год назад в путь к Индии пустился
(Уж не беда ль над ним стряслась),
Он рыбок маленьких спросить теперь решился,
Но что у всех-де их и речи все одни,
Что слишком молоды они,
И достоверного о друге не сказали.
Большие более и рассказать могли б.
"Позвольте, господа, побольше мне из Рыб".
Я думаю, едва ли
Такая шуточка понравилась кому,
Но, не смутясь нимало,
Достиг он своего. И подали ему
Большую рыбищу, что многое видала
И сосчитать могла все имена пловцов,
Искателей неведомых миров,
Которые не возвратились снова
На Божий свет,
Которых видел сотни лет
Люд древний царства водяного.
I. Порфиоров.

Заимствована из Абстемия (прим. к б. 24). Эта басня есть анекдот о поэте Филоксене

Кипрском, рассказанный в сочинении греческого грамматика III в. по Р. Х. Афиняя.

151. Крыса и Устрица

(Le Rat et l'Huitre)

Какой-то Крысе полевой,
Из тех, которые рассудком не богаты,
Наскучили ее домашние пенаты.
Запасы и зерно, приют оставив свой,
Она отправилась гулять по белу свету.
Все поражало Крысу эту,
И выглянув из норки первый раз,
Где до сих пор ютилась скромно,
Она воскликнула: "Как в мире все огромно!
Вот Апеннины! вот Кавказ!"
Ее неопытным и удивленным взглядам
Казались бугорки подобными громадам.
Достигла путница приморской стороны
И, устрицы найдя, которые Фетида
Выносит на берег из синей глубины,
Сочла судами их, на основаньи вида
Их внешнего, и молвила она:
"Отец мой, будучи рассудком ограничен,
Был к путешествиям подобным непривычен.
Что до меня, отвагою полна,
Пройдя морской пустыней ныне,
Не захлебнулась я в пучине".
(Она познаниями обязана была,
Не будучи завзятым книгоедом,
Учителю ближайшего села
И слышанным при случае беседам).
Но в ту минуту Устрица одна
Раскрылась вдруг, на солнышке зевая;
Зефир ласкал ее, тихонько обвевая,
Дышала воздухом и нежилась она,
Бела, жирна и аппетитна.
Крыса и Устрица
И Крыса молвила тогда:
"Я пообедаю сегодня очень сытно,
Полакомлюсь теперь иль никогда!"
И шею вытянув, исполнена надежды,
Она приблизилась, но вмиг
Ее удар неслыханный постиг:
Закрылась Устрица; таков удел невежды!
Нам этой баснею дано
Нравоученье не одно:
Во-первых, те, кто незнаком со светом,
Дивятся иногда ничтожнейшим предметам;
А во-вторых:
Кто сети ставит для других,
Сам попадает в них.
О. Чюмина.

Лафонтен переработал в этой басне сюжет, заимствованный из сборника Абстемия
(прим. к б. 24).

152. Пустынник и Медведь
(L'Ours et l'Amateur des jardins)
Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай Бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.
Жил некто человек безродный, одинокий,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякий:
Утешно нам и грусть и радость разделить.
Мне скажут: "А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?"
"Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, как не с кем молвить слова".
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идет он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу,
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они.
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чем у них и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был неговорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему Бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
"Приляг-ка, брат, и отдохни
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу".
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул

Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах -да он и не без дела:
У друга на нос муха села.
Он друга обмахнул,
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый бульжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: "Молчи ж, уж я тебя, воструху!"
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть-хватать друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!
И. Крылов.

Займствовано из Бидпая (прим. к б. 140) и Локмана (прим, к б. 19). На русский язык, кроме Крылова, басня переведена Сумароковым ("Друг и Невежа") и Хвостовым ("Медведь и Огородник").

153. Два друга
(Les deux Amis)
Два друга некогда в Мономотапе жили,
Имущества, казны и в мыслях не делили.
Друзья, рассказывают, там
Не уступают в дружбе нам.
Однажды полночью, когда друзья объята
Глубоким были сном и мрак скрывал палаты,
Один из них, дрожа, соскакивает вдруг
С постели, будит сонных слуг
(А все покоилось в объятиях Морфея).
Другой товарищ тут, от страха цепенея,
Хватает кошелек, и вмиг, вооружен,
К нему: "Чего ты прибегаешь,
Когда кругом покой?! Ты, кажется, смышлен:
Ведь ночью спят, а ты плутаешь;
Иль проигрался в пух и прах?
Вот кошелек. Иль с кем повздорил? Тщетный
страх,
Кинжал при мне!" "О нет!-приятель отозвался,
Не это и не то, благодарю... Но мне
Ты нынче грустным показался
Во сне,
И я встревожился: а вдруг на самом деле
Так будет наяву. И я скорей с постели!
Проклятый сон вина тревог моих..."
Скажи, читатель, кто из них
Любил сильней? С задачей такою
Едва ль покончишь вдруг.
О, что за клад-сердечный друг!
Он в сердце вашем сам заботы открывает,
И вашу скромность он щадит.

Сон, мелочь всякая, пустяк его страшит,
Когда о друге он мечтает.
П. Порфиоров.

Из Бидпая и Локмана, как и предыдущая басня.

154. Ягненок и Поросенок
(Le Cochon, la Chevre et le Mouton)

Мужик в телеге вез Ягненка

И Поросенка.

Куда же?.. в ряд мясной!

Вот Поросенок развизжался,

Как будто бы мясник с ножом за ним уж гнался,

Кричит: "Увы! увы!"-"Проклятый сын свиной!"

Сказал Мужик ему. -Когда ты перестанешь?

Ну, что Ягненок не кричит?

Смотри, как он умен-молчит".

"Нет, глуп! - прервал визгун. - Меня-то не
обманешь!

Он думает, что шерсть с него лишь состригут;

А я могу ли быть в покое?

Я знаю, с поросят щетины не берут,

Так верно уж меня убьют,

И на холодное пойду иль на жаркое.

Ах, не сносить мне головы!

Увы! увы!"

Полезно иногда для нас и заблуждаться,

Когда несчастья не можно отвратить.

К чему и дальновидным быть?

Что прежде времени нам сетовать и рваться?..

Измайлов.

Зайствована из басен Эзопа. Тот же сюжет у Афтония (прим. к б, 137) и Локмана (б. 19). Лафонтен говорит в басне, что действующих лиц ее везли, конечно, не Табарэна смотреть. Этот Табарэн был театральный шут некого Мондора, продавца бальзама и мазей, открывшего в начале XVII в. театр в Париже. Комические и неприличные фарсы, которые давались в этом театре, имели колоссальный успех, увеселяя двор и город. Табарэн сделался такой знаменитостью, что "шутки" его были напечатаны и выдержали шесть изданий ("Recueil general et fantaisies de Tabarin"). На русский язык басня переведена, кроме Измайлова, Сумароковым ("Свинья, Овца и Коза").

Ягненок и Поросенок

155. Тирсис и Амаранта

(Tirsis et Amarante)

Г-?е де Сильери

Эзопа бросив, я давно

Мечтал Боккачио отдался;

Но снова божество одно

Желает наслаждаться

Стихами басенок моих.

Как отказать? - Судите сами,

Нет отговорок никаких:

Ведь вздорить с божествами,

С богинями нельзя ж,

Когда они красой пленяют

И волю, и рассудок наш.

Ну, словом, пусть теперь все знают:
То - Сильери! Ей стих мой мил;
И просит вновь она меня мольбой упорной,
Чтоб серый Волк и Ворон черный
Стихами вновь заговорил...
Кто скажет: "Сильери",-все скажет.
Едва ли кто из всех людей
Ей в предпочтении откажет,
И отказать возможно ль ей?
Но возвратимся к делу снова.
Порою темен ей смысл басенок моих:
Умы высокие иного
Подчас не понимают в них.
Попробуем создать два-три повествованья,
Понятных ей без толкованья.
В них пастухов введем и станем рифмовать,
Что Волки с Овцами поведают опять.
Раз с Амарантой речь юнец Тирсис заводит:
"Ах, если б некое, как я, ты знала зло,
Что в восхищенье нас приводит!
Ничто сравниться с ним доньше не могло.
Позволь же рассказать о нем; а ты, внимая,
Доверься мне душой своей:
Могу ль я обмануть тебя, к тебе пылая,
Из чувств нежнейших у людей?"
Тут Амаранта отвечала:
"Как называется то зло?"-"Любовь!.."
"О да, Словечко чудное... Так назови сначала
Все признаки его: что чувствуют тогда?"
"Мученья; но зато царей все наслажденья
При них скучны, смешны. Забыв себя, мечтой
Уносятся в леса, в уединенье;
Блуждая, сядут над рекой,
В ней видят не себя, а образ дорогой,
Все тот же, без конца мелькающий пред ними.
Для прочего тогда становятся слепыми...
Вот, на селе пастух живет,
Чье имя, голос, вид краснеть уж заставляет.
Иная, вспомнив, лишь вздохнет,
Не знает почему, а все-таки вздыхает;
Страшится видеть и... и видеть вновь желает".
Тут Амаранта в тишине:
"Ах, ты про это зло рассказываешь мне.
Оно не ново: я его как будто знаю..."
Тирсису думалось, что цели он достиг...
"Вот это,-молвила красавица в тот миг,
Я к Клидаманту ведь питаю".
Едва не умер тут от горя и стыда
Пастух, неожиданно пораженный.
Так иногда
Бывает в жизни обыденной:
Иные, думая подчас себе помочь,

Пособят лишь другим, как мой пастух

точь-в-точь.

П. Порфиоров.

В начале басни Лафонтен намекает на свои "рассказы", из которых многие были подражанием Боккаччо. Изданные в 1674 году, они были запрещены полицейским приказом. - Мадемуазель Габриель-Франсуаза-Брюляр де Сильери, которой посвящена басня, была племянница герцога Ла Рошфуко) автора "Правил" (прим. к б. 11); в 1765 году она вышла замуж за маркиза де ла Мотт-о-Мэн.

156. Похороны Львицы

(Les obseques de la Lionne)

У Льва жена скончалась.

Тут всякое зверье

К царю отвсюду собиралось,

Чтоб выразить ему сочувствие свое,

С которым лишь больней утрата.

Во все леса, во все концы

Помчались гонцы,

Что погребение последует тогда-то

И там-то; где жрецы

Места в процессии поделят меж зверями,

Составив церемониал.

Не шутка, если все стеклись, - судите сами.

Царь плакал и стонал

И стоном оглашал пещеру

(Иного храма нет у львов);

Ревел, по царскому примеру,

Придворный штат на тысячи ладов.

Я описал вам двор, где все царю послушны:

Мрачны иль веселы, то вовсе равнодушны,

То пылки ко всему, чего захочет он;

По крайности, в лице должна быть эта мина.

Народ - изменчивый всегда хамелеон,

Он - обезьяна властелина,

Все прихотью царя здесь дышат и живут;

Простые пешки здешний люд.

Но возвратимся к басне снова.

Не плакал лишь Олень: за слабого сурово

Смерть мстила; приняла царица должный суд,

Сгубив его жену и сына дорогого.

Олень не плакал. Лыстец к царю явился тут

С доносом, что Олень над скорбью всех смеялся.

Ужасен в гневе царь, глаголет Соломон;

Ужасный, если Лев-владыка возмущен.

Но, впрочем, мой Олень читать не обучался.

Царь рек: "Тебе смешно, о жалкий сын лесов!

Ты не рыдаешь, вняв стенаньям голосов.

До тела грешного священными когтями

Не прикоснулся я... Эй, волки! отомстить

Скорее за меня! изменника убить

Пред отчими холмами!"

"Помилуй, Государь!-вскричал Олень.-Теперь

Дни плача минули, напрасна грусть поверь:

Почившая в цветах великая царица,
Кого безвременно похитила гробница,
Вся лучезарная, в пути явилась мне.
Ее узнал я. В тишине
"Друг! - молвила она. - Теперь к богам иду я;
Пусть не велят тебе рыдать, по мне горюя:
Вкусила тысячи я наслаждений здесь,
Познала радости блаженного чертога.
Пусть царь и погрустит немного,
Мне это нравится..."-Тут двор воскликнул весь:
"Вот откровение. Вот, чудо!" И дарами
Осыпан был Олень тогда.
Владык вы тешьте сказочными снами
И ложь приятную курите им всегда.
Пусть сердце их кипит негодованьем, - верьте:
Приманку скушают, и вы их друг до смерти.
П. Порфиоров.

Займствована из сборника Абстемия (прим. к б. 24). На русский язык басня образно, но отдаленно переведена Жуковским ("Похороны Львицы").

157. Крыса и Слон
(Le Rat et l'Elephant)
Французы многие страдают пошлым чванством,
И то, что важностью прослыть у нас должно,
Бывает в сущности мещанством.
Французам свойственно оно,
Здесь любят иііаеа считать себя "особой",
Тщеславием у нас заражена толпа.
Испанец горд, но гордостью особой:
Безумней будучи, она не так глупа.
Вот нашей гордости картинка, для примера.
Из самых мелких Крыс одна
Увидела Слона громадного размера,
И посмеялась тут она
Над поступью его медлительной и важной.
Он двигался под ношей трехэтажной:
На богомолье он султаншу нес
Со всем ее домашним штатом:
Старуха с ней была, мартышка, кот и пес.
Дивясь толпе собравшегося люда,
Тут Крыса молвила: "Глазеют, как на чудо,
На массу грузную его,
Как будто мы важней бываем оттого
Чем более нам места в мире надо!
Ребятам пугало - подобная громада!
Я в нем не вижу ничего,
Что поводом служило бы к почету.
И как наш род ни мал,
Но менее Слона на йоту
Никто из нас себя не почитал!"
Она и дальше речь вела бы в том же роде;
Но Кот, опасный враг мышиною их породе,
Крыса и Слон

Из клетки выскочил и доказал ей он,
Что Крыса все-таки не Слон.

О. Чюмина.

Из Федра. На русский язык басню перевел Сумароков ("Мышь и Слон"). Басня Дмитриева "Слон и Мышь" по содержанию совершенно отлична от Лафонтеновой.

158. Предсказанье

(L'Horoscope)

Подчас находит нас судьбина

На том пути,

Где от нее мы думали уйти.

Один Отец имел лишь Сына,

И больше никого.

Он так любил Сынка, что о судьбе его

У прорицателей расспрашивать принялся.

Один предрек, чтобы Отец старался

Хранить дитя особенно от львов

Лет так до двадцати, примерно.

Отец, чтоб выполнить веленье старика,

Задумал охранять любимого Сынка:

Был строгий дан приказ (и соблюдался верно),

Чтоб Сын не выходил и за порог дворца,

Но мог в покоях он с подростками друзьями

Резвиться и болтать. И целыми он днями

Гулял и бегал без конца.

Но вот и те года настали,

Когда юнцам охота так любя.

Ему в невыгодных рассказах описали

Охотников. Увы! слова, совет, мольба

Не могут изменить характера нисколько.

Отважный юноша лишь только

Почувствовал в груди горячку этих лет,

Охотой бредить стал, тоскуя в заключеньи.

Препятствие растет, и с ним растет стремленье.

Он знал, чем вызван был мучительный запрет.

И так как в комнате, богатой и чудесной,

Висело множество картин,

И холст, под кистию прелестной,

Охоты представлял, с пейзажами долин,

С зверями на долине,

С бегущими людьми,

То Сын, увидев льва нежданно на картине:

"А, вот чудовище!-вскричал в сердцах,-пойми,

Из-за тебя томлюсь в неволе заключенья!.."

В неукротимой жажде мщенья,

Бросается перед холстом,

По неповинному бьет зверю кулаком.

Но под картиною случился гвоздь: жестоко

Он ранит юношу, вонзившись глубоко.

И милый юноша, кого

И Эскулапова рука не исцелила,

Стал жертвою забот, хранящих жизнь его.

Предосторожность и Эхила

Когда-то погубила:
Так, прорицатель некий, говорят,
Грозил, что здание его собой задавит.
Эсхил покинул град,
Вдали среди полей, под небом ложе ставит.
Орел по воздуху там черепаху нес,
И вот над лысою Эсхила головою,
Что маленькой ему казалась скалою
От вылезших волос,
Добычу уронил, разбить ее стремяся,
И жизнь несчастного Эсхила порвалась.
Отсюда вывод мой таков:
Искусство видеть даль невидимых годов,
Коли оно и справедливо,
Всегда заставит вас впасть
В беду, которой вы стремились избежать.
Но утверждаю я: искусство это лживо.
Природа не связала, нет!
Себя иль нас всех предопределеньем
Всей жизни, с помощью планет:
Все управляется стеченьем
Мест, времени и лиц,
Не от предвиденья каких-то небылиц!
Вот под одной звездой два человека:
И тот пастух, и этот царь живут.
Царь держит скипетр, палку - тот.
Звезда Юпитера судила так от века.
А что - Юпитер сам? Материя и в ней
Отсутствует сознание.
С чего же вдруг его влияние
Различно действует на этих двух людей?
И как проникнуть все воздушное пространство?
Марс, Солнце, пустоту безмерную пройти?
Единый атом вас собьет всегда с пути...
Как предусмотрит все провидцев шарлатанство?
Вот нынешняя роль Европы: ведь теперь
И не было б ее, явись лишь предсказанье.
Что ж прежде ничего никто не молвил? Верь,
Никто предвидеть был и сам не в состоянии.
Огромность времени, стремление быстрых дней,
Изменчивость людских страстей
Позволят ли кому, при слабости убогой,
За шагом шаг, в поступках нас следить?
А это все судьбу способно изменить.
Течение ее нейдет одной дорогой;
Не может ведь, как мы, все тот же путь держать.
Но как по писанному тщатся прочитать
Провидцы-чудаки судьбы людской стремление.
Не следует вниманья обращать
На два рассказанные мною приключенья.
Любимый слишком Сын или Эсхил для нас
Не доказательства: все лживы предреченья;

Предскажут, может быть, из тысячи лишь раз

И то случайно, без сомненья.

П. Порфиоров.

Приключения Эсхила, рассказанные Геродотом и Плинием, могли дать Лафонтену сюжет для этой басни. Великий греческий трагик, побежденный молодым Софоклом, удалился в Сицилию и там умер, раздавленный упавшей на него черепахой.

159. Осел и Собака

(L'Ane et le Chien)

Природа учит нас друг другу помогать.

Но раз Осел над этим посмеялся;

Я просто не могу понять,

Как он позорно так попался:

Ведь он смиренный был Осел.

С Собакой он однажды шел

Преважно, ни о чем не думая на воле.

Хозяин общий был у них

И спал теперь. Осел с Собакой-мигом в поле:

Среди полянок заливных

Трава пришлась ему по вкусу, просто чудо!

Репейнику ничуть! Он занялся травой:

Ведь в редкость лакомое блюдо

И праздничек такой,

Смекнул Осленок мой.

Собака ж, с голоду совсем изнемогая,

Сказала: "Наклонись, товарищ, чтоб могла я

Взять из корзинки свой обед".

Ни слова тот в ответ:

Осел и Собака

Он, наш аркадский конь, средь заливного луга

Боялся время потерять

Траву жевать.

Он долго делал вид, что не расслышал друга,

И наконец сказал: "Друг! мой совет таков:

Дождись, когда хозяин встанет;

Проснется, и обед сейчас тебе готов.

Он не задержит, он достанет..."

Во время этих слов

Из леса вышел Волк голодный.

Осел - Собаку звать, увы, мольбой бесплодной:

Ни с места та, в ответ: "Друг! мой совет таков:

Беги, покуда наш хозяин не проснется;

Он не задержит ведь; ты лыжи наостри

И мчись. А если Волк догонит, подберется,

Бей в морду новыми подковами. Смотри,

Бей до смерти..."

Но в миг единый

Покончил серый Волк тут с глоткою ослиной.

Я смею полагать

Друг другу надо помогать.

П. Порфиоров.

Из Абстемия (прим. к б. 24). Весьма близка к Лафонтеновой по содержанию басня Хемницера "Чужая беда".

160. Паша и Купец
(Le Bassa et le Marchand)
Грек торговал в стране одной.
Купца поддерживал Паша высоким саном,
И отдувался Грек за то своим карманом,
Пашу отдаривал богатою казной.
Да, покровительство - товарец не пустяшный.
Так стоил дорого Купцу пособник важный,
Что коммерсантская взмолилася душа.
Три турка, менее могучих, чем Паша,
Поддержку общую тут предложили Греку:
Просили меньше все втроем,
Чем одному платил он человеку.
Грек выслушал их речь и порешил на том.
Паша про все узнал сторонкой,
Услышал и совет, как надо поступить:
Злодеев провести уловкой тонкой,
Предупредить и отпустить
В Рай, к Магомету с порученьем;
Притом скорей, не то они
Предупредят: "Как много лиц, взгляни,
К тебе давно кипящих мщеньем:
Отрава иль кинжал, глядишь, тебя ушлет
Быть покровителем купцам иного света".
Но поступил Паша, прослушав речь совета,
Совсем как Александр Великий: он идет
В дом Грека; хладнокровный,
Садится там за стол; как прежде, голос ровный
И, как всегда, спокойный вид.
И все убеждены, что их сокрыта тайна.
"Друг, знаю!-тут Паша нежданно говорит.
Бросаешь ты меня, и слышал я случайно,
Про мщение; но все ж
Не верю я, о нет! Ты чересчур хорош,
На отравителя нисколько непохож.
Я больше не скажу ни слова.
А что касается людей,
Толкующих тебе о помощи своей,
То выслушай: болтать не стану я пустого,
Нравоученьями не буду донимать,
Одну лишь басенку хочу я рассказать:
Жил был Пастух, и пас он стадо
С большущим Псом. Спросили раз, к чему
Он держит Пса? Ведь ежедневно надо
Хлеб целый скармливать ему.
Отдать бы старшине безбожного обжору,
А для дозору
Достать бы мог Пастух
Дворняжек двух
Иль трех, которые и меньше б хлеба ели,
И лучше бы его стеречь стада умели.
Хоть ел он за троих, а невдомек того,

Что пасть у Пса была тройная,
Когда он грыз волков, в отважный бой вступая.
Пастух послушался: дворняжки для него
Все три дешевле стоить стали,
Но без оглядки вмиг от волка удирали.
Стада беду свою почуяли тогда ж...
И ты почувствуешь беду, коли отдашь
Себя бездельникам, что в помощь назвались...
Желаешь доброго,-скорей ко мне вернися".
Ему поверил Грек.
Урок для простаков:
Как ни считай, а все вернее
Защита одного царя, да посильнее,
Чем слабых нескольких князьков.
П. Порфиоров.
161. Польза знания.
(L'Avantage de la Science).
Два горожанина поспорили когда-то.
Один знавался с нищетой,
Хотя и был учен; другой
Был неуч, - жил богато.
И неуч думал одержать
Победу в распре шумной:
Он говорил, что уважать
Его обязан каждый умный.
Был просто глуп чудака: за что нам почитать
Того, за кем и не водилось прежде,
Да и теперь не числится заслуг?
Ученый волю дал кичливому невежде:
"Друг,
Болтал мой неуч, увлекаясь,
Себя считаешь ты влиятельным лицом.
Скажи - для всех открыт твой дом?
Что толку - целый век читать, не отрываясь?
Живут ученые в подвалах да углах,
Зимой как летом одеваюсь;
За камердинера - их тени на стенах.
Сознаться, родина немного получает
От тех, что медный тратят грош.
По мне, тот гражданин и дорог, и хорош,
Чья роскошь пышная богатство расточает;
А в этой пышности живем лишь мы! Дойдут
Все те из прихотей, которых знатный просит,
К купцу и к мастеру, и к тем, что платья шьют,
И к той, которая их носит;
Затронут и ученых, вас,
Нам посвящающих подчас
Свои, оплаченные золотом, творенья".
Смолк неуч... Эту речь бесстыдного глумленья
Постиг заслуженный урок:
Ученый не сказал ни слова в заключенье,
И что он тут сказать бы мог?

Но за ученого отмстила
Война:
Разрушена была цветущая страна,
Где наших горожан жизнь мирно проходила.
Покинули они родимый городок...
Куда ни приходил невежда разоренный,
Нигде он выпросить пристанища не мог;
С любовью встречен был повсюду мой ученый.
Так распря их судьбой была разрешена.
Пусть мелют дурни - речь дурацкая смешна:
У знания есть своя цена.
П. Порфиоров.

Заимствована из сборника Абстемия (прим, к б. 24).

162. Юпитер и Перуны
(Jupiter et Tonnerres)
Людские видя заблужденья,
Сказал Юпитер с высоты:
"Создам другое население!
Преступный род, погибнешь ты!
В глубокий ад лети, Меркурий,
И злейшую из лютых Фурий
Сюда немедля приведи.
Пощады более не жди,
О род, не в меру мной любимый!"
Но гнев царя неумолимый
С течением времени остыл.
Цари! по воле высших сил,
Располагаете вы подданных судьбою!
Пусть же и у вас остынет первый пыл:
Пусть между гневом и грозой,
Последствием его, хоть ночь одна пройдет!
Меж тем Меркурий, чей полет
Чудесно скор, а речь - как мед,
Спустился в Ад к зловещим сестрам.
Руководимый взором острым,
Он предпочтенье отдает
Алекто грозной - пред Мегерой
И Тизифоной. В свой черед,
Довольная такую мерой,
Клянется та весь род людской
Послать к Плутону на покой,
В пределы мрачного аида.
Грозила тщетно Эвменида:
Царь передумал, - и назад
Он Фурию отправил в ад.
Но все же, более для вида,
На землю он Перуны шлет:
Отец, который сына бьет,
Старается ударить мимо...
И молния сожгла одну
Незаселенную страну.
С тех пор гордись невыразимо,

Зазнались люди без стыда.
Олимп разгневался тогда;
Богов верховный повелитель,
Юпитер сам, Тучегонитель,
Поклялся Стиксом наконец,
Что он пошлет на землю грозы.
Не веруя в его угрозы,
Смеялись боги. Он - отец,
Душе которого знакомы
Любовь и жалость. Пусть же сам
Дозволит он другим богам
Вернейшие измыслить громы.
Немедля выковал Вулкан
Двойной с Перунами колчан:
И те, которые летели,
Не уклоняясь, прямо к цели
Их олимпийцев шлет синклит;
Другие, чей удар грозит
Высоким лишь вершинам горным,
В пути своем по временам
Совсем теряются бесследно.
Для нас угроза их - безвредна:
Лишь эти шлет Юпитер сам.
О. Чюмина.

Идею этой басни Лафонтен, по мнению комментаторов, взял у Сенеки, из его "Естественных вопросов". Сенека рассказывает, что, по воззрениям этрусков, есть три рода громов, "бросаемых Юпитером". Первый, который он бросает не советуясь ни с кем, безвреден; два других, напротив, которые он бросает вопреки совету с богами Олимпа, ужасны и опустошительны.

163. Сокол и Каплун
(Le Faucon et Le Charon)
Как сладок голосок предателя порою!
Не доверяйтесь вы ему:
Тот, право, не дурак, кто опытной душою
Не верит ничему.
Раз Маннский гражданин Каплун был приглашаем
Перед хозяйские пенаты в суд предстать:
Суд этот попросту мы печкой называем.
Все слуги, чтоб домой ответчика загнать,
Лукаво зазывая,
Кричали: "Цып, цып, цып..." Но, быстро удирая,
Наш малый не дурак не верил им ничуть.
"Эй, слуги!-молвил он, смеясь.-Груба чрезмерно
Приманка ваша; вам меня-то не надуть
Наверно".
Сокол и Каплун
Питают каплуны к нам веры очень мало,
Инстинкт ли, практика ль им это подсказала:
Беглец, кого с таким трудом
Ловили, был назавтра нужен
На ужин,
К жаркому за столом;

Без этой почести вся живность
Жила бы, думаю, гораздо веселей.
Вот Сокол, на жердях сидевши, увидал,
Как молодец наш удирал...
И крикнул Каплуну: "Поверь, твоя наивность
И глупость пресмешны... Не вежи вы, ей-ей...
Вот я: с хозяином охотиться умею,
И вновь к нему спешу с добычею своею.
В окне он, видишь ты? Он ждет тебя... Скорей!
Да ты оглох никак?"
"Нет, все я слышу: говор
И зов... да что, скажи, что надобно ему?
А этот дядя повар
С ножом страшилищем гоняется к чему?
Ты сам на этот зов хотел бы возвратиться?
Нет, я уж побегу... Так перестань глумиться
Над непокорностью, внушившей мне бежать,
Хоть слышу за собой зов сладкий и певучий...
Ах, если б довелся тебе подобный случай,
Так много соколов на вертеле видать,
Как много каплунов я вижу ежедневно,
Ты б не бранил меня столь гневно".

П. Порфи́ров.

Из Бидпая и Локмана (прим. к б. 140 и к б. 19). На русский язык басня отдаленно переведена Жуковским ("Каплун и Сокол").

164. Кошка и Мышь

(Le Chat et le Rat)

Когда-то Кошка-баловница,
Печальница-Сова, грызунья-Мышь
Да кумушка-Куница,
Народ враждебный все, любя лесную тишь,
Привыкли навещать дупло склоненной
Сосны, затерянной в глуши.
Однажды, как они сошлись в замороженной
Тиши,
Там человек раскинул сети.
Выходит Кошка на рассвете
Охотиться. Сквозь дремь толпящихся теней
Тенет не видно ей,
И в западню она попала.
Тут Кошка ну кричать, - и Мышка прибежала.
Одна - в отчаяньи, другая - весела:
Ее смертельный враг отныне враг бессильный.
Рыдая, Кошка начала:
"Твой нрав умильный,
Твоя сердечность, милый друг,
Давно, давно гремят вокруг.
Взгляни: неопытность меня теперь сгубила...
Ах, выручи меня из смертной западни!
Тебя, одну тебя из всей твоей родни
Я беззаветно так любила!
Как, благодарная, я славилась богов,

И нынче вышла я им вознести моления,
За доброту твою всевышним приношенье;
Но сеть опутала. В тебе - мое спасенье,
Перегрызи узлы сетей..."
"А что ты дашь мне?"-Мышь спросила.
"Клянуся! - та проговорила.
Клянусь быть вечною союзницей твоей,
Кошка и Мышь
Располагай, как хочешь, мною!
От всех твоих врагов я помогу и всем:
Куницу съем
И схимницу-Сову: они всегда с тобою
Враждуют..." Мышь в ответ:
"Тебя освободить?! Не так глупа я, нет!..."
И к норке Мышь уходит.
Глядит, Куница у дупла,
Мышь - выше по сосне, и здесь Сову находит:
Со всех сторон беда пришла!
Грызунья к Кошке воротилась,
И над сетями так трудилась,
Что удалось, в конце концов,
Ей Кошку вырвать из оков.
Тут Ловчий в лес вошел. В единое мгновенье
Союзники-друзья скорей дерка! Потом
Однажды Кошка в отдаленьи
Заметила, что Мышь держалась, как с врагом,
С союзницей своей. "Сестрица!-в умиленьи
Ей Кошка говорит. - Приди на грудь мою,
И знай, мне это опасенье
Обидно; на меня, союзницу свою,
Ты как на злейшего врага теперь зрираешь.
Иль думаешь, что я обет забыла свой,
Спасенная тобой?"
"А я, ты полагаешь,
Тут Мышка, ей в ответ, - забыла норов твой?"
Какой союз ни будет,
Он ведь к признательности Кошку не понудит.
Возможно ль ввериться союзу, если он
По принуждению заключен?

І. Порфиоров.

Из Бидпая и Локмана, как и предыдущая басня. На русский язык отдаленно переведена Жуковским ("Кот и Мышь").

165. Водопад и Река

(Le Torrent et la Riviere)

С ужасным шумом низвергался
Ручей кристальною стеной
С горы высокой и крутой,
О камни с пеной раздроблялся,
Кипел, крутил песок, ревел
И в берегах стрелой летел;
Ни птица, ниже зверь, к нему не приближались,
И ноги смертного в него не опускались.

Нашелся наконец
Один отважный молодец,
Который на коне через него пустился:
Он от разбойников бежал,
И смелым от боязни стал.
До бедр конь только замочился,
И вынес на берег противный седока.
Разбойники за ним. Он лошадь погоняет;
Скакал, скакал и видит, что река
Ему дорогу пресекает.
Река была не широка,
Притом весьма тиха, как зеркало гладка:
Итак, он смело въехал в воду.
Но что ж? в мгновение одно
Пошел с конем на дно,
И на съедение немых достался роду.
Иной угрюм, суров, сердит,
Шумит, но только не вредит;
Другой так смирен, тих и на речах прекрасен,
Но он-то и опасен.
Измайлов.

Займована из сборника Абстемия (прим. к б. 24). Кроме Измайлова, басня переведена на русский язык Сумароковым ("Река и Лужа").

166. Воспитание
(L'Education)

Ба?аин и Цезарь, два родные брата,
Происходившие от знаменитых псов,
Двум разным господам достались когда-то.
Один охотился среди густых лесов,
На кухне брат его нашел себе жилище.
Благодаря различной пище,
Те качества, которыми равно
Их наделила мать-природа,
В одном все крепили год от года,
В другом же было им заглохнуть суждено:
Здесь не было на свойства эти спроса.
Мальчишка дал ему прозвание Барбоса,
Меж тем как первому из братьев удалось
Стать Цезарем среди собачьего народа.
Был не один кабан и лось
Затравлен им. Высокая порода
Оберегалась в нем, и строго потому
Неравный брак был возбранен ему:
Лишь чистокровное он произвел потомство.
Зато, отсутствию забот благодаря,
Сводил Барбос случайные знакомства,
Своею нежностью, кого пришлось, даря,
И населил своим плебейским родом
Он всю страну. Вертельщиков-собак
Он предком был: они, как знает всяк,
Для цезарей прямым служили антиподом.
Не всякий сын в отца. Отсутствие забот,

Привычка к грубому простому обхождению
Все неизбежно к вырождению
С течением времени ведет.
Культура и уход не праздные вопросы,
И где заброшены природные дары,
Там с незапамятной поры
Из многих Цезарей выходят лишь Барбосы.

О. Чюмина.

Идея басни заимствована у Плутарха из его сочинения "Как нужно воспитывать детей".

167. Собаки и ослиная туша

(Les deux Chiens et l'Ane mort)

Собака каждому, конечно, уж знакома,
Как добрый друг людей, как верный сторож дома;

А я скажу вам, что она

Жадна до крайности и очень не умна.

Вот вам пример: два пса однажды увидали,

Что волны по морю ослину тушу гнали.

"Кум, - говорит один, изволь-ка посмотреть:

Добыча, право ведь, на диво!"

А кум ему в ответ: "Отменная нажива!

Но как нам ею завладеть?

Туда добраться - дело небольшое,

А вот назад..." - "Все брешешь ты пустое!

Авторитетно первый перебил.

К чему нам тратить столько сил,

Когда достать ее мы можем проще вдвое:

От моря стоит нам настолько лишь отпить,

Чтоб дно под тушей осушить,

И через час мы будем уж у цели;

А там пируй хоть две недели!"

Проект, как видите, во всем хорош и прост,

В успехе ж тени нет сомненья,

Собаки и ослиная туша

И остроумный пес, задравши кверху хвост,

Немедленно взялся за исполнение,

За ним и кум, - и ну вдвоем

Давай что мочи есть стараться:

Торопятся, сопят, дохнуть и то боятся;

И кончили разумники на том,

Что уровня воды понизить не сумели,

А с перепоею оба тут же околели.

Так точно создан человек:

Чуть что-нибудь вдали его приманит,

О сбыточности он и рассуждать не станет,

И зачастую весь свой век,

Недостижимого достичь стараясь силой,

Кончает преждевременной могилой.

Да, чтоб во всем послушным быть мечтам,

Нам мало обладать двумя руками!

Займемся же такими лишь делами,

Которые посильны нам.

Г т

Из Эзопа и Локмана (прим, к б. 140 и б. 19).

168. Демокрит и Абдеритяне
(Democrite et les Abderitaines)

Бессмысленную чернь я презирал всегда.

Какою мелкою, пустой, несправедливой

Она мне кажется тогда,

Когда все меряет своею маркой лживой

И судит по себе достоинства в другом.

Все это Демокрит познал во дни былые:

Безумцем ведь его сочли умы пустые.

Презренная толпа! Да, впрочем, странно ль то?

В отечестве своем ведь не пророк никто.

Глупцы все эти люди были,

А Демокрит - мудрец из мудрецов.

И что же, наконец? Безумцы снарядили

Гонцов,

Чтоб Гиппократу те к больному пригласили

Его рассудок исцелить.

В слезах и голосом убитым

Гонцы так стали говорить:

"Безумье властвует отныне Демокритом!

Да, чтение с ума свело его, поверь,

И что ж? не более мы чтим его теперь.

Число миров, толкует, бесконечно,

И, может быть, они полны

Бесчисленных существ, подобных мне. Так вечно

Он бредит, и еще другие видит сны:

Каких-то атомов сюда же приплывает,

Невидимых фантомов, он

И с места не сходя мечтает

Измерить небосклон,

Вселенную познать, себя не сознавая...

Он прежде хоть с людьми беседовать умел,

Теперь толкует он с собой лишь. Возрастая,

Безумье перешло предел!

Приди, божественный из смертных!.."

Этой речи

Не верил Гиппократ, но все ж пустился в путь.

Подчас какие в жизни встречи

Устраивает рок! Он пожелал столкнуть

Друг с другом мудрецов неожиданно.

В тот миг, как Демокрит трудился неустанно

Над самой важною из всех своих идей:

Где у животных и людей,

В сердцах или в мозгу, таится ум?

Философ

Сидел под деревом тенистым, над ручьем,

О мышленьи томясь тревогою вопросов;

Лежала грудка книг кругом,

И, погружаясь, как и всегда, в их чтение,

Он не заметил друга приближенья.

Конечно, краток был привет друзей моих:

Не тратят мудрецы часов в речах пустых.
Про разум и людей друзья потолковали
И перешли к морали...
Мне не к чему писать о речи той,
Что мудрецы вели между собой:
Довольно, кажется, рассказанного мной,
Чтоб видеть, что народ-судья, увы, негодный!
Тогда какая ж правда есть
В словах, что мне пришлось прочесть,
Где Божиим зовется глас народный?
I. Порфиоров.

Сюжет басни есть анекдот, рассказанный в іаііі из писем Гиппократу, достоверность которого (письма) подвергается, впрочем, сомнению. Абдеры, родина Демокрита, небольшой фракийский городок, жители которого славились туповатостью. Как известно, Демокриту приписывается учение об атомистическом строении мира.

169. Волк и Охотник
(Le Loup et le Chasseur)
Страсть к накоплению сокровищ,
Ты - худшее из всех чудовищ!
Глядишь, как на ничто, на милости богов!
Ужели тщетно силой слов
Сражался я с тобой неутомимо?
Ужели, глух к словам моим неумолимо,
Как ранее к речам мудрейшего, во век
Себе не скажет человек:
"Довольно! Я хочу изведать наслажденье!",
Тебе осталось жить недолго. Поспеши,
Даю тебе совет подобный от души;
Он стоит целого, поверь, произведенья.
"Я жить начну".-Когда?-"Вот с завтрашнего
дня".
Нет, Друг, послушайся меня,
Смерть может захватить тебя на полдороге,
Начни сегодня же; иначе могут боги
Тебе конец послать в единый миг,
Какой Охотника и Волка здесь постиг.
Охотник, натянув у лука тетиву,
Оленя положил стрелою на траву
С убитою им раньше ланью.
Подобною довольствоваться данью
Конечно бы Охотник каждый мог;
Но вепря видит наш стрелок
И, жадный до подобной дичи,
Он не откажется от лакомой добычи:
Желает вепря он на месте положить.
Хоть парки ножницы перерезают нить
С большим усилием, стрелою пораженный,
Однако, падает кабан изнеможенный.
Волк и Охотник
Довольно жертв? Но что же утолит
Завоевателя громадный аппетит?
При виде жалкой куропатки,

Он вновь натягивает лук.
Тогда кабан, в себя пришедший вдруг,
Кидается к нему, собравши сил остатки,
И, растерзав того, кем был он поражен,
На трупе у врага, упившись мезью сладкой,
Благословляем куропаткой,
Сам издыхает, отомщен.
Начало басни к людям жадным
Вполне относится; что до ее конца,
То он касается скупца.
Волк мимо проходил, и видом безотрадным
Был восхищен. Судьбу благодаря:
"Фортуна, ты вполне достойна алтаря!
Воскликнул он. - Четыре целых трупа!
Но их беречь должно; набрасываться - глупо;
Когда еще найдешь подобный же запас!
(Не все ль скупцы так молвят и у нас?)
Одно, два, три, четыре тела!
На столько же недель, на месяц хватит смело.
Примусь за них дня через два.
Но из кишки вот эта тетива,
И ею закусить могу я несомненно!.."
За лук берется Волк зубами, но мгновенно
Стрела взвилась, - она летит в него,
Пронзая внутренность его.
За вывод мой стою я неизменно,
Те два глупца-живой пример тому;
Их той же участи постигла беспощадность:
И скупость принесла погибель одному,
Другого же сгубила жадность.
О. Чюмина.
Займствована из Бидпая и Локмана (прим. к б. 140).
170. Нечестный Сберегатель
(Le Depositaire infidele)
Животных мир и нравы
Я в баснях воспевал;
Иной сюжет бы дал,
Быть может, меньше славы.
Волк говорит, как бог,
В моих произведеньях;
Везде, где я лишь мог,
Во всяких положеньях,
Животные, в стихах,
Людей изображали,
И умных в дураках
Нередко оставляли.
Я выводил на сцену
Одних другим на смену:
Обманщиков, льстецов,
Мошенников, тиранов,
Разумников, болванов,
И мог бы тьму лжецов

Без всякого стеснения
Прибавить в дополнение:
Из нас ведь всякий лжец,
Как говорит мудрец.
Решил он осторожно
Про люд один простой;
Иначе б невозможно
Терпеть порок такой.
И я бы в возмущеньи
Всегда протестовал,
Нечестный Сберегатель
Когда б мне кто сказал,
Что лгут без исключенья
Все люди. Ложь и ложь
Не все одно и то ж.
Великими лгунами
Эзоп был и Гомер,
Но вряд ли между нами
Найдется лицемер,
Который смел назвать бы
Лжецами мудрецов!
Нам правды не познать бы
Без этаких лжецов.
Все в них: очарованье,
Восторги красоты,
И сладкое мечтанье,
И прелесть простоты.
Бессмертны их созданья;
И, как они, зато,
При всем своем желаньи,
Не лгал еще никто.
Но лгать без размышленья,
Молоть нелепый вздор,
Как Сберегатель вор,
Не надобно уменя.
Вот дело в чем. Торговлей занимаясь
И в путь по Делу отправляясь,
Один купец соседу своему
Железо отдал на хранение.
Срок миновал, и вот к нему
Купец пришел по возвращеньи.
"Мое железо?"- он сказал.
- Железо, - отвечал сосед, - пропало!
Я, признаюсь вам, оплошал,
И крыса все его сожрала.
Я разбранил своих людей,
Но что поделаешь? Осталось
На чердаке пять-шесть щелей,
И крыса через них пробралась...
Купец немало удивился
Вранью соседа своего,
Но тотчас ловко притворился,

Что верит он словам его.
Спустя немного дней он ловко похищает
Ребенка у соседа и потом
К себе соседа в дом
Отужинать радушно приглашает.
- Увольте, - говорит расстроенный отец,
- Не до веселья мне. Внезапное несчастье
Обрушил на меня Творец;
Примите вы во мне участие!
Я сына своего без меры обожал,
И вот вчера его украли!
Предела нет моей печали...
- Вчера я вечером видал,
Как сына вашего когтями подхватила
Сова огромная и быстро утащила
В развалины, - купец ему сказал.
- Хотите вы, чтоб я поверил в чудо!
Ребенок весит мой два пуда....
Какая же сова с ним совладает?
Он сам скорей сову поймает.
- Не знаю как, - соседу возразил
Купец, - но видел я глазами;
И не пойму, чем поразил
Я вас! какими чудесами?
Прошу вас, объясните мне,
Что странного, что в той стране,
Где крыса у меня железо съела,
Сова с ребенком улетела?
Тогда сосед тотчас же догадался,
К чему тот речь клонил, и в воровстве сознался,
Купцу железо возвратил,
И сына своего обратно получил.
Между двумя туристами подобный
Случился спор. Один из них был враль,
Из тех вралей, которым что угодно
Сейчас же выдумать составит труд едва ль;
Мой враль мог послужить другим врялям примером.
-Я видел,-он сказал,-кочан капусты с дом.
-А я,- сказал другой,-горшок с собор
размером!
Смеяться первый стал. - Посмейтесь потом!
Такой горшок пришлось соорудить,
Чтоб ваш кочан сварить!..
С горшком ответ смешон; с железом похитрее.
Когда заврется враль, стараться уличить
Его во лжи - бесцельно, и умнее
В ответ тотчас же сочинить
Вранье еще сильнее.
А. Зарин.

Содержание самой басни (без предисловия) заимствовано из сборников Бидпая и Локмана (прим. к б. 140 и к б. 19). Рассказ о купце и его паииа переведен на русский язык Измайловым ("Обман за обман"), а рассказ о лжецах, в конце, конечно, дал идею басням

Крылова ("Лжец"), Хемницера ("Лжец"), Сумарокова ("Хвастун" и "Господин Лжец").

171. Два Голубя

(Les deux Pigeons)

Два Голубя как два родные брата жили,
Друг без друга они не ели и не пили;
Где видишь одного, другой уж, верно, там;
И радость и печаль, всё было пополам.

Два Голубя

Не видели они, как время пролетало;
Бывало грустно им, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда б хотеть
Или от милой, иль от друга?
Нет, вздумал странствовать один из них - лететь
Увидеть, осмотреть
Диковинки земного круга,
Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой.
"Куда ты?-говорит сквозь слез ему другой
Что пользы по свету таскаться?
Иль с другом хочешь ты расстаться?
Бессовестный! когда меня тебе не жаль,
Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны,
И все, чем странствия опасны!
Хоть подожди весны лететь в такую даль:
Уж я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и корм и скуден так, и мал;
Да, чу! и ворон прокричал:
Ведь это, верно, к худу.
Останься дома, милый мой,
Ну, нам ведь весело с тобой!
Куда ж еще тебе лететь, не разумею;
А я так без тебя совсем осиротею.
Силки, да коршуны, да громы только мне
Казаться будут и во сне;
Всё стану над тобой бояться я несчастья:
Чуть тучка лишь над головой,
Я буду говорить: ах! где-то братец мой?
Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!"
Растрогала речь эта Голубка;
Жаль братца, да лететь охота велика:
Она и рассуждать и чувствовать мешает.
-Не плачь, мой милый,-так он друга утешает,
Я на три дня с тобой, не больше, разлучусь.
Все наскоро в пути замечу на полете,
И, осмотрев, что есть диковинней на свете,
Под крылышко к дружку назад я ворочусь.
Тогда-то будет нам о чем повесть словечко!
Я вспомню каждый час и каждое местечко;
Все расскажу: дела ль, обычай ли какой,
Иль где какое видел диво.
Ты, слушая меня, представишь все так живо,
Как будто б сам летал ты по свету со мной.
Тут - делать нечего - друзья поцеловались,

Простились и расстались.
Вот странник наш летит; вдруг встречу дождь
и гром;
Под ним, как океан, синее степь кругом.
Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза попался:
Кой-как угнезвился, прижался
К нему наш Голубок;
Но ни от ветру он укрыться тут не мог,
Ни от дождя спастись: весь вымок и продрог.
Утих помалу гром. Чуть солнце просияло,
Желанье позывать бедняжку далек стало.
Встряхнулся и летит, -летит и видит он:
В заглушьи под леском рассыпана пшеничка.
Спустился - в сети тут попала наша птичка!
Беды со всех сторон!
Трепещется он, рвется, бьется;
По счастью, сеть стара: кой-как ее прорвал,
Лишь ножку вывихнул, да крылышко помял!
Но не до них: он прочь без памяти несется.
Вот пуше той беды, беда над головой!
Отколь ни взялся ястреб злой;
Незвидел света Голубь мой!
От ястреба из сил последних машет.
Ах, силы вкортке! совсем истощены!
Уж когти хищные над ним распушены;
Уж холодом в него с широких крыльев пашет.
Тогда орел, с небес направля свой полет,
Ударил в ястреба всей силой
И хищник хищнику достался на обед.
Меж тем наш Голубь милый,
Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнем.
Но тем еще не кончилось на нем:
Одна беда всегда другую накликает.
Ребенок, черепком наметя в Голубка,
Сей возраст жалости не знает,
Швырнул - и раскроил висок у бедняка.
Тогда-то странник наш, с разбитой головою,
С попорченным крылом, с повихнутой ногою,
Клянтя охоту видеть свет,
Поплелся кое-как домой без новых бед.
Счастлив еще: его там дружба ожидает!
К отраде он своей,
Услуги, лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро все беды и горе забывает.
О вы, которые объехать свет вокруг
Желанием горите!
Вы эту басенку прочтите,
И в дальний путь такой пускайтесь не вдруг.
Что б ни сулило вам воображенье ваше;
Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая иль где живет ваш друг.
И. Крылов.

Заимствовано из Бидпая и Локмана (см. предыдущее примечание). На русский язык, кроме Крылова, басню переводили Сумароков ("Голубь и Голубка"), Дмитриев и Хвостов.

172. Обезьяна и Леопард

(Le Singe et le Leopard)

Раз с Обезьяной Леопард

На ярмарке деньжонки добывали,

Всяк выхвалял себя и приходил в азарт.

Так Леопард твердил: - Вы, господа, слышали,

Обезьяна и Леопард

Что обо мне гремит повсюду шум похвал;

Да сам король меня увидеть пожелал,

И муфту он сошьет из этой шкуры, верьте,

Лишь только о моей ему доложат смерти,

Из этой шкуры, вот... Взгляните, господа:

Она пестра, узорна, полосата,

Разнообразием богата.

И все на пестроту к нему смотреть сошлись;

Потом наскучило, потом все разбрелись.

А Обезьяна так звала: - Пожалуйста сюда,

Здесь - бездна фокусов, честные господа.

Достоинства свои сосед мой превозносит,

Но их он на себе лишь носит,

Я ж в голове ношу. Служить готова вам:

Жильетта, родственница папской обезьяны,

Приплывшая недавно в эти страны

На трех судах, вот к этим берегам,

Чтоб побеседовать здесь с вами; превосходно

Ее все могут понимать.

Она кувыркается, любит танцевать,

Все знает фокусы, свободно

Умеет в обручи скакать.

Здесь за один пятак дадим мы представленье...

Нет, господа, за грош; не нравятся кому,

Мы деньги возвратим тому...

Была она права. Нам любо, без сомненья,

Разнообразие не платья, а ума:

В уме - вещей прекрасных тьма,

А пестрота одежд вмиг утомляет зренье.

Как много важных лиц у нас,

Что с Леопардом схожи;

Взамен талантов всех, лишь носят те вельможи

Одежду пеструю подчас...

П. Порфиоров.

Заимствована у Эзопа.

173. Желудь и Тыква

(Le Gland et la Citrooille)

Не нам Творца критиковать!

И никогда во всей вселенной

Былинки нам не отыскать

Несовершенной.

Попав однажды в огород,

Философ, Тыкву созерцая,

Так рассуждал: "Какой огромный плод!
А стебель что соломинка простая!
Нет, не на месте он растет.
По мне, уж коль творить, так и твори толково,
И Зевс бы во сто крат разумней поступил,
Когда б теперь мое послушал слово,
И Тыкву бы на дубе поместил,
А Желудь маленький пусть рос бы здесь на грядке.
О, мир бы был совсем в ином порядке,
Когда б я вовремя попал в совет богов!
Не стану даром тратить слов,
Но повторю: уверовал я шибко,
Что здесь содеяна огромная ошибка,
И что сам Зевс порой бывает глуп".
Так говоря, улегся он под дуб,
И стал вокруг смотреть самодовольно.
Вдруг Желудь с высоты на критика упал
И по лбу щелк его пребольно,
Да так, что бедный застонал
И тотчас же вскричал невольно:
"Теперь я, Зевс, тебя постиг:
Да, ты в делах своих велик!
О! что б с моей свершилось головою,
Когда б висела тыква надо мною?!.."
А-т.

Займствована из "Творений и фантазий" Табарена (прим. к б. 154).

Желудь и Тыква

174. Школьник, Наставник и Хозяин
сада

(L'Écolier, le Pedant et le Maître d'un jardin)

Какой-то Школьник-шалунишка,
Великий плут, по глупости своей
Да по вине учителей,
Педантов, портящих ребяческий умишко,
Крал у хозяина-соседа, говорят,
Цветочки и плоды. Соседа иудие сад
Щедрей был одарен Помоной благосклонной,
Чем все окрестные сады.
И осень, и весна свои несет плоды.
Здесь наслаждался он и Флорой благовонной,
Весной, среди ее щедрот...
В один прекрасный день хозяин застаёт
Воришку: взгромоздясь на яблонь, меж ветвями
Сидел он, дерзкими руками
Плоды незрелые безжалостно срывал,
Надежду чудную, предвестье урожая;
И даже ветки он ломал, перелезая.
Хозяин сада рассержён,
Учителю пожаловался он.
Тот поспешил прийти сюда с учениками,
И наводнился сад детьми-баловниками
Похуже первого. Зачем вести ребят?

Конечно, в том учитель виноват,
Он все испортил дело.
Он долго говорил, и речь тот смысл имела,
Что надо шалуна построже наказать:
Повадки нечего давать;
Тут, с видом знатока, Виргилия творенья
И Цицерона он пустился вспоминать.
Так долго длилось поученье,
Что шалуны
Сад привели в опустошенье.
Мне красноречия цветы всегда смешны,
Когда не вовремя без меры длится слово.
Конечно, гадки шалуны,
Хоть думаю, сносней учителя такого.
Но и про лучшего из них
Одно лишь я скажу: подальше б от таких
П. Порфилов.

Басня эта по своему смыслу имеет сходство с басней "Ученик и Учитель" (б. 19). Осмеяние педантизма во времена Лафонтена не было исключительным явлением. Рабле писал про педантов: "Их знание-не более как глупость, их мудрость-путы, портящие добрые и благородные умы и отравляющие молодость".

175. Ваятель и статуя Юпитера
(Le Stuaire et la Statue de Jupiter)
Чудесный мрамор приобрел
Один скульптор для изваянья.
"Создам ли бога я, иль стол,
Или сосуд для умыванья,
Он будет богом! Пусть в руках
Перуны держит повелитель!
Падите, смертные, во прах,
Вот над вселенною властитель!"
Так дивно образ божества
Рука скульптора изваяла,
Что лишь речей недоставало
Ему, по мненью большинства.
И, говорят, едва Ваятель
Окончил труд великий свой,
Перед пизааниаи - создатель
Склонился первый же главой.
С художником подвержен вместе
Такой же слабости поэт:
Страшится гнева он и мести
Богов - им вызванных на свет!
Не таковы ль бывают дети
В невинных слабостях своих,
Всего сильнее страшась на свете
Гнев пробудить у куклы их?
За сердцем ум идет свободно:
И так в былые времена
Распространилась всенародно
Везде язычества волна.
Лелеют все свою химеру

С глубокой нежностью отца,
Пигмалион любил Венеру
Создание его резца.
Мы все, насколько нам по силам,
Даруем жизнь мечте своей;
Мы любим ложь с безумным пылом,
А к правде - льда мы холодней.
О. Чюмина.
176. Мышь, превращенная в девушку
(La Souris metamorphosee en Fille)
Мышь выпала из клюва у совы,
И я спасти ее не видел бы причины;
Брамин же спас ее. В воззрениях таковы
Все милосердные брамины,
И все не выбьется у них из головы,
Что с наступлением кончины
И в насекомых, и в зверей
Переселяется порою дух царей.
И в этом состоит буддийского ученья,
Чьи тайны Пифагор когда-то изучал,
Одно из основных начал.
В виду такого заключенья,
Брамин наш просит колдуна:
Дух Мыши молодой вселить в такое тело,
Где ранее жила она.
И в деву юную она превращена
Столь дивной прелести, что сын Приама смело
Из-за нее решился бы на дело
Труднейшее, чем из-за той,
Которая весь мир пленяла красотой.
Брамин был поражен, и молвил он: "Свободна
Супругом ты избрать, кого тебе угодно.
Все будут счастливы тебя в супруги взять".
- Я выберу того, кто всех сильнее в мире!
Брамин простерся ниц. "Сияешь ты в эфире,
О Солнце, ты мне будешь зять!
Всех во вселенной ты могучей!"
- Нет,- молвило оно, - я затмеваюсь тучей,
Скрывающей мои черты.
И Туче тот сказал, к ней руки простирая:
"Для дочери моей назначена ли ты?"
-Нет,-молвила она,-по воле в край из края
Гонима Ветром я: меня сильней Борей,
И прав его нарушить я не смею.
Брамин воскликнул тут: "Лети сюда скорей
И с дочерью соединишь мою,
О Ветер, к ней в объятия лети!"
И Ветер поспешил, но вскоре был Горою,
Сильнейшею, чем он, задержан на пути.
Гора же молвила: - Я истины не скрою,
Боюсь, чтоб с крысою повздорить не пришлось:
Она меня изроет всю насквозь.

При слове "Крыса!" тотчас ушки
У юной девы на макушке:
"Вот он ес??а??ее! Вот супруг!"
Всегда любовь нас поражает вдруг,
Ее обычная манера.
(Такую-то с таким-то для примера
Я мог бы здесь назвать, но лучше промолчу).
Я этой баснею лишь доказать хочу,
Что в нас всего сильнее происхождение.
Софизма доля есть в подобном рассуждении,
И в этом смысле для нее
Любой скорей годился бы в мужья,
Чем Солнце светлое. Приравнивать не стану
По силе я Блоху к Титану,
Но может быть Блохой укушен и Титан.
И раз исход подобный дан
То в силу довода такого,
Могла б красавица передаваться та
Коту от Крысы, от Кота
Собаке, Волку, всем, - пока черед бы снова
До Солнца не дошел, и прелестью ее
Не насладилось бы блестящее светило.
Переселенье душ мечтой считаю я,
И то, что свершено Брамина другом было,
Доказывает мне, как ошибался он.
Ту мысль возводит он в закон,
Что червь и человек - в одном берут начало,
Что одного они закала;
Лишь организму своему
И личным свойствам сообразно,
Они живут и поступают разно:
Кому - возвыситься назначено, кому
Во прахе вечно пресмыкаться.
Но если так, могло ли стать,
Чтоб дева юная, прекрасна и мила,
Дрянную Крысу - Солнцу предпочла?
Все обсудив и взвесив тоже,
Я к выводу пришел, что души непохожи
Красавиц и мышей нисколько меж собой.
Но спорить стали бы напрасно мы с судьбой:
Тому, что суждено, исполниться над нами
Не помешает черт со всеми колдунами.
О. Чюмина.

Займствована у Бидпая и Локмана (прим. к б. 19 и к б. 140). По своему содержанию басня имеет много общего с Эзоповой басней "Кошка, превращенная в женщину" (40).

177. Безумный продавец мудрости
(Le Fou qui vend la Sagesse)
Подальше будь от дураков.
Не в силах лучшего я дать тебе совета;
Мудрей нет правила, чем это:
Старайся избегать помешанных голов.
Мы часто видим их в среде придворной:

Пусть принц потешится,-порой, в беседе вздорной,
Они расскажут как-никак
Лукавое, дурашное, смешное...
По стогнам города однажды шел Дурак.
Все население городское
Он привлекал, крича, что мудрость продает.
И мудрость покупать доверчивый народ
Отвсюду мчится, что есть духу.
Сначала покупатель гримасы замечал,
Потом за собственные деньги получал
Прекраснейшую плюху
Да нить в две сажени длиной.
Когда сердился кто, глумились без умолку;
Уж лучше смейся сам с толпой,
Иль убирайся втихомолку
С своею плюхою да с ниткой домой.
Тут каждый покупатель, кто в дураках остался,
О случае таком догадками занялся.
Не объяснение ли всего,
Всей сцены происшедшей,
Что человек тот - сумасшедший,
И случай властвует больным умом его?
Но, ниткой с плюхою взбешенный, чуть не плача,
Один чудака явился к мудрецу.
"Да тут совсем проста задача!"
Не долго думая, сказал мудрец глупцу:
"Кто для себя добра желает,
Тот от безумцев должен быть
На расстоянии таком, как эта нить,
А то подобную же ласку получить
Ему ничто не помешает.
О нет, не обманул совсем безумец тот,
И впрямь он мудрость продает!"
П. Порфиоров
Из сборника Абстемия (прим. к б. 24).
178. Устрица и две Прохожих
(L'Huitre et les Plaideurs)
Шли два Прохожие по берегу морскому,
И видят: Устрица большая на песке
Лежит от них невдалеке.
"Смотри, вон Устрица!"-сказал один другому;
А тот нагнулся уж и руку протянул.
Товарищ тут его толкнул,
И говорит: "Пожалуй, не трудися,
Я подыму и сам: ведь Устрица моя".
- Да, как бы не твоя!
-Я указал тебе... - Что ты! перекрестися!
-Конечно, первый я увидел... - Вот те раз!
И у меня остер, брат, глаз.
-Пусть видел ты, а я так даже слышал носом.
Еще у них продлился б спор,
Когда б не подоспел судья к ним Миротвор!

Он начал с важностью по форме суд вопросом,
Взял Устрицу, открыл
И-проглотил.

"Ну, слушайте,-сказал,-теперь определение:
По раковине вам дается во владенье;
Ступайте с миром по домам".
Все тяжбы выгодны лишь стряпчим да поауі.
Измайлов.

Содержание басни есть у Буало.

179. Волк и тощая Собака

(Le Loup et le Chien maigre)

Хоть был красноречив и говорил немало
Карпенюк маленькой, а все-таки его
Сковорода не миновала.

И я доказывал тогда, что ничего
Глупей не может быть, как упустить добычу
В надежде, что ее я этим увеличу.

Рыбак тогда был прав, но и Карпенюк тоже:
Ведь жизнь ему была всего дороже.
Теперь хочу еще я случай рассказать,

Чтобы ясней все то же доказать.

В таком же случае, какой был с Рыбаком,
Волк оказался дураком.

Голодный, рыская, он раз Собаку встретил
И тотчас же ее добычею наметил.

На удобу свою Пес Волку указал

И так сказал:

"Ох, не берите, ваша честь,
Меня теперь! В каком я теле?

Во мне ведь нечего и есть.

Пождите несколько: хозяин на неделе
Дочь замуж выдает, единственную дочь,
И будет пир у нас всю ночь.

Я буду на пиру и стану в ночь жирнее,
И ваша честь тогда найдет меня вкуснее!"

Волк отпустил ее. Прошло немного дней,
И сдуру он идет за ней.

Собака хитрая была уж за забором,
И говорит ему: "Немного подожди,
Мой друг, и я сейчас твоим предстану взорам,
Лишь сторожа возьму с собою по пути!"

А сторож был огромный пес дворовый,
Волков душивший, как цыплят.

Волк тотчас же смекнул.-Желаю быть здоровым!

Сказал поспешно он и бросился назад,
Скорее наутек. Он прыток был и ловок,
Но не постиг еще всех в ремесле сноровок.

А. Зарин.

Займована у Эзопа. На русский язык басня переведена Сумароковым ("Волк и Собака").

180. Ничего лишнего!

(Rien de trop)

Не знаю я ни одного создання,
Способного порыв свой удержать;
Природа требует порядка, воздержанья,
Но все его стремятся нарушать.
Порядка нет в хорошем и дурном:
Излишество вредит и делается злом.
Хлеба роскошные и травы луговые,
Родившись не в пример обильно, истощат
Поля и, взяв у них все соки, остальные
Растенья в этот год собою заглушат:
Погибнут овощи и плод в садах увянет,
Погибелью для всех травы излишек станет...
Чтоб уровнять посев, позволил овцам Бог
На поле и лугу излишек уничтожить;
Со всех пустилось стадо ног
На поле и луга; чего поест не может,
То беспощадно рвет
И, по полю носясь, все под ногами мнет.
Все уничтожили, помяли, съели,
Тогда, чтоб сократить обилие овец,
Волкам велел напасть на них Творец;
Но волки чуть их всех не съели.
Бог людям повелел за жадность наказать
Волков; и люди постарались:
Всю невоздержность их сумели показать
И смертью словно наслаждались.
Среди животных человек
Всех больше склонности к излишествам имеет.
Ведется так из века в век:
Всяк осуждать излишество умеет,
Но сделать и сказать - ведь не одно и то ж;
И грешны в этом все: от бедных до вельмож.

А. Зарин.

Из сборника Абстемия (прим. к б. 24).

181. Свеча

(Le Cierge)

К нам пчелы мудрые явились от богов
И первые нашли жилище на Гимете,
Где со взлелеянных зефиром лепестков
Сокровище собирали пчелы эти.
Когда ж у дочерей небес
Амврозии запас из их дворцов исчез
(Иль, проще говоря, был вынут мед душистый)
И в ульях воск остался чистый
Воск этот послужил для деланья свечей.
И вот одна Свеча, при виде кирпичей,
В огне искусно обожженных
И против времени влиянья закаленных,
Решила приобрести подобный же закал,
И ринулась в огонь, который там пылал,
Новейший Эмпедокл, сожженью обреченный,
На гибель собственным безумьем осужденный.

Кидаясь в пламя сгоряча,
По философии была слаба Свеча.
Различно все во всем: откиньте заблужденье,
Что вам подобен кто-либо другой.
От жара Эмпедокл растаял восковой.
Безумнее он не был, без сомненья,
Чем первый Эмпедокл, живой.
О. Чюмина.

Зайствована из сборника Абстемия (прим. к б. 24). Гимет прославленная поэтами гора в Аттике; на ней греки добывали превосходный мед. Древнегреческий философ Эмпедокл, не будучи в состоянии понять причин огненных извержений Этны, бросился в ее кратер, но из желания сделать свой поступок известным современникам и потомству оставил свои сандалиии при подошве горы.

182. Юпитер и Путник
(Jupiter et Passager)
Когда б обеты все, какие в час тревоги
Мы приносить богам готовы без числа,
Не забывались, едва она прошла,
Обогатились бы тогда наверно боги.
Но забываем мы о долге Небесам,
И памятны одни долги земные нам.
"Юпитер никогда не требует уплаты!
Безбожник говорит. - Не шлет повесток он!"
А грома грозные раскаты?
А потемневший небосклон?
Так Путник на море, в один из ураганов,
Напуган был, и не жалея слов,
Пообещал он сто волов,
Завоевателю Титанов!
(Не обладая ни одним,
И сто слонов мог обещать он тоже,
Что для него не стоило б дороже).
Причалив к берегу, спасен и невредим,
Он из костей устроил всеожженье;
К царю богов от них вознесен дым.
"Юпитер,-молвил он,-вот жертвоприношенье!
Прими его: ведь дымом лишь одним
Величие твое и бескорыстье сыты;
Отныне мы с тобою - квиты!"
Юпитер сделал вид, что посмеялся он;
Чрез непеіеіеі же дней обманщик видит сон
О том, что в тайнике сокровища зарыты.
Он кинулся туда как на пожар,
Но лишь грабителей нашел он вместо клада.
Моля, чтобы ему дана была пощада,
Он обещал им сто талантов в дар,
В земле зарытых чистоганом.
Но те сочли слова его обманом:
- Приятель, ты шутить задумал невпопад,
Сказал ему один грабитель,
- Умри, и в дар из ста талантов клад
Плутону отнеси в подземную обитель.

О. Чюмина.

Сюжет заимствован из басен Эзопа и Поджио (прим. к б. 43). Встречается также у Рабле в "Гаргантюа и Пантагрюэль".

183. Лисица и Кот

(Le Renard et le Chat)

Лиса и Кот вдвоем пустились в долгий путь,

И с первых же шагов их скука одолела.

И вот Лиса, чтоб идя не заснуть,

С Котом о доблестях поспорить захотела

И говорит: "Почтенный кум,

Я слышала не раз, как хвалят все твой ум,

И говорят, что ты хитер, лукав и ловок.

Не смею умалять твоих заслуг,

Лисица и Кот

Но, право, милый Друг,

Не знаешь ты и доли всех уловов,

Которых у меня такой большой запас!"

- Ты, кумушка, права на этот раз,

Ей Кот в ответ, - к тому же я, признаться,

С тобой не стану и тягаться;

Моих затей недолог счет:

Один простой талант - в нем все мое спасенье,

Зато уж он один, без всякого сомненья,

Твоих три сотни за пояс заткнет!

Так, слово за слово, и завязалась ссора.

Но рассудить задумал их Зевес.

И только что взошли они в дремучий лес,

Как бросилась на них борзых лихая свора.

Тут Кот в единый миг на дерево залез

И вниз кричит: - Вот все мое уменье!

Теперь, кума,

Яви-ка ты плоды лукавого ума

И поищи по-своему спасенья!

Лиса же, между тем, на разные лады

Морочила назойливую свору,

И, ведая в лесу все тайные ходы,

Старалась улизнуть в извилистую нору.

Но и в норах, где пес Лисы не достигал,

Ее охотник ?и?и? донимал.

И как моя кума ни ухищрялась,

Все ж в зубы под конец двум ловким псам

попалась.

Нередко нам вредит излишество затей.

По мне, одно оружие имей,

Да в совершенстве им владей

И в дело вовремя пустить его умей.

Г-г.

Заимствована из "Апологии Федра" новейшего латинского поэта Ренье (Regnerus) (1589-1658) (прим. к б. 149). На русский язык басня переведена Сумароковым ("Лисица и Кошка").

184. Муж, Жена и Вор

(Le Mari, la Femme et le Voleur)

Жил Муж,
В Жену влюбленный страстно.
Но, обращаясь с Женою полновластно,
Он был несчастен... Почему ж?
Да потому, что равнодушна
К нему была его Жена,
Всегда ровна, всегда послушна,
Всегда, как камень, холодна!
Несчастный Муж страдал, - и это так понятно:
Ведь он был Муж,-с Женой жить принужден.
Женатым же тогда приятно,
Когда союз любовью освящен.
Супруга же к нему любовью не пылала
И с нежностью его ни разу не ласкала.
И вот однажды в ночь обиженный супруг
Ей горько плакался на жизнь свою, как вдруг
Их разговор
Прервал внезапно Вор.
Несчастливая Жена так Вора испугалась,
Что с трепетом скорей прижалась
Всем телом к Мужу. "Милый друг!
Вскричал тут радостно супруг.
Не будь тебя - такого счастья
Я не изведал бы вовек.
Возьми же, добрый человек,
В награду за твое участие
Что хочешь!" И в короткий срок
Вор все унес, что только смог.
Из басни вывел я такое заключение:
Страх - чувство всех других сильней.
При нем забудешь отвращенье.
Но иногда и страх бледней
Бывает при любви. Так был один влюбленный
Настолько страстью ослепленный,
Что дом поджег нарочно свой
Лишь для того, чтоб, от огня спасая,
Своей рискуя головой,
Возлюбленную несть в объятиях сжимая.
Мне по душе горячей страсти зной:
Я рассказал сейчас рассказ любимый мой.
Но на такой порыв испанец лишь способен:
Не так безумен он, как пылко благороден.
А. Зарин.
Из Бидпая и Локмана (прим. к б. 19 и к б. 140).
185. Два Человека и Клад
(Le Tresor et les deux Hommes)
Бедняк, которому наскучило поститься
И нужду крайнюю всегда во всем терпеть,
Задумал удавиться.
От голода еще ведь хуже умереть!
Избушку ветхую, пустую
Для места казни он поблизости избрал,

И, петлю укрепив вокруг гвоздя глухую,
Вколачивать лишь в стену стал,
Как вдруг из потолка, карниза и панели
Червонцы на пол полетели.
И молоток из рук к червонцам полетел!
Бедняк вздрогнул, остолбенел,
Два Человека и Клад
Протер глаза, перекрестился
И деньги подбирать пустился.
Он второпях уж не считал,
А просто так, без счета,
В карманы, в сапоги, за пазуху наклал.
Пропала у него давиться тут охота,
И с деньгами бедняжка мой
Без памяти бежал домой.
Лишь он отсюда удалился,
Хозяин золота явился:
Он всякий день свою казну ревизовал;
Увидя ж в кладовой большое разрушение
И всех своих родных червонцев похищенье,
Всплеснул руками и упал,
Лежал минуты две, не говоря ни слова,
Потом, как бешеный, вскочил,
И петлею себя с досады удавил.
А петля, к счастью, была уже готова...
И это выгода большая для скупого,
Что он веревки не купил!
Вот так-то иногда не знаешь,
Где что найдешь, где потеряешь;
Но впрочем верно то: скупой как ни живет,
Спокойно не умрет.
Измайлов.

Займствована из эпиграмм знаменитого римского поэта VI в. по Р. Х Авзония (Decimus Magnus) (309-392). Басня переведена на русский язык, кроме Измайлова, Сумароковым ("Скупой").

186. Мартышка и Кот
(Le Singe et le Chat)
Каштаны жарились в печи на угольках;
Мартышка на полу перед огнём сидела
И пристально на них глядела,
А Кот лежал у ней в ногах.
-Что, Васька,-говорит Мартышка.
Достань каштана два, так будешь молодец!
-Да, лапу обожги! нет, я ведь не глупец!
-Э! неженка какой! трусишка!
Трус! трус!- Вскочил мой Кот, в дугу себя
согнул,
На лапки задние у печки приподнялся,
Переднюю к каштану протянул,
Ожегся и назад подался;
За дело принялся опять:
То лапку к уголькам протянет,

То прочь ее, а там другою трогать станет,
И вытащил он так уже каштанов пять.
Каштаны Васька вынимает,
Мартышка же их подбирает,
Облупит, да и прямо в рот.
Вдруг, на беду, слуга идёт.
Плутовка наутек, а Кот не догадался:
Работою все занимался.
Слуга на цыпочках к мошеннику подкрался,
Да за уши схватил и ну его таскать.
Кот бедный от побой, как мертвый, протянулся,
Насилу через час очнулся,
И полно с той поры без пользы воровать.
Мартышка вот умна: не обожглась, не бита,
И сыта;
Мартышка и Кот
А Васька глуп, так с ним случилась напасть...
То ль дело для себя украсть!..
Измайлов.

Из "Апологии Федра" Ренье (Regnerus) (прим. к б. 183). - Басня Лафонтена дала сюжет для двух комедий: "Bertrand et Raton", Скриба, и "Le marron du feu", Альфреда де Мюссе. На русский язык, кроме Измайлова, басню переводил Сумароков ("Мартышка и Кошка"); указывали также на сходство ее, хотя и отдаленно, с басней Крылова: "Два мальчика".

187. Коршун и Соловей
(Le Milan et le Rossignol)
Однажды Коршун, вор известный,
Всех петухов и кур в селе перепугал.
Но ребятишек крик разбойника угнал
В дубраву. Как назло, там Соловей чудесный
В объятья хищнику попал.
Глашатай вешних дней просил себе пощады:
"Что толку съесть того, в ком лишь одни рулады?
Прослушай песенку мою,
Освободи меня скорее!
Тебе спою я о Терее
И о любви его спою..."
-А кто такой Терей? Знать, лакомое блюдо
Для нас, для коршунов?.. -О нет! то прежде был
Влюбленный царь: отсюда
Песнь страстная моя. Его безумный пыл
Мне чувство сладкое внушил
И трепет страсти безрассудной;
Потешу я тебя такою песнью чудной,
Что в восхищенье ты придешь:
Всем любо пение мое и неги дрожь
В любовном гимне...
Тут Коршун перебил: -Хорош!
Недурно сказано! Я голоден, а ты мне
Свой голосок суешь...
-Знай, я беседую нередко и с царями.
-Ну, если попадешь к царю в объятья, пой,
Морочь его тогда своими чудесами;

А коршунам рулад не надо, милый мой:
Ведь у голодного-то брюха
Нет уха!
П. Порфиоров.

Из сборника Абстемия (прим. к б. 24). -Относительно царя Теря см. прим. к б. 57. На русский язык басня была переведена отдаленно Сумароковым ("Коршун и Соловей") и Жуковским ("Сокол и Филомела").

188. Пастух и его Стадо
(Le Berger et son Troupeau)
Что ж это? Неужель таков уже обычай,
Что волку каждый раз из стада моего
Хотя одна овца достанется добычей!
Что за глупцы от волка одного
Их больше тысячи - спасти мне не сумели
Бедняжечку Робэн! по городу она
За мною бегала. На звук моей свирели
Мне откликалася. Послушна и умна,
Она меня блянием встречала
И издали меня от прочих отличала.
Ах, бедная Робэн!"
Оплакав так ее,
Речь к Стаду стал держать пастух Гильо.
Овец, баранов, всех, до маленьких ягнят,
Он умолял волкам не поддаваться:
Их больше тысячи! И, если захотят,
Они с волками могут потягаться!
Тут все клялись во имя общей чести
От страха не бежать и всем держаться вместе.
- Мы волка задушить сумеем, господин,
За то, что погубил он милую Робэн!
Сказали все. - Клянемся головой!
Гильо поздравил их с решимостью такой.
Но только сумерки сгустились, вдруг смущенье:
Почудился всем волк. Кому и было лень,
Всяк бросился бежать в паническом смятении.
А это был не волк, а только тень.
Солдаты трусы -им сродни.
Как звери хищные, они
Готовы биться бы с врагами;
Но лишь опасность - и бааоо
В смятении все. Напрасный труд
Их удержать примером иль словами.
А. Зарин.

Из сборника Абстемия. -Имя Робэна взято Лафонтеном у Рабле. Купец у него говорит Панургу: "Вас зовут Робэн-баран. Посмотрите на этого барана, его тоже зовут, как и вас, Робэнном".

189. Две Крысы, Яйцо и Лиса
(Les deux Rats, le Renard et l'Oeuf)
(Г-же де ла Саблиер).
Ириса! петь хвалу всегда желал я вам,
Но вы певцов отвергли фимиам;
На смертных остальных вы непохожи в этом,

Желающих всегда хвалений быть предметом;
Красавицам, монархам, божествам
Влечение подобное пристойно,
И осуждать его здесь было б недостойно.
Напиток сладостный, волшебный нектар тот,
Который издавна певцами прославляем,
Каким земных богов мы часто опьяняем
(Охотно от него сам Громовержец пьет),
Ириса, похвалой зовется тот напиток.
Вы предпочли ему приятный разговор,
Предметов для него всегда у вас избыток,
Вам даже изредка любезен милый вздор
(Хотя последнему никто бы не дал веры);
Но свет в суждениях близорук.
По мненью моему, и шутки, и химеры,
В беседе кстати все - от вздора до наук,
Все быть должно предметом разговора.
Дары свои так рассыпает Флора,
Но всякому цветку - его черед:
Из каждого пчела извлечь сумеет мед.
Позвольте же коснуться мне вопросов
Той философии, которая слывет
У нас новейшею. Нам говорит философ,
Две Крысы, Яйцо и Лиса
Что духа нет, есть только плоть одна,
И каждое животное - машина,
В которой действует известная пружина,
В движение приведена.
Не таковы ль часы с заводом,
Идущие всегда одним и тем же ходом?
Откройте же ее, взгляните в глубину,
Пружину вы увидите одну,
Она ближайшую спешит привести в движенье,
Пока не зазвонит известный механизм.
Таков, по мненью их, животных организм.
Машиной каждой впечатленье
Воспринимается, и так же в свой черед
Она толчок а?оaeі передает.
Но как же делается это?
Здесь приведу я смысл ответа.
Согласно этому ученью, лишены
Животные сознания и воли:
В них радость и печаль, любовь и чувство боли
Необходимостью одною рождены.
Так что ж они?-Часы!.. А что же мы такое?
О, мы - совсем другое.
Различие Декарт нам поясняет сам,
Декарт, которому наверно был бы храм
Языческим воздвигнут веком;
Меж разумом и человеком
Он - нечто среднее. Так, получеловек
И полуустрица - иной слуга вовек.

Вот каковы Декарта рассуждения:
"Один я одарен способностью мышленья.
Что занимает мысль мою
Один я это сознаю".
Известно вам, что если б размышляли
Животные, они едва ли
Могли бы в том отдать себе отчет.
Декарт же далее идет
И утверждает он, что действия животных
Зависят от одних влияний безотчетных,
Что рассуждать они не могут никогда.
Мы с вами этому поверим без труда;
И тем не менее, когда, травимый псами,
Напуганный людскими голосами
И звуками рогов, предвестников побед,
Маститый зверь, достигший лет преклонных,
Олень старается напрасно спутать след,
От ярости лая, погоней распаленных,
Он уклоняется, оленя юных лет
Подставив им взамен. И как его уловки,
Которыми продлить свои он хочет дни,
Как хитрости его, его обходы ловки!
Достойны участи счастливейшей они
И славного вождя. Но гончих разъяренных
Добычей он становится в борьбе,
Иных трофеев не стяжав себе.
Когда птенцов своих, едва лишь оперенных
И не умеющих летать,
В опасности их куропатка-мать
Увидит вдруг, искусно притворяясь,
Что пулю в крыло поражена,
Охотника и пса старается она
Отвлечь к себе. Когда же тот, кидаясь,
Готовится схватить ее, легко
Она взлетает высоко,
Над их смущением как будто издеваясь.
Близ севера есть дальняя страна.
Как в первобытные глухие времена,
Там люди все живут в невежестве глубоком;
Зато животные сооружают там
Над быстрою рекою иль потоком
Сооружения, подобные мостам.
Искусно строятся животными плотины:
Настилка из досок, затем из твердой глины.
Под предводительством главнейших мастеров
Работает артель бобров.
Известная во время оно.
Что перед этою - республика Платона?
Лишь только настает холодная зима,
Бобрами строятся удобные дома,
И по мостам они свершают переходы,
Меж тем как дикари переплывают воды.

Что лишены животные ума,
Я верить не могу и я скажу вам больше:
Герой, пред кем дрожит турецкая земля,
Мне сообщил рассказ, король великий Польши,
А лжи не может быть в устах у короля.
Король рассказывал, что на его границе
Из рода в род ведут войну зверьки,
Которые зовутся байбаки;
Они сродни приходятся лисице.
И столь искусная война
Едва ли меж людьми бывала ведена:
Разведчики, летучие отряды,
Шпионы, вылазки, засады,
Все ухищренья, без числа,
Науки, Стиксом порожденной,
Которая героям жизнь дала.
Дабы почтить хвалою заслуженной
Их подвиги, пусть Ахерон
Нам возвратит великого Гомера;
Пусть также и Декарт нам будет возвращен.
По поводу столь дивного примера,
Хочу я знать: что возразил бы он?
Пусть говорят: животных организмы
Лишь сложные природы механизмы,
Телесной памятью одной одарены,
И побуждения другого им не надо
Для действий, вроде тех, что мной приведены.
Им служит память местом склада:
Ища предмет знакомый в нем,
Они идут знакомым им путем,
И повторяется все в том же направленьи
Такое ж самое явление;
Но мысли в них руководящей нет.
Мы действуем не так. Инстинкт или предмет
Не служит точкой нам исходной,
Мы побуждаемы лишь волею свободной.
Начало высшее во мне заключено
И существо мое ему подчинено;
Начало это, будучи духовным,
Отделено от тела, и оно
Является у нас властителем верховным
Всех действий. Но какая связь
Незримая, меж них установясь,
Его соединяет с телом,
Кто властен разрешить в определеньи смелом?
Владеет хорошо орудием рука;
Но в свой черед кому была она послушной?
И чьим велением несутся облака
И движутся миры стезею их воздушной?
Небесный дух, быть может, их ведет.
Такой же дух и в нас живет,
Пружины тайные приводит он в движенье.

Пути невидимы, мы видим лишь явление;
Возможно их постичь - на лоне Божества.
И если правду всю сказать нелицемерно,
То сам Декарт, учения глава,
Знал то же, что и мы. Одно я знаю верно:
Дух этот чужд разумнейшим зверям,
Лишь в человеке он себе возводит храм.
И все ж растения, хотя оно и дышит,
Неизмеримо выше зверь.
Что скажет тот, кто мой рассказ услышит,
Который здесь я приведу теперь?
Две Крысы, бедствуя, искали пропитанья.
Они нашли Яйцо, и радость велика
Была у них: не целого ж быка
Двум крысам надобно! Но против ожиданья
У них Лиса явилась на пути.
Как от нее Яйцо спасти?
В передних лапах унести
Его вдвоем? Насколько можно,
Катить или тащить до места осторожно?
Все это значило б на риск большой идти.
Необходимостью исхода
Был создан план такого рода:
Пока Лиса могла бы их настичь,
С добычею укрыться бы умели
Они в норе своей. И вот для этой цели
Одна из крыс легла навзничь
И лапами яичко обхватила,
Другая ж, несмотря на кой-какой толчок,
(По счастью, путь был недалек),
Домой за хвост подругу дотащила.
Ведь после этого - лишь только наобум
Возможно отрицать и у животных ум.
По мненью моему, рассудком звери эти
Одарены настолько же, как дети;
А дети мыслят все уже на утре дней.
И, в силу этой же причины,
Я нечто выше и сложнее
Признал бы у зверей, чем тайные пружины.
Уму их далеко до разума людей,
Но в них материя, являясь утонченной,
Мне кажется из света извлеченной:
Она - живей и подвижней огня;
Огонь возник, от дерева рождаясь,
И в свой черед гореньем очищаясь,
Прообразом души он служит для меня.
Я дал бы всем животным несомненно
Способность чувствовать, судить несовершенно
(Никак не более), и умничать совсем
Я воспретил бы обезьянам всем.
Что до людей - все были б мною
Наделены они душой двойною:

И душу первую я дал бы мудрецам,
Животным, детям и глупцам,
Всем без различия живущим в этом мире;
Вторая - более возвышенно чиста,
С душою ангелов носилась бы в эфире:
Им родственной душа была бы та,
И на свое начало не взирая,
Бессмертие стяжала бы она.
Но дочь Небес - душа вторая,
В года младенчества пуглива и нежна,
Мерцающим лучом была б во мраке этом,
И разум вспыхнул бы с годами ярким светом,
Пока бы наконец не удалось ему
Материи рассеять тьму,
Которая по век и с силой неизменной
Царила бы в другой душе, несовершенной.
О. Чюмина.

Это произведение Лафонтена все направлено против учения Декарта об автоматичности животных. Предполагали, что оно написано по просьбе г-жи де ла Саблиер. Но, страстный наблюдатель животных, баснописец не нуждался в просьбах, чтобы быть против этой односторонности картезианизма. Источник самого рассказа о двух крысах и яйце неизвестен. В середине стихотворенья Лафонтен говорит о польском короле Яне Собесском, победителе турок, которого он встречал в салоне г-жи де ла Саблиер, когда тот был в Париже.

190. Человек и Змея
(L'Homme et la Couleuvre)
Раз Человек Змею увидел.
"Ах, гадина!- сказал он. -Ну, стой!
Чтоб никого ты больше не обидел,
По чести я разделаюсь с тобой".
И после этих слов творенье злое
(Змея, не человек, хоть толкование иное
Легко возможно допустить),
Змея дала себя схватить;
В мешок положена, завязана потуже
И к казни злой присуждена к тому же.
За дело ли? - вопрос. Но, чтобы оправдаться,
Счел нужным Человек сказать такую речь:
"Не смея даже колебаться,
Я должен жизнь твою на пользу всем пресечь.
Ты - символ всех неблагодарных,
Всех подлых, злобных и коварных!
Умри ж!" -Змея ему в ответ:
"Когда бы люди осуждали
Неблагодарных, то едва ли
Из них самих увидел бы кто свет.
Во имя правды, пользы, чести,
Потехи ради иль из мести
Тобою я осуждена
На смерть-и умереть должна;
Но перед смертью откровенно
Скажу тебе: из века в век

Неблагодарным неизменно
Не змеи были - человек!"
Смутился Человек от этих резких слов
И отвечал Змее: "Хоть речь твоя лукава
И хоть казнить тебя принадлежит мне право,
Но доказать тебе готов
Я ложь твою. Пусть нас другой рассудит:
Как скажет, так оно и будет!"
Корова тут случилась на пути;
Зовет ее он подойти,
И весь свой разговор от слова и до слова
Передает. - Не стоило и звать меня
Для этих пустяков! - ответила Корова.
- Скрывать тут нечего: вполне права Змея.
Я, например? Из года в год подряд
Семью хозяина питала.
Сыр, масло, молоко, своих телят,
Все ей одной я отдавала;
Поправила здоровье самому,
Когда он ослабел с годами;
Он набивал свою суму
Моими только лишь трудами.
Но вот пришли преклонные года,
Я жизни и сама не рада;
Взгляни, загнал меня куда
Хозяин. Вот его награда!..
Травы нет и следа; чтоб не могла гулять,
Меня решил он привязать.
Понятно, будь моим хозяином Змея,
Не знала б в старости такой обиды я.
Прощайте! я свое вам высказала мненье.
Смутился Человек и говорит Змее:
"Корова не в своем уме.
Вот Бык нам разрешит сомненье!"
- Пусть Бык! - Змея в ответ, и позвали Быка.
Бык подошел; склонив рога,
Суть дела выслушал и медленно ответил:
-Неблагодарностью давно себя отметил
Род человеческий. Нам послано в удел
Свой век влачить в труде, заботе;
С утра и до ночи в работе,
Не знаем часа мы без дел.
И что ж? в награду нам всегда одни удары!
Когда же делались мы стары,
Чтоб умолить своих богов,
Нас резали без дальних слов!
Так Бык сказал. И, негодуя,
В досаде Человек вскричал:
"Пусть замолчит тупой нахал,
Его судьбою не беру я!
Пусть Дерево рассудит нас".
Змея сказала: "В добрый час!"

Но Дерево, что сказано уж было,
Лишь только снова подтвердило.
- Я,-молвило оно,-от солнечных лучей,
От ветра и дождя убежищем служило;
Все любовались красотой моих ветвей,
И круглый год я пользу приносило;
Весною я - украшено цветами,
А осенью - отягчено плодами;
Я летом тень даю, зимой бы согревало;
Когда б без топора меня лишь подрезать,
Я б вновь на пользу вырастало.
Но грубый Человек не хочет рассуждать:
За наши все благодеянья
Он рубит нас без состраданья!
Тут Человек, озлобленный без меры
Глубокой правдой резких слов,
Воскликнул: "Все они глупцы и лицемеры!
Я слишком добр, что слушал болтунов!"
И тотчас же мешком о стену так хватил,
Что голову Змее разбил.
Так все вельможи поступают:
Им правда колет глаз. Они воображают,
Что все: и небо, и земля,
И люди созданы для них и короля.
И если кто заметит им не так,
Тот негодяй или дурак.
Согласен я. Но как же поступать?
Коль говорить у вас желанье,
То надо говорить на расстояньи,
А еще лучше - помолчать.
А. Зарин.

Займствована у Бидпая и Локмана (прим. к б. 19 и к б. 140).

191. Черепаха и две Утки

(La Tortue et les deux Canards)

Жила-была на свете Черепаха.

Взгрустнулось ей в норе, и вот она без страха

Решилась бросить дом, на Божий мир взглянуть...

Всегда милей - чужие страны;

Все колченогие сильнее стремятся в путь.

Свои мечтания и планы

Она поведала двум Уткам. Те не прочь

Ей в путешествии помочь:

"Сударыня! пред вами - путь широкий.

По воздуху мы вас доставим в край далекий,

В Америку свасаи - не надо и карет!

Увидите вы новый свет,

Республику, народ; полезно просвещение,

Полезно чуждый быт и нравы изучать.

Так сделал и Улисс..." Некстати, без сомненья,

Улисса было приплетать,

Но дело слажено. Пошли приготавлиенья;

Чтоб странницу нести по воздуху с собой,

Тростинку Утки в рот вложили ей: "Сожмите
Зубами и в пути не выпускать, смотрите!"
И, преподав урок такой,
Тут Утки с двух сторон за трость и поднялись,
И Черепаха понеслась.
Повсюду крики раздались:
Откуда у нее такая прыть взялась?
Совсем как птица,
Несется в обществе таком
И со своим еще домком!
- Ну и диковинка! - кричали впа кругом.
Смотрите-ка, царица
Всех черепах
Несется в облаках!..
Черепаха и две Утки
-А что ж? конечно, я царица, и нимало
Смешного в этом нет...
Ах, лучше свой полет
Она бы молча продолжала!
Раскрыла рот
И выпустила трость; и грохнулася тяжко,
И пала мертвою к ногам толпы бедняжка.
Надменность чванная была всему виной.
Тщеславье глупое с надутой болтовней
И любопытство, всем известно,
Сроднились тесно,
Как дети матери одной.
П. Порфиоров.
Из Бидпая и Локмана (см предыд. примеч.).
192. Рыбы и Баклан
(Les Poissons et le Cormoran)
Во всех окрестностях озера и пруды,
Ручьи и реки - все платили
Баклану подати; как будто за труды,
Ему все дань охотно приносили.
Он голода не знал. В обилии всегда
Был стол его снабжен без горя и труда.
Но годы шли, и вот с летами,
Стол становился плох и скуден временами:
Ведь каждый для себя сам пищу добывал,
А наш Баклан с годами стал
И слеп, и слаб; без невода и снасти,
Не видя ничего, не в силах был ловить
Он рыбу быстрюю, и при такой напасти
Почасту не имел чем голод утолить.
Что ж делает Баклан? Нужда всему научит!
Увидел рака он на берегу пруда,
И говорит ему: "Беда!
Хозяин лёсы сучит.
На днях сюда придет и будет Рыб ловить.
Иди скорей сказать беспечному народу,
Что гибель им грозит!" Рак тотчас прыгнул

в воду
И поспешил беду оповестить.
Поднялся шум и гам. Все Рыбы всполошились,
Собрались на совет, шумели, суетились;
И тотчас несколько, еі?і?u? старей,
К Баклану поплыли за справкою скорей.
- Вельможный господин! откуда эти вести?
И верны ли они? что делать надо нам,
Чтоб от беды спастись?
- Все дело в месте.
Переменить его!- ответил им Баклан.
- Как сделать это нам?
- О том не хлопочите!
Я всех вас уберу в убежище свое;
Там будет вам привольное житье,
Лишь только захотите!
Один лишь Бог да я про этот знаем пруд:
Туда дорогу не найдут
Ни зверь, ни человек. Во всей вселенной
Нет более сокрытого жилья!
И вас туда перетаскаю я,
Чтоб всех спасти от смерти верной.
Ему поверили. И Рыб всех до одной
Баклан перетаскал в прудок, ему известный,
Под одинокою пустынною скалой,
Прозрачный, мелкий, узкий, тесный.
Оттуда каждый день на ужин и обед
Он без труда вытаскивал любую.
И поняли они, что доверять не след
Тому, кому для жизни нужно жизнь другую.
Для них, положим, все равно,
Различья не было: что человек, что птица
Их будут есть. Не все ль одно?
Конец один, хотя различны лица.
Днем раньше, позже - все равно
Всем умереть им суждено.
А. Зарин.
Из Бидпая и Локмана (см. примеч. к б. 190).
193. Зарытое богатство
(L'Enfouisseur et son Compere)
Какой-то Скряга
Так много накопил червонцев золотых,
Что просто и не знал, куда бы спрятать их
Такой бедняга!
Да, алчность, глупости подруга и сестра,
Поставила в тупик Скупого
При выборе местечка для добра,
Для клада золотого!
Укромный уголок был надобен ему
Вот почему:
"Ведь гряда золота все станет уменьшаться,
Коль дома мне держать его!"

И сам я буду, может статья,
Сам расхитителем богатства моего..."
- Как расхитителем? Да разве наслаждаться
Своим добром - обкрадывать себя?
Нет, милый мой, мне просто жаль тебя!
Оставь смешное заблуждение:
Богатство хорошо тогда лишь, без сомненья,
Когда мы пользоваться сами им вольны.
Без этого оно - лишь зло. Что за отрада
Таить его всю жизнь до грозной седины,
Когда уж нам его не надо?
Тяжелый труд приобретать,
Забота охранять
Все это у богатств и ценность ооіеіаао.
Но если вечный гнет
Мучительных забот,
Как охранить добро, тебя подчас смущает,
Людей надежных все ж отыщешь как-никак.
Но землю мой богач всем им предпочитает,
? і?і?е? Кума он, чудак,
Помочь зарыть добро. И Кум помог немало.
Спустя немного дней,
Приходит вновь богач, разрыл он яму, - в ней
Червонцев нет, как не бывало.
Тут в голове мелькнул вопрос:
"Кто это? кто? Да Кум унес".
Он к Куму. Держит речь такую:
- Ну, куманек,
Готовься, выбери денек:
Деньжонок набралось, так я их упакую
Туда же, в сундучок.
Поговорил - ушел. А Кум скорее к яме
Бежит с деньгами,
На место прежнее червонцы он кладет,
В надежде, что потом он сразу все возьмет.
Зарыл - ушел. Но тут слукавил
Мой Скопидом:
Червонцы он достал и у себя оставил,
Разумно пользуясь потом
Своим добром.
А вор мой ямою пустою
Так поражен был вдруг, как будто грянул
гром.
И хитреца легко перехитрить порою.
П. Порфиоров.

Займствована из сборника Абстемия (прим. к б 24). На русском языке то же содержание
в "сказке" Измайлова: "Кащей и его Сосед".

194. Волк и Пастухи

(Le Loup et les Bergers)

Однажды некий Волк, настроен человечно
(Найдутся ль где-нибудь подобные ему?),
Решил, что поступал доселе бессердечно,

Хотя и был, конечно,
Необходимостью лишь вынужден к тому.
Он молвил так: "Полны ко мне враждою,
И кто же? Все! Волк - это общий враг!
Все, от крестьян до ловчих и собак,
Травить его собираются ордою.
Их воплями Юпитер оглушен
Среди высот небесных.
И смертный приговор волкам произнесен
Во всей Британии; среди мелкопоместных
Дворянчиков ее нет никого,
Кто б наши головы не оценил публично;
Ребенка нет ни одного,
Которому бы пугалом обычно
Волк не служил. И все из-за чего?
Какой-нибудь осел паршивый,
Барана труп иль пес сварливый
Мне попадались. Если так,
Готов я пренебречь добычею живою,
Питаться лишь одной травою,
Жить впроголодь и натошак,
Подохнуть с голоду. Не столь судьба такая
Ужасна мне, как ненависть людская".
Тут за трапезой их он видит Пастухов,
Себе на вертеле поджаривших барашка.
"Как?- молвил он. - Себя винил я тяжко;
Отречься я хотел от всех былых грехов!
Но если так хозяйничают в стаде
Те пастухи, кому поручено оно,
Я, волком будучи, чего же стал бы ради
Стеснять себя? Поистине смешно!
Без вертела управлюсь превосходно
Не только я с ягненком-сосуном,
Но вслед за ним поочередно
И с маткою, его питавшей молоком,
И с тем, кто был виновником зачатья!"
И Волк был прав. Меж тем как без изъятья
Мы обрекаем всех животных на убой,
Добычей лакомясь любой
На пищу золотого века
Волк обречен по воле человека.
Пусть не даны ему ни вертел, ни плита
За что же от него мы требуем поста?
О Пастухи, я с вами не лукавлю,
Одно в вину я Волку ставлю:
То, что бывает он подчас
Слабее нас.
О. Чюмина.

Из басен Филибера Эжмона (прим. к б, 76). Известно, что в середине X в. король английский Эдуард делал ежегодно большие охоты на волков и установил ежегодный налог на владельцев земель в триста голов волков; этими мерами волки были окончательно истреблены в Англии. В басне Крылова "Волк и пастухи" тот же сюжет, но переданный

иначе, коротко и отдаленно.

195. Паук и Ласточка

(L'Araignee et l'Hirondelle)

"Юпитер, бог богов! чья голова родить
Секретным способом Минерву ухитрилась,
Которая ко мне безжалостной явилась,
О, выслушай меня, решаюсь я просить!
Бесчестно Ласточка еды меня лишает:
Мелькая в воздухе, она всех мух съедает
У самых у моих дверей.

Мне в сети мухи не попало;

Проклятая, их всех она пожрала,

Хоть не раскидывай сетей!"

С такую жалобой к Юпитеру зывал

Бедняк-паук, обойщик бывший,

А после ткач, вообразивший,

Что насекомых всех бог для него создал.

А Ласточка, порхая здесь и там,

Не обращала даже и вниманья

На Паука, и пропитанья

Себе искала и птенцам.

Обжоры малые, с раскрытым ртом всегда,

Пищали жалобно, чуть мать летит к жилищу;

Хватали с жадностью у ней из клюва пищу.

Ремесленник Паук, имевший для труда

Лишь ноги с головой, терпел одно лишь горе,

И был наказан вскоре:

Летая, Ласточка хвостом оборвала

Всю паутину; с ней и Паука смела.

Юпитер два стола накрыл, и заседают

За первым все, кто ловок, силен, смел;

Второй же-мелюзге в удел:

За ним объедки первых доедают.

А. Зарин.

Из сборника Абстемия (прим. к б. 24).

Паук и Ласточка

196. Куропатка и Петухи

(La Pedrix et les Coqs)

На птичий двор, где было много Петухов,

Завятых драчунов,

Кормиться Куропаточка попала.

Она не очень унывала

И вот как рассуждала:

"Ведь Петухи - превлюбчивый народ,

Так дамский пол мой будет мне защитой;

И буду я себе у наших у ворот

Погуливать, окружена любезных свитой,

Тем больше, что средь них ведь гостя я".

Меж тем из Петухов ей вышли не друзья:

У корма часто клюв свой в ход они пускали

И гостью крепко обижали.

Кручине Курочка отдалась... но потом,

Раскинувши умом,
И видя,
Как злобно Петухи дерутся меж собой,
Ее обидя,
С своею примирилася судьбой.
"Что ж,-думала она,-коль таковы их нравы!
И кто жалеет их, а не винит, - те правы.
Не одинаковых нас создал всех Зевес,
И, попусшением Небес,
Не все добры меж Петухами,
Как и меж нами.
Завись то от меня, не мудрено,
Я предпочла бы общество иное;
Но так уж, видно, роком суждено
Мне это, а не что другое.
Злой человек
В силок меня поймал, подрезал крылья,
И сделал для меня на весь мой век
Напрасными к свободе всякие усилья.
Куропатка и Петухи
Не Петухи, значит, а он, хозяин мой,
Вот сделал кто мне жизнь жестокою тюрьмой..."
Арс. Введенский.
Заимствована из басен Эзопа.
197. Собака с обрезанными ушами
(Le Chien a qui on a coupe les oreilles)
Чем провинился я, чтобы так злобно
Меня хозяин мучил? чем я стал?
На двор таким и выйти неудобно...
О, царь или тиран! Что ты бы сам сказал,
Когда б тебя так обкарнали!"
Так выл Полкан, дог молодой.
А люди у него под этот громкий вой
Спокойно уши обрезали.
Полкан уверен был, что потерял
Он много; но с годами увидал,
Что в выигрыше он: любил он драться
С собратьями; ему в недобрый час
Домой пришлось бы возвращаться
С ушами рваными не раз:
Известно, что во время драки
Страдают уши у собаки.
Чем меньше мест для нападения,
Тем лучше. Если лишь одно
Такое есть, для охраненья
Его закрыть немудрено.
Собака с обрезанными ушами
Пример: Полкан ушей лишился,
А горло у него всегда мог защитить
Ошейник. Волк бы затруднился
За что Полкана ухватить!
А. Зарин.

Сюжет принадлежит, вероятно, самому Лафонтену.

198. Пастух и Король

(Le Berger et le Roi)

Два демона владеют по желанью
Всей жизнью нашею, подвергнув ум изгнанию,
И смертных слабые сердца
Им жертвы приносить готовы без конца.
Один - Любви название носит в мире,
И Честолюбия - второй.
Последнего владенья шире:
В них и Любовь заключена порой.
Примеры я найду, но вам моею басней
Поведать я хочу о времени былом,
Которое дней нынешних прекрасней,
Когда Пастух простой был призван Королем
И при дворе нашел он дружеский прием.
Король тот видел, как на воле
Стада паслись, покрывшие все поле
И, пастыря заботами, доход
Дававшие изрядный каждый год.
Король умел ценить разумные старанья,
И молвил он: "Ты пастырем людей
Достоин быть, тебе дарую званье
Верховного судьи в стране моей".
Вот наш Пастух вооружен весами.
Хотя в былом он целыми часами
Видал одних собак своих, овец,
Отшельника и волка, наконец,
Но обладая смыслом здравым
(А это главное), бывал в сужденьях правым.
Отшельник навестил приятеля. - Сосед!
Не сон ли это все? Не бред?
Воскликнул он. - Ты нынче возвеличен.
Но к милости монаршей непривычен,
Поверь моим словам: верить ей нельзя,
Она ласкает нас, опалою грозя.
А худшее есть то, что платимся жестоко
Мы за ошибки те всегда, по воле Рока.
Я говорю как друг. Ты незнаком
С приманкою, которою влеком;
Всего страшись!
Был смех ему ответом.
Отшельник продолжал: - Становишься глупцом
Ты при дворе, я убеждаюсь в этом;
Сдается мне, что с тем я говорю слепцом,
Который некогда, бич потеряв в дороге,
Нашел взамен его замерзшую змею
И в руку взял ее свою,
Благодаря судьбу. "Что держишь ты, о, боги!
Ему прохожий крикнул тут.
-Скорее брось Змею!" -Змея? Да это кнут!
-Я говорю: Змея! Из-за чего же глотку

Я стал бы надрывать? Ужель свою находку
Ты хочешь сохранять? -А что ж? Мой старый бич
Я новым заменю. Ты завистью терзаем.
Проходим был слепец напрасно убеждаем,
Тот ничего не мог достичь,
И в руку был Змеей упрямец наш ужален.
Но твой удел - он более печален.
"Что худшее, чем смерть, могло б меня постичь?
И отвечал пророк: - А горечь отвращения?
И он был прав. Клеветники
Усердно при дворе точили языки
И Королю внушить сумели подозренья
Насчет достоинства и честности судьи.
Явили жалобы свои
Все те, кого он осудил когда-то:
"На наши денежки судья разбогател;
Возведена им пышная палата!"
Сокровища его увидеть захотел
И сам Король. К большому изумленью,
Взамен богатств - любовь к уединенью
Он встретил там и склонность к простоте.
Но люди на своей стояли клевете:
"Его сокровища - в камнях драгоценных;
Он за семью замками их хранит,
И ими весь сундук набит".
Король, в присутствии советников надменных,
Велел открыть сундук. Заношена, плоха,
Лежала там одежда пастуха,
От шляпы с посохом и сумкой до свирели,
Заветной, кажется. Смущенно все глядели,
Но молвил он: - Счастливых дней залог!
Ни зависти, ни лжи ты возбуждать не мог.
И вот тебя я надеваю снова,
Я ухожу навеки из палат;
Тот сон рассеялся, каким я был объят.
О, государь, прости мне это слово!
В час возвышения я знал паденья час
И моего могущества границу,
Но я доволен был: и у кого ж из нас
Нет честолюбия, хотя бы на крупицу?
О. Чюмина.
Из Бидпая и Локмана (прим. к б. 19 и к б. 140).
199. Рыбы и Пастух с Флейтой
(Les Poissons et le Berger qui joue de la flute)
Пастух Терсис, который для Анеты
Лишь для одной пел слаще соловья,
Однажды пел свои сонеты
На берегу прозрачного ручья,
Текущего в лугах. Анета рядом с ним
Сидела с удочкой. Но Рыба не клевала,
Анета время лишь теряла.
Тогда пастух, что пением своим

Богов бессмертных мог увлечь,
Задумал песней Рыб привлечь.
"Оставьте,-он запел,-красавицу Наяду
В ее глубоком гроте, и скорей
Спешите все сюда, чтоб увидеть отраду
Моих очей:
Она прелестнее Наяды в сотни раз.
Не бойтесь к ней попасться в сети,
Она опасна лишь для нас,
Но кротче нет ее на свете!
Она вас нежно холить будет
В садке с кристальной водой,
Вас приласкает, приголубит...
А если жребий роковой
И выпадет кому - в том лишь одна отрада:
Смерть от ее руки-счастливому награда!.."
Он пел, но так же был спокоен, тих ручей:
На Рыб не действовало пенье.
Напрасно изощрял Терсис свое уменье
И пел, как на заре влюбленный соловей.
Тогда он невод взял, им Рыб переловил,
И всех к ногам пастушки положил.
О вы, пасущие людей, а не овец,
Властители! коль вы толпой владеть хотите,
Не пышным красноречием берите:
Словами громкими вам не привлечь сердец.
Воспользуйтесь своими неводами:
Могуществом и грозными правами.
А. Зарин.
Займствована у Эзопа и Автония (прим. к б. 137).
200. Два Попугая и Король с Сыном.
(Les deux Perroquets, le Roi et son Fils).
Два Попугая, сын с отцом,
От Короля обед свой получали;
Два полубога, сын с отцом,
Любили их и баловали.
Их возрасты скрепляли дружбу их:
Отец дружил с отцом, и дети дружно жили;
Они все время вместе проводили
От первых дней своих.
Для Попугая дружба эта честь была:
Ведь друг был Принц, сын короля!
Король же этот птиц любил,
И ими двор наполнен был.
У принца, среди его друзей,
Всегда влюбленный и кичливый,
Задира, вздорный и драчливый,
Жил воробей,
Любимец Принца он, соперник попугая.
Однажды, на дворе играя,
Они поссорились; потом,
Поссорившись, вступили в драку,

Два Попугая и Король с Сыном
И попугай избил так забияку,
Что полумертвый тот с поломанным крылом
Упал на землю, как мертвец.
Все думали, пришел ему конец.
Принц, вне себя от огорченья,
Взять Попугая приказал
И умертвить без замедленья.
Отец его о том узнал,
Летит, кричит, - но вопли все напрасны:
Сын обращен уж в труп безгласный.
Тут в ярости, без слов, напал
Разгневанный отец на Принца и в отмщенье
Ему глаза он проклевал
И тотчас улетел искать себе спасенья
На ель высокую. Среди ее ветвей
Тут, словно у богов, в спокойном сидя месте
И не бояся более людей,
Он наслаждался думами о мести.
Король спешит к нему и, чтоб его привлечь,
Заводит с ним такую речь:
- Друг, возвратись ко мне! не лей напрасно слез,
Не бойся мести и угроз,
Оставим это все. Я признаюсь смело,
Хотя печаль моя безмерно велика,
Что сын наказан мой за дело,
И в том видна Судьбы рука!
Судьба виновница! Издавна начертала
Она нам жребий: из наших сыновей
Погибнуть одному от смерти жала,
Другому потерять красу своих очей.
Так решено Судьбой! Утешимся же оба;
Вернись ко мне и будь мне друг до гроба!.." -
О господин Король! безумцем бы я был,
Когда поверил бы, что после оскорбленья,
Ты про обиду позабыл
И не пылаешь жаждой мщенья.
Речами льстивыми меня не обольщай,
Я не вернусь к тебе! - ответил Попугай.
Пускай Судьба на самом деле
Всем управляет; для меня
Назначено Судьбой жить на вершине ели
Иль в глубине лесов. Окончу я
Тут дни свои. Не нужны мне чертоги.
Я знаю: месть - услада королей.
Живете вы, как на Олимпе боги!
Про месть ты говоришь, что позабыл о ней.
Я верю этому, но все же, без сомненья,
Держаться от тебя мне лучше в отдаленьи.
О господин Король! иди! Напрасен труд,
Не говори о возвращеньи!
Поверь, лекарством лучшим тут

Разлука служит и забвенье.
Отсутствие равно смиряет гнев в крови
И охлаждает пыл любви.

А. Зарин.

Из Бидпая и Локмана (прим. к б. 140).

201. Львица и Медведица

(La Lionne et l'Ourse)

У грозной Львицы

Похищен был сынок охотника рукой.

Окрестности наполнил рев и вой

Разгневанной лесов царицы.

И зверь, и птицы трепетно внимали,

Как звуки тишину лесную возмущали;

В теченье нескольких ночей

Никто не мог сомкнуть очей.

Чтоб Львицу несколько унять,

Медведица решилась ей сказать:

"Послушай, кумушка, дозволю промолвить слово!

Терять ребят для многих ведь не ново:

Припомни-ка, у скольких матерей

С тобою сами мы похитили детей...

Что, если б все они по-твоему завьли б!

Всему ведь миру голову они вскружили б.

Не лучше ли, сударыня, молчать

И снова грешные дела свои начать...

-Мне, сына потеряв, забыть напасти злые!

Что одинокой я состариться должна!..

-Помилуй Бог! Откуда ужасы такие!

На одиночество ты кем осуждена?

-Судьба преследует меня!..-Вот речи,

Что можно слышать чуть ли не при каждой встрече!..

О род людской! К тебе речь обращаю я!

Как много будто бы гонимых Небесами!..

Но это все... сказать ли между нами?

Напраслина... Гекубу вспомните, друзья!

Арс. Введенский.

Гекуба-жена последнего троянского царя Приама. На ее глазах погибли ее муж, дети, город и царство и она была уведена в рабство. Ее великие несчастья изображены Эврипидом. На русский язык басня переведена Сумароковым ("Львица в горести").

202. Два Витязя и Талисман

(Les deux Aventuriers et le Talisman)

Дорога к славе не усеяна цветами;

Пример нам - Геркулес с его трудами.

Герой соперника себе навряд ли знал

(В истории таких я больше не встречал),

Однако ж был один, который не смутился,

Когда таинственную надпись прочитал:

Поверив ей, за счастьем устремился

В страну чудес - и счастье отыскал.

Он путешествовал с товарищем вдвоем.

Вдруг видят: столб стоит; написано на нем:

"Коль хочешь видеть, паладин,

Чего из рыцарей не видел ни один,
То переправься поскорей
Через ручей;
Там слон из камня есть: взвали его на спину,
С ним на гору взберись, без отдыха, зараз,
И положи его на самую вершину..."
Товарищ закричал: - Пусть, в добрый час,
Кто хочет жизнь губить, пускается в дорогу!
А я хочу пожить еще во славу Богу.
Положим, переплыть ручей
Еще возможно, но на спину
Взвалить слона и с ношей сей
Взойти на самую вершину
Нет предприятия смешней!
Наверное, пять-шесть шагов
Пройти с ним впору и - свалиться;
Но чтоб дойти до облаков,
Ни разу не остановиться
Я не из этих смельчаков!
А впрочем, может быть, слона изображение
Миниатюрное для трости украшение...
Тогда нет подвига. Я продолжаю путь,
А вы уж со слонем управьтесь как-нибудь.
Лишь только он ушел, другой, отваги полный,
Тотчас же бросился в стремительные волны.
Вот на берег выходит он,
И видит: на земле лежит огромный слон,
Из камня сделанный. Он взял его на спину
И с ним взбежал на горную вершину.
Там город. Смело входит он,
Кладет слона, - и заревел вдруг слон.
Лишь только заревел, бежит со всех концов
На витязя народ вооруженный;
Всяк испугался бы и убежал смятенный,
Но витязь был из удалцов,
И приготовился к решительному бою,
Меч обнажив пред шумною толпою.
Но к удивлению его, не биться с ним
Народ бежал, а с радостным приветом,
Провозгласил его властителем своим
На место короля, расставшегося с светом.
Наш витязь стал ломаться, говоря
О тяжести и трудности правленья,
О робости при званьи короля;
Но все кругом усилили моления.
Сикст то же говорил точь-в-точь
Перед избраньем в папы (в чем напасти
Быть папой, королем-придумать мне невмочь).
Склонился витязь наш и принял знаки власти.
А там в короткий срок народ он просветил,
Насколько их король смирен и робок был.
Знай: смелость города берет!

Коль счастье пришло-хватай без рассуждений,
Не допускай ни думы, ни сомнений:
Возврата нет ему, когда оно уйдет.

А. Зарин.

Из Бидпая и Локмана (прим. к б. 19 и к б. 140). В конце басни Лафонтен намекает на избрание папы Сикста V (1585). По преданию, перед избранием он притворился удрученным годами и болезнями, с тем, чтобы расположить в свою пользу тех, кто рассчитывал быть ему преемником.

203. Кролики

(Les Lapins)

Герцогу Ларошфуко

Я часто мог сказать, к какой зверей породе

Принадлежат иные из людей;

Среди животных и зверей

Они близки им по природе.

Король не менее, чем подданный, грешит

И добродетелей не более имеет.

Природа все дары распределить умеет

И каждое созданье наградить

Какой-нибудь крупницей, чтоб по ней

Пытливому уму характер был видней.

Понятно, про людей я речь свою веду,

И в поясненье слов пример вам приведу.

В час раннего рассвета, на краю

Большого леса, я на дерево взобрался,

И с высоты его с величием смотрю

Вокруг себя. Случайно оказался

Над Кроликами я. Бедняжки ничьего

Внезапного не ждали нападения.

Юпитер новый, я с Олимпа своего

Мог их стрелять на выбор, без стеснения.

Я вижу, как они, беспечно веселясь,

Играют, прыгают в вереске.

Стреляю я, и при внезапном треске

Рассыпались они, за жизнь свою боясь,

Искать спасения по норкам под корнями.

Но час, другой прошел, - внезапный страх забыт,

И вновь они идут беспечными толпами,

И снова между них веселие царит.

Не так же ль средь людей? В смятеньи под грозою

Кролики

Рассыпавшись, они собираются опять,

Стремятся к берегу пристать,

Чтоб снова ветром и волною

Быть разметенными.... Как Кролики, толпой,

Беспечные, они бессильны пред судьбой.

Другой еще пример из жизни обыденной.

Когда несчастный пес, судьбою обойденный,

Проходит мимо псарни, - что за гам

Ему несется по следам!

Собаки, трепеща от жадности и злости,

Ревут и лязгают зубами вслед ему,

Чтоб не пустить непрошеного гостя
К жилищу своему!
Не то же ль средь людей? Правители, вельможи,
Простые смертные - на тех же псов похожи.
Мы, как они, готовы разорвать
Внезапного пришельца, опасаясь,
Чтоб не пришлось с ним разделять
Того, чем мы живимся, наслаждаясь.
Кокоток и писателей сюда
Я причисляю без труда:
Несчастье между них вдруг новичку явиться!..
Игра известная: так надо приловчиться,
Чтоб подле пирога лишь несколькими стоять
И уж других к нему не подпускать!..
Примеров сотнями я мог бы вам привести,
Но надо знать и честь.
Спасенье - в краткости; и в лучшем сочиненьи
Необходимо опущенье,
Чтоб пищу дать читателя уму.
Кончаю басню посему.
Вы, скромность чья равняться только может
С величием души; которого хвала
Поэта скромного конфузит и тревожит,
Хотя она ничтожна и мала
Перед заслугами! Вы, коему обязан
Своим покоем я и с именем кого
Я благодарностью до гроба буду связан,
Чьих добродетелей не опроверг никто!
Я счастлив, что добился разрешенья,
Чтоб ваше имя было почтено,
И чтоб оно моим произведеньем
Векам на память было предано
То имя, что стране, богатой именами
Прославленных мужей, честь делает собой
Перед потомством и веками
Своей духовной красотой.

А. Зарин
О де Ларошфуко, которому посвящена эта басня (см. примеч. к б. 11).
204. Купец, Дворянин, Пастух и
Королевский Сын
(Le Marchand, le Gentilhomme, le Patre et le Fils de Roi)
Искатели миров других,
Всех четверо, спаслись из волн морских:
Сын Короля, Купец, Пастух, Вельможа,
И с участью того, кому пришлось на хлеб
Вымалывать гроши, велением судеб
Была их участь схожа.
Так Велизарий сам бродил в былые дни.
Рассказ о том, как все, по воле Рока,
Сошлись они - завел бы нас далёко.
О том, как дальше быть, держали речь они,
Усевшись отдохнуть поблизости потока.

Распространился Принц о горестях царей;
Но был Пастух такого мненья,
Что следует, забыв бывшие злоключенья,
О настоящем дне подумать им скорей.
"Что пользы в жалобах?"-сказал он в
заключенье.
А с помощью труда достигнем мы всего,
Дойдем до Рима самого!"
Такой язык, мне скажут, необычен
Для пастуха. Ужели разум дан
Лишь тем, кто царскою короною венчан,
И должен быть пастух рассудком ограничен,
Как и его баран?
Все потерпевшие крушенья
И занесенные судьбою в Новый Свет,
Одобрили его совет.
Купец был мастером по части вычисленья,
И в месяц столько-то назначив за урок,
Он математику преподавать бы мог.
- А я политику, - Сын Короля добавил.
-Наука о гербах, до всех мельчайших правил,
Вельможа заявил, - вполне знакома мне,
И я займусь ее преподаваньем.
(Так молвил он, как будто этим знаньем
В соседней с Индией стране
Хоть кто-нибудь кичиться мог тщеславно).
Пастух сказал: -Вы рассудили славно,
Помесячно дадут вам плату за урок;
Но месяц - долгий срок,
До той поры поголодать изрядно
Пришлось бы нам. Весьма отрадна
Надежда, но пока
Она довольно далека,
А нам обед на завтра нужен,
И что сегодняшней нам обеспечит ужин?
О нем подумаем; но с помощью наук
Нам не добыть его: моих довольно рук.
Он встал и, хвороста в лесу набравши бремя,
Его продажею на время
Избавил всех от долгого поста,
Который их привел бы в те места,
Где не помогут дарованья.
Чтоб поддержать свое существованье,
Нам лучше действовать спроста,
При помощи даров природных,
И труд ручной - верней талантов благородных.
О. Чюмина.
Заимствована из Бидпая и Локмана (примеч. к б. 140).
205. Лев
(Le Lion)
Когда-то Леопард-султан
Разбогател неимоверно:

В лесах-олень и лось, в степях-верблюды, баран,
Ну, словом, богатей султанов всяких стран".
И возгордился он чрезмерно,
На троне беззаботно сев.
Но вот поблизости в лесу родился Лев.
Пошли тотчас приветствия, визиты
(Так водится у всех, кто имениты).
Но по султановой стране уж речь идет:
Не поплатиться б ей от новенького хвата.
Тут Лиса-визиря Султан к себе зовет,
Пройдоху старого и плута-дипломата:
-Боишься Львенка ты? Но не страшны нам львята!
Так речь повел Султан. - Пришло ль на ум тебе?
После отца он ведь теперь остался
Сироткой... Жаль его. И пусть своей судьбе
Он шлет хвалу за то, что клочок хотя достался,
Отец в наследство дал ему...
А Лиса в ответ:- Я, право, не пойму,
Как можно Льва жалеть?
Нам следует (прости на резком слове)
С лица земли его стереть;
А если в дружбе жить, то все же наготове
Быть каждый день и даже каждый миг.
Не Львенок страшен, - Лев нам будет лих:
Он в нашей области прольет немало крови,
Хоть будет милостив и добр к своим друзьям.
Когда родился он, гадал я по звездам
И видел там,
Что станет и велик, и славен он войною,
И вечною грозой
Он будет нам.
Но увещанья Лиса
Султану не далися:
Султана охватил беспечный сон,
И в области его все спали, как и он,
Как дети спят в тепле своих пеленок,
И не заметили, как настоящим Львом
Стал прежде маленький и неопасный Львенок.
И вот... Тревога, шум кругом...
Бегут за визирем... Все ждут советов Лиса...
Пришел - и вздохи понеслись,
И горький, тягостный укор
Несет им Лиса скорбный взор,
И речь его разумно раздастся:
- Зачем? Так помощь не придет...
Так вам погибнуть только остается,
Хоть потеряли бы союзникам вы счет,
Хоть бы себя на них вы разорили:
Союзник явится - ему овцу подай,
Без этого сражаться он не в силе.
Нет, лучше Льва не раздражай,
Не то обчистит он весь край,

И вы сочтетесь с ним не раньше, как в могиле.
Поверьте, у него союзники верней,
Чем ваши: ваших вам кормить, поить ведь надо,
А у него лишь три: душою будь смелей,
Сильнее телом будь, да зорко бди, где стадо.
И, если хочется врага вам укротить,
Овцу ему подкиньте поскорее;
Да пожирнее,
Пока, от сытости слабея,
Не взмолится, чтоб дали пить.
А мало - киньте и барашка
Или вола: ему любя поблажка.
Но не понравился совет.
И вышла от того не польза, вышел вред:
Все страны, что со Львом безумно воевали,
Жестоко пострадали,
И там, где Леопард на троне восседал,
Лев властелином стал.
Смысл прост и ясен
Подобных басен:
Со львенком ежели живу в соседстве я,
Не лучше ли жить так, чтоб были мы друзья?
Не то, как вырастет да выпустит он когти,
С ним справиться мои бессильны ногти.

Н. Позняков

Басня представляет, по мнению комментаторов, переделку одной весьма отличной от нее по содержанию, но близкой по идее басни Бидпая (прим. к б. 140).

206. Боги и Зевесов Сын

(Les deux voulants instruire un Fils de Jupiter)

Герцогу дю Мэн

Был у Зевса Сынок. Происхожденье

Свое высоко он ценил,

И хоть еще дитя, но в сердце вождельня

Любовные от ранних дней носил.

Не по годам умен и полон нежной страсти,

Всем существом он был у времени во власти;

А время не щадит людей,

И гонит бег их кратких дней.

Сначала девственная Флора,

С веселой прелестию взора,

С очаровательной улыбкой на устах,

Пленила сердце бога молодого,

И тут, на первых же порах,

Сын Зевса проявил себя во всех статьях,

Что ставятся в закон, как вечная основа,

Как строгий жизненный устав,

Наукой нежною Эротовых забав:

Все пущено им в ход, ничто не позабыто:

И вздохи, и мольбы, и слезы... Пережито,

Казалось, юношей все было в жизни сей;

Казалось даже, что его житейский опыт

Был прошлому готов укора бросить ропот:

Он в этой роли был совсем как бы в своей,
И был его язык любви лишь страстный шепот...
Но время шло, и наконец Зевес,
Когда настал черед учить наукам Сына,
Созвал к себе богов с небес,
И вот какая речь была от властелина:
"Друзья мои! до сей поры один
Я, без сотрудника, вселенной мощно правил.
Но вот теперь подросток мой Сын:
Не может быть, чтоб я его оставил
На произвол судеб: он кровь моя и плоть!
Уметь мой должен Сын все в жизни побороть!
Пушкой падет пред ним неведенья завеса!.."
И только смолкла речь громовная Зевеса,
- Прекрасно! - все кричат. - Такому-то уму
Себя не обучить всему?..
- Готов науке той, которою герои,
Чтоб Олимпийских почестей добыть,
Себя прославили у стен великих Трои,
Готов его я твердо обучить!
Воскликнул бог, с войною неразлучный.
- А я его на лире сладкозвучной
Поведывать восторг и горе научу!
Бог Аполлон промолвил мудрый,
Искусств властитель златокудрый.
-Нет не по-вашему учить его хочу,
Заметил Геркулес, отваги друг и гений,
Иные знаю я пути:
Враг томных нег и наслаждений,
По ним его склоню идти,
Назло соблазнам вожделений.
Пусть у его победных ног,
Раздавлен, ползает порок!
Пушкой не слышат зла призывы
Им сокрушенные порывы!
Пусть он чудовищ страшных яд,
Людьми в сердцах хранимый жадно,
Как заповедный, милый клад,
Спалит огнем своим нещадно!
Пусть чрез него узнает свет,
Что люди почести находят
За добродетелями вслед!..
Сказал и смолк. И очередь приходит
Венере: - Ну... я на себя возьму,
Скорее научить его всему.
Друзья мои! Когда любовь и разум
В союз войдут - весь свет пленяют разом.

Н. Позняков.

Людовик Август де Бурбон, герцог дю Мэн, которому посвящена басня, был сын Людовика XIV и г-жи де Монтеспан. Ему было 7 лет, когда Лафонтен посвятил ему свою басню.

207. Фермер, Собака и Лисица

(Le Fermier, le Chien et le Renard)

Нет, никогда ни с волком, ни с лисицей
Я б не хотел в соседстве жить:
Одна охотится за птицей,
Другой привык овец душисть;
Злодеи оба хоть куда,
И с ними жить - одна беда.
Одна Лисица подбиралась
К соседским курам; ей на зло
Усадьба строго охранялась:
Лисице бедной не везло.
Бедняга вовсе отошала
И возроптала:
"Где справедливость в небесах?
Весь день я голову ломаю,
Всю ночь без сна я на часах,
И с голоду околеваю.
А как назло мне, рядом тут,
С своей тяжелою мошною
Живет беспечно Фермер-плут.
Сравнить его нельзя со мною:
Дурак без горя и забот
Лишь барыши свои считает,
Цыплят и куриц поедает
И припеваючи живет;
А я, известная всем хитростью, умом,
Счастливым день считаю,
Коль петуха поймаю
И пообедаю тем тощим петухом!
Где правда тут?" И в возмущеньи
Задумала Лисица мщенье.
Случилось раз, на счастье ей,
Фермер, Собака и Лисица
На ферме сделали оплошность:
У птичника не заперли дверей,
Совсем забыв про осторожность.
Настала ночь, и все забылись сном,
Как опоенные вином:
Храпел сам Фермер, слуги, стражи,
Все птицы, и Собака даже.
Лисица этого ждала; как ловкий вор,
Прокралась на птичий двор
И начала опустошенье.
Кровь потекла ручьем, летели перья, пух,
Цыпленок с курицей, испуганный петух
Всех поразило мщенье.
Восток едва на небе заалел,
Как осветил кругом ряды кровавых тел,
И солнце в ужасе едва не отступило,
Когда такое зверство озарило.
Так некогда войска Атрея
Священный Аполлон в одну ночь истребил;

Так, завистью к Уллису пламенея,
Аякс козлов и овнов перебил.
И вот теперь второй Аякс, Лисица,
Которого трепещет птица,
Что можно унести, с собою унесла,
Оставив остальных растерзанных, безгласных,
В крови, что морем натекла,
Горою трупов безобразных.
Когда хозяин увидал
Свой птичник, кровью весь залитый,
Тогда, растерянный, убитый,
Бранить Собаку стал:
- Проклятая! тебя повесить мало,
За то, что вора прозевала!
Ему Собака отвечала:
- Не прав ты с самого начала.
Не я, а ты зевал. Как мог ты ожидать,
Чтоб я не смела есть и спать,
Тебя храня от лиходея,
Когда ты сам не думаешь о том,
Что станется с твоим добром,
И спишь, о доме не радея?..
Ответ вполне удачен был.
Но, несмотря на возраженье,
Хозяин обвинил Собаку в нерадении
И палкою избил.
О, кто бы ни был ты, отец большой семьи
(Я не завидую твоей почтенной роли)!
Предпочитай всегда чужим глаза свои
И покорись хозяйской доле:
Ложась последним спать, запри покрепче дверь,
Чтоб не было потерь,
И важные дела верши наедине,
Не доверяя их ни другу, ни жене.
А. Зарин.

Займствована из сборника Абстемия (прим. к б. 24). Лафонтен в середине басни говорит об Атриде, т. е. о сыне Атрея, Агамемноне, в Илиаде; как известно, Аполлон, в отмщение за оскорбление своего жреца, послал в лагерь греков смертоносную язву, - Аякс, побежденный Ахиллесом, в припадке бешенства бросился на стадо, воображая, что он избивает греков, своих противников; безумие и смерть Аякса дали сюжет для одной из трагедий Софокла.

208 Сон Монгола

(Le Songe d'un habitant du Mogol)

Монголу одному такой приснился сон:
Он видел визиря среди райских наслаждений
В святых обителях; и тут же, подле, он
Увидел ад и тьму мучений,
И вот отшельника в огне приметил вдруг.
Так страшно уголья бедняжку подпекали,
Что даже грешники, среди различных мук,
Сочувственно глядели и стонали.
Все это было так ужасно, несказанно,

Темно, таинственно и странно,
Что даже сам Минос,
Казалось, был в недоумении.
Монгола моего встревожило виденье,
И вмиг очнулся он. Томясь значеньем грез,
Смущен видением, он вздумал обратиться
К снотолкователю, и тот сказал ему:
"Тут нечему удивляться!
Вот объяснение виденью твоему:
Знай, это - предостереженье
Тебе от самого Аллаха. Визирь тот
Частенько на земле искал уединенья;
Отшельник же, наоборот,
Любил ходить на поклоненье
В покои визирских дворцов".
Ах, если бы я мог добавить пару слов
К словам гадателя, я тихими мечтами
Уединенье бы решился восхвалять.
Оно небесными, нездешними дарами
Своих поклонников умеет награждать.
О милое уединенье,
Где сладость тайную я обретал всегда,
Мечты, заветные в минувшие года!
Ужель вдали от треволенья
От вечной суеты здесь не придется мне
Вновь наслаждаться в тишине
И сенью вашею, и вашею прохладой?
С какую сладкою отрадой
Вступил бы снова я в тенистый ваш простор...
Когда же, наконец, вновь девять Муз-сестер,
Вдали от городов с кичливыми дворцами,
Ко мне слетят
И посвятят
Меня в миры светил, что высоко над нами
От века движутся незримо для очей,
И мне поведают в минуты вдохновенья,
Названия тех звезд, чье тайное течение
Меняет, властное, судьбу и жизнь людей?
Но если здесь, в земной юдоли,
Уединенья не дал рок,
Пусть изредка хотя певучий ручеек
Поет о чудесах недостижимой воли.
Пусть Парка не соткет из нитей золотых
Мне ткань грядущих дней моих;
Пусть дорогой альков прохладой мягких складок
Не осенит ночей моих,
Ведь разве сон не будет так же сладок,
И так же безмятежно тих?
Вдали от суеты я стал бы мир глубокий,
Сон, безмятежный сон вкушать;
Когда ж придет пора пуститься в путь далекий,
В страну иную мне предстать,

Спокойно я умру, счастливый, сознавая,
Что мирно жизнь прошла, пустых забот не зная.

П. Порфиоров.

Из "Гюлистан, или Царство роз" величайшего персидского поэта Саади (1184-1291). На русский язык басня была переведена Жуковским ("Сон Могольца").

209. Лев, Обезьяна и два Осла
(Le Lion, le Singe et deux Anes)

Лев, чтоб строною лучше править,
И в знаньях чувствуя изъян,
В один прекрасный день велел себе представить
Умнейшую из обезьян,
Желая у нее немного поучиться.

Она ученою слыла,
И первый свой урок, чтоб отличиться,
Она царю такой дала:

"Великий Государь, чтобы разумно править,
Должны всему вы предпочесть
Своей страны довольство, честь,
И личные желанья оставить.
Несчастье той стране, где личный интерес
Пред государственным имеет перевес!
Великий Государь, порока хуже нет,
Чем самолюбие. Меж нами
Все зло посеяно его сынами.

Оно - отец всех зол и бед.
Понятно, отрешиться сразу
От самолюбья мудрено;
Но умерять его должно
Хоть понемногу, раз от разу;
Иначе можно стать смешным
Или прослыть несправедливым.
Вы, Государь, не будете таким
В своем величьи горделивом".

- Дай мне, - сказал король сурово,
Пример того или другого.
- Известно вам, что всякий возвышает
Себя перед другими, для чего
Он прочих всех поносит и ругает;
Такой прием не стоит ничего.
Самолюбивые ж, напротив: те, лукаво,
Превозносятся налево и направо
Себе подобных, через них
Тем хвалят и себя самих.

Теперь легко вам догадаться,
Что часто лишь уменье притворяться
Таланты заменяет нам;
Уменье то дано невеждам и глупцам.
Однажды два Осла тропинкою глухой
Шли, говоря между собою:
Хвалили оба с важностью тупою
Они друг друга в перебой.
"Ах, сударь! - говорил один из двух Ослов.

Вас, верно, глупостью своею поражают
Все люди. Ведь они одним из бранных слов
И наше имя поминают!
Поносят наш великий род!
Ослон у них зовется идиот.
И ржанием зовут, себе же на позор,
Наш гармоничный смех и разговор!
Забавны люди мне. Они воображают
Себя прекраснее, чем мы.
Свои слова, свои умы
Все удивительным считают!
Нет, нет! пусть сударь говорит,
А человек пусть помолчит!
Их речь - вот истинное ржанье!
Но бросим их; не стоят и вниманья
Они порядочных ослов.
Ну, а теперь, без дальних слов,
Коснемся с вами, сударь, пеня,
В котором вашего уменья
Ламберт не в силах превзойти!
Певца вам равного найти
Не мог бы я, клянусь! Ей-ей,
Пискун пред вами соловей!.."
Другой Осел ему поспешно возражает:
"Все, сударь, в вас талантами прельщает.
Я вами восхищен всегда!.."
Но мало блеска им такого.
Расставшись, оба в города
Пошли хвалить один другого.
Расчет простой: от похвалы других
Часть славы падала на них.
Подобных им и не среди ослов
Найдется множество. Среди даже сильных мира
Есть люди, создающие кумира
Из громких звуков сладких слов.
В беседах льстивых меж собой,
Когда б не трусили, они бы титул свой
Хоть королевским заменили...
Мои слова, быть может, смелы были,
Но я надеюсь, что в секрете
Удержит Государь беседы эти.
Я показала вам сейчас,
Как самолюбье делает смешными.
Пример того, как делает оно и злыми,
Займет другой рассказ.
Так Обезьяна говорила.
Другой же случай рассказать,
Должно быть, у нее и духа не хватило,
Он слишком щекотлив, а надо твердо знать,
Кому урок дает учитель;
Для Обезьяны ж Лев был грозный повелитель.
А. Зарин.

Упоминаемый в басне Ламбер (Мишель)-знаменитый музыкант при дворе Людовика XIV.

210. Волк и Лиса
(Le Loup et le Renard)
Старик Эзоп едва ли прав,
В лисе приметив хитрый нрав.
По мне же волк, когда себя он защищает,
Или на ближнего тихонько посягает,
Не так же ль, как лиса, хитер,
Иной же раз хитрей, чем жительница нор?
Волк и Лиса
Но если так велит учитель,
Что делать? - покорюсь ему:
Не кума серого, - прославлю я куму.
Так басенку мою прочесть вы не хотите ль?
Лисица как-то раз под вечерок
В колодце месяц увидала:
Его вода спокойно отражала.
"Эх! славный, - думает, - кружок!
Давненько уж я сыру не едала!"
К колодцу две бадьи, как водится, висят:
Одна опустится, - подыметсЯ другая.
Лисица скок в бадью, - и ведра уж стучат,
На бревна стенок набегая.
Спустилась вниз... Что делать ей теперь?
Сыр только издали, а тут - пятно пустое.
Лисица в ужасе: увы! ни в щель, ни в дверь!
А голод пуще-вдвое, втрое...
И пригорюнился мой зверь.
А время все идет. Вот миновали сутки,
И видит Лисанька, что плохи с сыром шутки;
Прошли еще одни, настала снова ночь,
И Лисаньке пришло от голоду не в мочь
Хоть волком вой!.. И, легок на помине,
Волк подошел, и сверху смотрит вниз.
Тут к серому слова, как пташки, понеслись:
"Ты ждал ли, милый кум, столь щедрой
благостыни?
Тут нам с тобой, что червяку в мякине!
Садись-ка, друг, в бадью, садись!
Ты здесь найдешь такой кружочек сыру,
Что истинно на удивленье миру!..
Когда бы сам Юпитер занемог,
Для возбужденья аппетита
Закуски б лучшей он найти себе не мог.
Я ни гу-гу: все будет шито-крыто...
Ну, полезай скорей, не бойся ничего.
Сама же вдоволь я накушалась его".
Так речь вела Лиса,
И Волк обману поддался:
В бадью залез, она спустилась
Лиса на воле очутилась.

Читатель мой! Умерь свой смех:
Смеяться над бедою грех,
И вспомни, что нередко сами
Мы обольщаемся фальшивыми словами,
И в жизни лишь ища себе утех,
Нередко поддаемся прелестям соблазна;
Судьба ж играет нами разنو
И много ставит нам помех.
Н. Позняков.

Из "Апологии Федра" Ренье (прим. к б. 149); тот же сюжет трактуется в Романе о Лисице.

211. Крестьянин с Дуная
(Le Paysan du Danube)
Нельзя людей по внешности судить,
Совет хороший, хоть не новый;
Пример Мышонка может послужить
Теперь моим речам основой.
Для подтверждения того ж могу я взять
Сократа-добряка, Эзопа и с Дуная
Простого Мужика. Тех двух должны вы знать.
А третьего, изображая,
Аврелий Марк так описал:
С густою бородой, с густыми волосами,
Медведя он напоминал;
С глазами вкось под хмурыми бровями,
С отвислыми и толстыми губами,
Одет он в козью шкуру был,
Имел суровый вид и дикий,
Но у себя на родине он слыл
За умницу. И в Рим великий
С Дуная послан был в сенат
От городов как депутат.
В то время не было на свете уголка,
Куда бы жадный Рим не выслал легионы
И где б его железная рука
Не диктовала бы законы.
И вот что произнес, от гнева весь пылая,
В Сенате депутат с Дуная:
"Сенат и римляне! взываю я к богам:
Пусть мне пошлют они свое благословенье,
Пусть в сердце вложат вдохновенье,
И силу придадут моим словам.
Бессмертные, они судьбами правят
И - горе тем, кого они оставят!
Мы за свои грехи подверглися напасти
И стонем все под игом римской власти.
Не доблестям обязан гордый Рим
Своим величием и славой:
Победный меч его кровавый
Бессмертными руководим;
То боги, за грехи карая, шлют нам беды,
Даруя римлянам победы.

Но бойтесь, римляне, возмездья час пробьет!
Смягчим сердца богов мы стоном и слезами,
И Небо сжалится над нами:
На нашу сторону победа перейдет.
Ужасен будет гнев богов,
И станут римляне рабами у рабов.
Чем лучше вы других, чтоб властвовать над нами?
Что право вам дает, чтоб миром управлять,
Чтоб ужасом войны все земли наполнять,
Свободных делая рабами?..
Мы жили в тишине, тревог и бед не зная;
В трудах спокойно жизнь текла,
Как волны светлые Дуная.
Но ваша жадность нас нашла!
Чему, когда вы покорили
Германцев, их вы научили?
Они храбры, ловки, сильны.
Ах, если бы у них была и жадность ваша,
Они бы всем владеть должны,
Была иной бы участь наша!..
В них нет жестокости, с которой власть свою
Над нами претор проявляет;
Нет жадности, с какой страну
Он грабежами истощает.
О Рим! вся роскошь ваших алтарей
Богам бессмертным оскорбленье.
Кругом лишь ужасы, мученья,
Проклятья, стоны, звон цепей.
В сердцах у римлян нет пощады!
И от богов не будет им награды!
Сенат и римляне! я вас пришел молить:
Возьмите прочь от нас людей, что вы прислали!
Их жадность мы не можем утолить,
Что можно взять, они от нас все взяли,
И больше требуют. Мы все истомлены,
Бросаем города, в горах спасенья ищем;
Как дикие живем, без крова и без пищи;
Дрожим за жизнь свою, за честь своей жены.
Возьмите их от нас! в минуту нетерпенья
Над ними грянет гром отмщенья...
Пороки и разврат они несут с собой,
Ленивы, скупы и лукавы.
Что будет с бедною моей страной,
Когда привьются в ней их нравы?!.
Придя к вам в Рим, я только увидал,
Как жадности и лжи у вас здесь много:
Коль мало ты судье здесь в приношенье дал,
Так к правде для тебя потеряна дорога.
Сенат и римляне! я знаю, речь моя
Вам не покажется по нраву...
Я кончил. И готов к тяжелой смерти я:
Ее я заслужил по праву!"

И он склонился ниц, готовый смерть принять.
Но в изумленье все от резких слов правдивых,
И отклик он нашел среди судей справедливых:
Его велют поднять,
В награду делают патрицием, сменяют
Негодных преторов и, в посрамленье им,
Речь записать постановляют
Как образец ораторам другим.
Но речь лишь образцом осталась:
В сенате более такой не раздавалось.
А. Зарин.

Заимствована из сочинения испанского поэта Гвевара (Guevara), появившегося во французском переводе в 1575 г.; тот же сюжет в сочинении французского, писателя, переводчика Аристотелевой "Риторике" Франсуа Кассандра ((1695) "Исторические параллели". В сочинениях Марка Аврелия нет ничего о крестьянине с берегов Дуная, Лафонтен принял за правду выдумку Гвевары.

212. Старик и трое Молодых
(Le Vieillard et trois jeune hommes)
Старик садить сбирался деревцо.
-Уж пусть бы строиться: да как садить в те лета,
Когда уж смотришь вон из света!
Так, Старику смеясь в лицо,
Три взрослых юноши соседних рассуждали.
Чтоб плод тебе твои труды желанный дали,
То надобно, чтоб ты два века жил.
Неужли будешь ты второй Мафусаил?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебе ли затевать столь дальние расчеты?
Едва ли для тебя текущий верен час?
Такие замыслы простительны для нас:
Мы молоды, цветом и крепостью и силой,
А старику пора знакомиться с могилой.
-Друзья!-смиренно им отвечает Старик.
Издетства я к трудам привык;
А если оттого, что делать начинаю,
Не мне лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За труд такой еще охотнее берусь.
Кто добр, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тем я веселюсь,
Что если от него сам тени не дождусь,
То внук мой некогда сей тенью насладится,
И это для меня уж плод.
Да можно ль и за то ручаться наперед,
Кто здесь из нас кого переживет?
Смерть смотрит ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лиц?
Ах, в старости моей прекраснейших девиц
И крепких юношей я провожал в могилу!
Кто знает: может быть, что ваш и ближе час
И что сыра земля покроет прежде вас.
Как им сказал Старик, так после то и было.

Один из них в торги пошел на кораблях;
Надеждой счастье сперва ему польстило,
Но бурею корабль разбило,
Надежду и пловца - все море поглотило.
Другой в чужих землях,
Предавшись порока власти,
За роскошь, негу и за страсти
Здоровьем, а потом и жизнью заплатил.
А третий - в жаркий день холодного испил
И слег: его врачам искусным поручили,
А те его до смерти залечили.
Узнавши о кончине их,
Наш добрый Старичок оплакал всех троих.
И. Крылов.

Из сборника Абстемия (прим. к б. 24).

213. Мыши и Сова

(Les Souris et le Chat-huant)

Не надо говорить в беседе никогда:
"Послушайте меня: вот чудо, господа!"
Все ждут, - а чуда нет. Но вот повествованье
И впрямь диковинка. Прошу вниманья.
Чудесный, истинный, поверьте, случай мой,
Хоть может басенку напомнить он собой.
Срубили как-то в роще дальней
Сосну старинную, что сотни лет жила,
Угрюмый дом Сова - пророчицы печалей,
Которой Атропос предвиденье дала.
В пустом дупле сосны, средь прочих тварей
мирных,
Жила была семья безногих, но прежирных
Мышей:
Сова когда-то их в уродцев превратила,
А после зернышками хлебными кормила.
Сейчас увидите, что хитрая Сова
Была поистине разумна и права.
Охотилась она в былые годы;
Случилось ей Мышей поймать:
Мыши и Сова
Кто только выскочил, всех тотчас хватъ-похватъ,
И, чтоб не вырвались, лишила их свободы:
Им ноги всем оторвала.
Теперь их есть она могла,
Когда б ни пожелала.
Съесть сразу всех Мышей
Ведь вредно! Так Сова разумно рассуждала.
С предусмотрительностью мудрою своей
Шла, как и мы, она далеко:
И принялась она зверьков своих кормить,
Чтоб для себя их сохранить.
Ну, стал ли бы теперь упрямитесь жестоко
И приходить в азарт Декарт?
Решился б разве он Сову мою отныне.

Приравнивать к часам, к бессмысленной машине?
Что именно внушило ей
Кормить Мышей,
Перекалечив их сначала?
Уж если разума и здесь не признавать,
То что же разумом считать?
Сова логично рассуждала:
"Зверюги схваченные рвутся убежать.
Так, значит, всех их съесть приходится тогда же,
Когда они попались мне.
Но это тяжело и невозможно даже,
Притом о черном думать дне
Не лишнее. Кормить их буду в заключеньи,
Заботясь, чтоб народ плененный не утек.
Но как?-Оставлю их без ног".
Ну, отыщите-ка подобное явление,
Найдите что-нибудь логичней у людей!
Едва ли даже и бывает.
Такому же мышленью научает
Сам Аристотель нас со школою своей?
П. Порфилов.

Прим. Лафонтена: "Это не басня; как это ни удивительно и почти невероятно, но рассказанное здесь-действительное происшествие. Я, быть может, представил сову чересчур предусмотрительной, - я не претендую доказывать существование такого прогресса мысли в животных; но подобные преувеличения дозволительны в поэзии, особенно в принятом мною роде писания".

Эпилог

О муза светлая! У мирных берегов
Ты мне перелагала на язык богов
Все то, что твари Божии поют под небесами,
Что им подсказано шумящими лесами
И рокотом морей... Безмолвен был тот мир;
Но, пробужден тобой, наполнен звуком лир.
И может ли молчать что-либо во вселенной,
Когда в ней все имеет свой язык священный,
Красноречивее, звучней стихов моих?..
О, знаю я, что вял и слаб мой стих!
Но пусть он слаб, пускай и образы неверны,
Пусть очертанья их неясны и чрезмерны,
Я только путь открыл: другие пособят,
И вслед за мною путь широкий проторят!
Любимцы муз! К вам речь я ныне обращаю!
Вы довершите то, чего не довершаю:
Мне в вымыслах моих не суждено развить,
Что в ваше время вы, друзья, должны раскрыть.
Пока моей невинной музыки глас звучал,
Людювик мощно всех в Европе побеждал
Великих замыслов великий был конец.
В них, только в них, друзья, для ваших
песнопений,
Злой Парке вопреки, ищите вдохновений,
Чтоб ими сплесть достойному венец!

Н. Позняков.

Одиннадцатой книгой заканчивалось второе собрание басен Лафонтена; только спустя пятнадцать лет (в 1694) вышла его двенадцатая и последняя книга. Заключительные слова эпилога имели основание в фактах: после победоносных войн Людовик XIV, за год до выхода в свет басен с этим эпилогом, предписал Европе мир в Нимвегене.

214. Спутники Улисса

(Les Compagnons d'Ulisse)

Герцогу Бургундскому

О принц, предмет забот богов бессмертных!

Вам

Хотел бы воскурить и я свой фимиам;

И если поздно я являюсь с этой данью,

Мне годы и труды послужат к оправданию.

Слабеет разум мой, в то время как у вас,

Как это видят все, растет он каждый час.

Он не шагает, он летит, расправив крылья...

Таков же тот герой, который передать

Все качества свои сумел вам; без усилъя

В искусстве Марса всех он мог бы затмевать.

Будь только власть его, к победам над врагами

Он шел бы исполинскими шагами.

Чтоб сдерживать порыв его, есть некий бог:

То повелитель наш, который в месяц мог

Над Рейном торжество стране своей доставить.

В то время быстрота была нужна,

Теперь же безрассудной быть могла б она.

Но речи длинные приличней мне оставить:

Амуры, Радость, Смех выносят их едва;

При вашем же дворе все эти божества

Царят, хоть божества другие так же смело

Свой голос могут возвышать.

И Ум, и Здравый Смысл любое дело

У вас способны направлять.

Спросите ж их насчет события, где грекам,

По безрассудству их, подпасть

Пришлось под чар волшебных власть,

И стало зверем то, что было человеком.

Улисса спутники, успев за десять лет

Немало вынести бед,

По воле ветра плыли,

Не зная, что их ждет, покамест, наконец,

Они на берег не вступили,

Где солнца дочери, Цирцеи, был дворец.

Она отведать им дала напиток сладкий,

Но в нем опасный скрыт был яд:

Сначала разума остатки

От них он отнял, говорят,

Потом случилось так, что их черты и лица

Вид приняли другой, по образу зверей!

Глядишь,-один уж лев, тот слон, а тот лисица;

Иной дивил громадностью своей,

Другой, наоборот,

Величиною был не более, чем крот.
Один Улисс избегнул превращения:
Опасный яд он остерегся пить.
А так как с мудростью сумел соединить
Он вид, способный вызвать восхищенье,
И был притом еще герой,
То в ход волшебница пустила яд другой,
Хоть, впрочем, с прежним действовал он сходно.
Богиня может все открыть свободно,
Что прочие должны таить в тиши;
Она спешит излить пред ним порыв души.
Минутой пользуясь удобной,
Хитрец Улисс к богине держит речь
И просит в прежний вид товарищей облечь.
-Но, может быть, что милости подобной,
Так нимфа говорит, - никто не будет рад!
Не лучше ли узнать сперва их мнение?
Улисс им говорит: -Вам есть еще спасенье:
Утратить власть над вами может яд.
Друзья! людьми хотите ль стать вы снова?
На первый раз вам возвращают слово.
Лев, думая, что он рычит,
Кричит:
-Не так я глуп! И по каким причинам
Отрекся б я от вновь полученных даров,
Столь гибельных врагам когтей или зубов?
Теперь я всех сильней, в моем величьи львином
Я царь, - и стану вдруг Итаки гражданином!
Пожалуй, буду я опять солдат простой!..
Нет, убеждать меня-лишь труд напрасный.
Улисс бежит к Медведю: - Брат несчастный!
Что случилось с прежнею твоею красотой?
Что у тебя за вид ужасный!
-Ах! в этом-то и дело все?! - реветь
В ответ Улиссу стал Медведь
Что у меня за вид? Да вид вполне медвежий;
И нужно круглым быть невежей,
Чтоб утверждать, что больше красоты
Имеет внешность та, а не другая.
Как можешь по своей судить о нашей ты?
В глазах медведицы прекрасна и такая...
Тебе не нравлюсь я? Уйти отсюда прочь
Ты волен.
Живу я без забот, спокоен и доволен,
И быть всегда хочу таким же я точь-в-точь.
Царь греческий идет и к Волку с предложеньем,
И говорит, предчувствуя отказ:
- Товарищ! я узнал недавно со смущеньем,
Что юная пастушка сколько раз
Уж изливалась в жалобах пред эхом,
Твердя, что наступил конец ее утехам
С тех пор как устремил свой хищный глаз

Ты на ее овец и губишь их нещадно.
А прежде ты бы сам от гибели их спас...
Так жизнь твоя была честна тогда,
Что было на тебя глядеть отрадно.
Решишь же этот лес покинуть навсегда,
Из Волка стань ты человеком мирным.
-Скорбишь ты,-молвил Волк,-что я как
хищный зверь,
Одним лишь дорожу - кусочком жирным.
А, проповедуя, ты сам каков? Поверь,
Вы сами всех овец пожрали бы наверно,
Которых гибель так печалит вас безмерно.
И если бы пришлось мне человеком быть,
Я разве меньшую являл бы кровожадность?
Ведь все вы жаждете друг друга задушить,
Друг к другу в вас видна лишь беспощадность,
А голос жалости давным-давно умолк,
И человек для человека - волк!
В обоих нас я вижу лютость ту же,
Так как же тут решить, какой разбойник хуже?
Нет! изменять свой вид я вовсе не хочу!
Улисс к другим зверям пошел с такой же речью,
Увещевал и малых, и больших;
Но не желал принять никто из них
Вновь оболочку человечью.
Свобода следовать влеченьям, воля, лес,
Иной они не ведали отрады.
Порыв к делам высоким в них исчез.
Не зная для страстей преграды,
Они мечтали быть свободными во всем.
И что ж? - был каждый сам своим рабом!
Принц! верьте, у меня желаньем было главным
Смешать для вас полезное с забавным.
План этот был прекрасен, спору нет,
Хоть трудно было выбрать мне предмет.
На спутниках Улисса я вниманье
Свое остановил. Подобных им, увы!
Рождает много свет. В возмездие им вы
Направьте против них свое негодование.
Н. Юрьин.

Басня эта написана под влиянием Плутарха. -Людовик, герцог Бургундский, которому посвящена эта и следующая басни,-внук Людовика XIV, ученик Фенелона; родился в 1682 г., умер в 1712.

215. Кот и Воробей
(Le Chat et les deux Moineaux)
Родились Кот и Воробей,
Как будто по заказу,
На свет явившись сразу,
И с детства дружбою своей
Могли бы стать примером для людей:
Все общее у них - пенаты и забавы.
Воробушек, бывало, зоб надув,

Коту толкает в шею клюв,
А вора лапкою стряхает Кот лукавый,
И никогда его когтей
Не испытал наш Воробей.
Что Ваське вор? Его б он успокоил скоро;
Но дело в том,
Что добрым он хотел прослыть Котом
И всячески щадил плутишку-вора;
Сам скромн и умен, он все ему прощал,
Их игры никогда не обращались в ссоры.
И мирно с Васькой поживал
Воробушек-нахал,
Без вспышек, зависти и злости.
Случилось, что к ним другой явился в гости
Кот и Воробей
Воробушек и другом с ними стал.
Но как-то не поладила с ним птичка наша:
Вот клювом в клюв сцепились друзья,
И заварилась каша!..
-Ах, ты!.. -Да я тебя!.. -Да знаешь ли, что я...
-Как смеешь моего ты трогать Воробья?
Пришлец неведомый! - наш Кот тогда вскричал
И гостя растерзал.
-Однако,-говорит,-вкус воробьев недурен.
И к другу: - Ну, теперь и ты готовься, дурень...
Какое ж привести мне здесь нравоученье,
Чтоб сделать попопней мое произведенье?
Но, замечая в нем хоть некие черты,
Прошу, Монарх, пусть сам его выводил ты
Что так легко тебе, то музам скромным
Является подчас вопросом темным.

Н. Позняков.

Сюжет басни принадлежит, по-видимому, самому Лафонтену. Не без основания указывали (Флёр) на сходство этой басни с басней Крылова: "Котенок и Скворец".

216. Скупой и Обезьяна

(Du Thesauriseur)

Копил деньжонки некий человек.
Известно всем, что это заблужденье
До гнусного в иных доходит увлеченья.
Так о своих червонцах целый век
И этот думал без зазренья,
Себе устроив уголок,
Куда бы вор залезть не мог.
Скупой и Обезьяна
Тут с наслаждением (по-моему, - противным,
По нем - высоким) он копил, копил;
И дни и ночи счеты все сводил
Своим рублям и гривнам;
Но недочет в них он частенько находил.
И мудрено ль? Его же обезьяна
(Куда хозяина умней!)
Была причиною изъяна:

Она любила блеск червонцев и рублей,
Блеск благородного металла,
Когда, при свете солнечных лучей,
Через окно монеты в озеро бросала.
(И то сказать:
Хоть легкомысленно, хоть есть тут вероломство,
А все же лучше, чем пустое скопидомство;
И если их сличать,
Кому отдать, не знаешь, предпочтенье,
Чье благороднее и выше наслажденье).
Вот как-то раз она задумала принести
Сокровища все сразу в жертву водяному,
И множества монет не перечесть,
Что бросила она, пока хозяин к дому
Вернулся своему. По счастью, он
Тогда пришел, когда не все червонцы
Успели прихвастнуть своей игрой на солнце,
А то бы всем пришлось им быть, где Посейдон
Под утро слушает русалок тихий стон;
У скряги ж в сундуках все было б чисто...
Бывают и у нас такие финансисты.
Н. Позняков.

Сюжет заимствован у французского писателя Тристана Л'Эрмита ((1670), придворного вельможи, покровителя поэтов, занимавшегося историей и геральдикой.

217. Две Козы
(Les deux Chevres)
По жердочке чрез ров шла чопорно Коза,
Навстречу ей другая.
-Ах, дерзкая какая!
Где у тебя глаза?
Не видишь разве ты, что пред тобою дама?
Посторонись!
-Направо кругом обернись
Сама, а я упряма....
Да почему ты дама?
Такая же коза, как я.
-Как ты? Ты чья?
Ты шустера Абрама,
А я исправница! Исправник барин мой!
Майор! -Так что ж? И мой осьмого также класса,
Честнее твоего драбанта Брамербасса,
Да поумней, чем твой.
Абрам Самойлыч Блут, штаб-лекарь,
Всем лекарям у нас в губернии пример:
Он оператор, акушер,
Им не нахвалится аптекарь,
А твой Исправник-то головкой очень слаб,
В делах он знает меньше баб,
Лишь мастер драться с мужиками,
Дерет с них кожу он обеими руками.
Не правду, что ли, говорю?
Пойдем к секретарю

Иль к стряпчему, спроси. -Вот я ж тебя рогами.
-Есть роги и у нас; бодаемся мы сами.
Сошлись, нагнувшись, и стукнулись лбами.
Летит исправница, штаб-лекарша летит,
Летят вниз обе вверх ногами.
Ров преглубокий был; на дне лежал гранит,
Две Козы
Бух Козы об него, и поминай как звали!
Вороны с галками тут долго пировали.
Пустая, право, честь
Вперед идти иль выше сесть.
Что до меня, так я, ей-Богу,
Дам всякому скоту дорогу.
Признаться, я ведь трус:
Скотов и женщин злых особенно боюсь.
Измайлов.

Содержание этой басни в нескольких строках прозы было дано Фенелоном герцогу Бургундскому как тема для латинского сочинения. Это сочинение, исправленное учителем, хранится во французской Национальной библиотеке.

Герцогу Бургундскому
(просившему Лафонтена написать басню под
заглавием "Мышь и Кот")
Для Принца юного, кому, во имя Славы,
Перо мое алтарь в рассказах возведет,
Как сочиню я басню для забавы,
Носящую заглавье "Мышь и Кот"
Красавицы ли в ней я дам изображение,
К которой все сердца влюбленные влечет?
Она же, к мукам их не зная сожаленья,
Играет ими, словно Мышью-Кот.
Фортуну ль изберу стихов моих предметом?
Она друзей своих жестоко предает,
И чаще, чем ее подозревают в этом,
Играет ими, словно Мышью-Кот.
Иль будет выведен ее избранник мною,
Монарх, достигнувши могущества высот?
С сильнейшими из недругов порою
Он забавляется такую же игрою
Как с Мышью-Кот.
Но предисловие я продолжать не смею...
Ведь если избежать я не смогу длиннот,
Принц позабавится над Музою моею,
Как Мышью - Кот.
О. Чюмина.

218. Старый Кот и Мышонок
(Le vieux Chat et la jeune Souris)
Молоденький, неопытный Мышонок,
Чуть из пеленок,
Попался в когти старому Коту,
И так к нему взмолился в оправданье:
"Оставь меня... пусти... Какую тяготу
И для кого ты видишь от созданья

Такого слабого и хилого, как я?
Я ростом очень мал, так много ли изъяну
Хозяину от моего житья?
Велик ли вред его карману?
Нет, в тягость ни ему,
И в доме никому
Я никогда не стану:
Я с хлебной корочки сыта,
А с грецкого ореха уж толстею...
Оставь же, отпусти... Ну, что я для Кота?..
Я для котят лишь прелести имею:
Старый Кот и Мышонок
Детишкам ты своим меня прибереги".
А Кот в ответ: - Не лги!
Меня не проведешь подобными речами...
Глухих морочь! А старому Коту
Невмоготу
Прельщаться глупыми словами:
Мышонку от Кота смешно бы ждать пощады,
Мы Паркам помогать всегда и всюду рады;
Таков закон для вас, мышей,
И по таким законам
Под острием моих когтей,
Не для моих детей,
А мне поплатитесь своим последним стоном.
И слово Кот сдержал.
А к басенке моей
Вот что скажу я в добавленье:
Мне, право, юноша милей,
Мечтами юноша, надеждами живей,
У старцев же сердца черствеи,
И в них уже давно заглохло сожаленье.
Н. Позняков.

Из сборника Абстемия (прим. к б. 24). На русский язык басня переведена была Жуковским ("Старый Кот и молодая Мышь").

219. Больной Олень
(Le Cerf malade)

В стране, где множество оленей быстрых жило,
Один Олень однажды занемог.
И вот к нему друзей отвсюду привалило:
Кто повидаться с ним, кто дать совет, как мог,
Кто душу потянуть докучным утешеньем.
"Эх, господа! меня оставьте умирать,
Тут слабо зашептал Олень им.
Поверьте, вовремя сумеет оборвать
Мне жизни нитку Парка злая;
Меня томите только вы, рыдая".
Как бы не так! Больному исполать!
По правилам всю эту процедуру
Исполнили друзья и возвратились вспять.
Но даром унести свою оттуда шкуру
Не захотел никто (был, благо, болен сам),

И честь воздали так его лугам, лесам,
Что бедному одну оставили опушку.
Пришло хоть с голоду ложись да помирай!..
Так люди отдают за ястреба кукушку...
К тебе взываю я, к тебе из края в край,
О род людской! Тебе сказать хочу я,
Что тело ближнему и дух его врачуя,
Но награждая сам себя,
Едва ль ты действуешь любя:
Ты ищешь лишь себе поживы да забавы...
Но... тщетен мой призыв... О времена! о нравы!..
Н. Позняков.

Займствовано из книги "Esopre francois" Desmay (1677). Тот же сюжет у Локмана (прим.
к б. 19).

220. Летучая Мышь, Куст и Утка
(Le Chauve Souris, le Buisson et le Canard)
Однажды Мышь летучая и Утка,
Увидевши, что вовсе жизнь не шутка,
И придорожный Куст с собою прихватив
(Он также был не очень-то счастлив),
Чтоб сообща дела свои поправить
Торговлею, в союз вошли,
Конторы, факторов, агентов завели.
Сначала все у них как бы по маслу шло,
И состояние они могли б себе составить;
Но на беду их как-то занесло
В места опасные: овраги, буераки,
Где не пролезть бы и собаке,
И их товар в Аид попал,
Иль, попросту сказать, пропал.
Но о своих делах, чтоб не терять кредита,
Купцы должны молчать, хоть и ворчат сердито:
Расчет ли им свои убытки разглашать?
Так и компания, Мышь, Утка, Куст, сначала
О проторях своих таинственно молчала.
Но кредиторы с них молчания печать
Сорвали: вдруг, откуда ни возьмися,
Повестки в суд им понеслись.
Зовут... Пожалуйте!.. Проценты и должок!..
Осада у дверей с утра до поздней ночи,
Не стало бедным просто мочи...
Куда деваться им?.. Стал под водой нырок
Искать, не там ли их загублены товары;
Шныряет Мышь в подвалы и в амбары;
А Куст листвою проходим шелестит,
Прося сказать, где их товар сокрыт.
А чуть домой они - там полицейский
Уж тут как тут...
И был бы чистый им капут,
Когда б от лютости житейской,
Из той страны, где жизнь так нелегка,
Они не задали дерка.

Я знаю должников: они хоть не похожи
На Мышь летучую, на Утку и на Куст,
Хотя они придворные, вельможи,
Но их карман так безнадежно пуст,
Что, от своих спасаясь кредиторов,
Они не брезгают и щелями заборов.
Н. Позняков.

Заимствована из басен Эзопа.

221. Ссора Собак с Кошками и Кошек с Мышами
(Le querelle des Chiens et des Chats, et celle des Chats et des Souris)

Вражда всегда царила во вселенной,
Тому примеров - тьма кругом.
Стихии, подтвержденье в том,
Враждуют вечно, неизменно.
Но, кроме них, земные все творенья
Ведут борьбу. Среди людей,
Из поколенья в поколенья,
Вражда все яростный и злей.
Когда-то в общем помещеньи
Собрали Кошек и Собак.
Ни ссор, ни ругани, ни драк
Меж ними не было. Уменье
Хозяин дома проявил:
Он время все распределил
Для сна, еды, гулянья и забав,
А для порядка и расправ
Он пригрозил кнутом побить в любую пору
За всякую пустую ссору.
И вот, не зная ссор и драк,
Сплотилась семья из Кошек и Собак.
Примером дружба их была для всех кругом,
Но скоро кончилась она великим злом.
Никто не знает, что причиной ссоры было:
Кусок ли лакомый иль пара бранных слов
(Был слух, причиной послужило
Внимание ко псам во время их родов);
Какая б ни была причина, ссора эта
Поссорила полсвета.
Кто защищал Собак, кто Кошек, и скандал
Поднял на ноги весь квартал.
Юристы, вспомнивши хозяина уставы,
Решили, что все Кошки правы
И что Собак должно арестовать.
Тут в споре бросились устав искать.
Устава нет как нет,
Пропал его и след.
И вдруг узнали, что устав
Исчез, мышей добычей став.
Другое дело заварилось:
Мышам объявлена война,
И масса Кошек устремилась
В амбары, ярости полна.

Ловки, хитры и злы, мышей они ловили
И беспощадно всех душили.
Начну теперь опять сначала.
Под небесами не бывало,
Чтобы живая тварь, на суше иль в воде,
Не знала бы врага. Вражда царит везде.
Борьба без отдыха. Закон природы в том;
Причины этому - нам не понять умом.
Все хорошо, что сделал Бог, - я знаю,
А больше ничего не понимаю.
Да знаю я, что часто, спором вздорным
Начатая, вражда кончается грозой...
О люди! вас и в возрасте преклонном,
Не худо поучать спасительной лозой!..
А. Зарин.

Займствована из изданного в 1546 г. Haudent'ом собрания Эзоповых басен под заглавием: "Война собак, кошек и мышей"; в действительности басня не находится среди басен Эзопа.

222. Волк и Лиса
(Le Loup et le Renard)
Любой из нас судьбу клянет,
Как будто лучшей он достоин;
Хотел бы воином быть тот,
К кому питает зависть воин.
Хотелось волком быть Лисе,
Как говорят; а может статься,
И волки жаждут, хоть не все,
С овцами долей поменяться.
Но странно: принц, восьми лишь лет,
Для басни этот взял сюжет
И в прозе выразил так ясно,
Как я в стихах, седой поэт,
Пытался б выразить напрасно.
Я на свирели басни той
Здесь сделал перепев простой;
Быть может, свет он позабавит,
Но жду, что скоро мой герой
Трубу поэта взять заставит.
Пророком быть не мой удел;
Но по звездам прочесть успел
Я кое-что,-и полон веры,
Что натворит он славных дел,
И будут нам нужны Гомеры.
А где же в наши дни их взять?
Но чем сбивать читателей нам с толку,
Не лучше ли рассказ начать?
"Послушай, милый мой,-Лиса сказала Волку,
Ты знаешь сам, что на обед
Волк и Лиса
Таскаю я себе добычу втихомолку,
Которой хуже нет.
Уж надоело есть мне петухов поджарых,

Не вижу вкуса я и в курах старых.
Сытнее во сто крат твоя еда,
И безопасней промысел твой, право.
Я вечно близ жилищ, - ты их бежишь всегда.
Хотела б твоего изведать я труда...
Товарищ! поучи меня. Поверь, что слава
Нас ждет, и обо мне везде заговорят,
Коль первой из лисиц барашка я добуду.
Услуги же твоей вовек я не забуду".
- Пойдем,-ответил Волк, - я очень рад.
А так как у меня недавно умер брат,
То волчью шкуру дать могу тебе я.
Волк стал учить Лису: - Вот надо делать как,
Чтобы от стада удалить собак.
И в новой шкуре, рвением к делу пламенея,
Лиса, учителя приняв за образец,
Твердит его урок. Сначала вышло худо,
Там, смотришь, лучше, лучше все, - покуда
Не удалось все постичь ей наконец.
Едва к концу пришло ученье,
Навстречу ей идут прямехонько стада.
Распространяя ужас и смятенье,
Наш новый Волк бежит туда...
Так точно страх нагнал на город осажденный
Патрокл, в Ахилловы доспехи облеченный:
Все - от детей и жен до стариков
Искать спасенья к храму устремилось.
Казалось, что десятков пять волков
Пред блеющим народом появилось.
К деревне все бегут - псы, стадо и пастух,
Оставивши в залог одну овцу; воровка
Уже схватить ее успела ловко,
Как вдруг невдалеке запел петух.
И с увлечением невольным
Наш ученик
Бежит на петушиный крик,
Расставшись с платьем школьным,
Забыв учителя, забыв его урок.
Хотя надеть личину и не трудно,
Но есть ли в этом прок?
Мечтать переменить природу - безрассудно:
Лишь стоит случаю прийти,
И мы по прежнему направимся пути.
Принц! вашему уму, которому едва ли
Найдется равный где, обязан всем поэт:
От вас заимствовал не только он сюжет,
Но все - от диалога до морали.
Н. Юрьин.
Сюжет басни находится в "темах" герцога Бургундского (прим. к б. 217).
223. Рак и его Сын
(L'Ecrivresse et son Fils)
Нередко, наподобье рака,

Мудрец иной
Назад все пятится; и к цели он, однако,
Подходит... повернувшись к ней спиной.
Не так ли и матросы в гавань входят?
И так же многие, чтоб скрыть свой план,
Противника искусно вводят
В обман
И устремляют взор притворно
Не к цели, что они преследуют упорно,
А к стороне другой.
Предмет сей басни мал, а велико вступление;
Но применить его могу я, без сомненья,
К тому, кто, как герой,
Наполнив мир своих деяний славой,
Один расстроить мог союз стоголавый.
Лелеет ли какой он замысел иль нет,
Сначала тайна то, а после ряд побед.
Нельзя проникнуть в то, что он таит глубоко,
Так точно, как нельзя веленьям рока
Наперекор идти:
Он, как поток, все сносит по пути;
Юпитер сто богов осилить может сразу.
Людовик и Судьба, в согласи меж собой,
Увлечь способны мир. Но перейдем к рассказу.
Рак Сыну сделал раз упрек такой:
-Как ходишь ты! Творец! Неужто ровным ходом
Ходить бы ты не мог?
-А сам ты ходишь как?-в ответ ему Сын.
И как мне быть в семье своей уродом?
Коль криво ходят все в моем роду,
Так как же прямо я один пойду?
Он прав, конечно: видим мы повсюду
Домашнего примера силу. Знать, таков
Закон; он и к добру ведет, и к худу,
Плодит и умников, и дураков
(Последних больше, к сожаленью).
Теперь, когда вернуться ко вступленью
Приходится вторично мне,
Скажу, что поворачиванье тыла,
Полезно, - особенно на войне;
Но надо, чтоб оно, конечно, кстати было.
Н. Юрьин.

Из басен Эзопа и Автония (прим. к б. 137). Басню отдаленно перевел на русский язык Сумароков ("Два Рака").-От замены Дочери Рака Сыном, более отвечающей характеру русской жизни, смысл басни несколько не страдает.

224. Орел и Сорока

(L'Aigle et la Pie)

Пространств воздушных царь, для отдыха избрав

Равнину, направлялся к ней, а недалёко

Летела также и Сорока.

Меж ними и язык, и ум, и нрав,

И даже одеянье - все различно.

И вот столкнулись они лицом к лицу.
Сорока к своему концу
Уже готовилась; Орел же - тот, отлично,
Как видно, пообедавши, был сыт,
И успокоить он бедняжечку спешит.
"Отправимся, - он говорит ей, - вместе;
Мне будет веселей с тобой вдвоем.
Коль скоро царь богов со скукою знаком,
Хоть он царит над миром, то по чести
Тебе скажу,
Могу скучать и я: ведь я ему служу.
Ты можешь говорить со мною смело".
Сорока принялась судить и вкривь, и вкось,
О том и о другом, - о всем, о чем умела.
Развязней быть едва ли б удалось
И болтуну Горация, который
Речь обо всем вести готов был на авось.
Она Орлу отчет представить скорый
Согласна обо всем:
Повсюду прыгая, своим разнюхать носом
Она могла бы все, чтобы потом
К Орлу пожаловать с доносом.
Но на нее с презреньем посмотрев,
Орел, едва сдержавши гнев,
Сказал ей: "Сплетница! оставь меня в покое!
Не надобно для моего двора
Орел и Сорока
Создание болтливое такое:
В таких, как ты, не вижу я добра".
Сорока прочь летит, - она и тем довольна.
Не так-то просто жить поблизости к богам;
Хоть честь и велика, но достается больно
Порою сплетникам, лгунам, клеветникам.
Тот, кто под видом кротким и приветным
В душе скрывает злость, там нелюбим никем.
А все же там, как и сорокам, всем
Не худо платьем запасть двухцветным.
Н. Юрьин.
Из сборника Абстемия (прим. к б. 24).
225. Король, Коршун и Охотник
(Le Roi, le Milan et le Chasseur)
Принцу Конти
Безмерна доброта богов! и вот они
Хотят, чтоб и царям была она сродни.
Из прав царей всего завидней - снисхожденье,
А не простор и власть свое насытить мщенье.
Так думаете, принц, и вы. Родившись, гнев
Угаснуть тотчас же у вас имеет свойство.
Ахилл был в гневе дик; осилить не сумев
Порыв свой, меньше вас он выказал геройство:
Героем зваться тот достоин из людей,
Кто сеет, как во дни золотого века,

Добро вокруг себя. Мы в наши дни скромней:
Лишь удержать от зла себя сумей,
И славим мы уже такого человека.
Но вы не таковы: вам смело по делам,
Исполненным добра, воздвигнуть можно б храм.
Вас собирается воспеть на лире
Сам Аполлон, страны высокой гражданин.
Вас боги ждут в чертог свой: век один
Предоставляется прожить вам в этом мире.
Пусть Гименей весь век пребудет возле вас,
Пусть радостей своих вам ниспошлет запас
И будет жребий ваш от всех других отличен
И только времени полетом ограничен.
Принцесса, как и вы, достойна доли той:
Свидетельствуюсь в том ее я красотой,
В свидетели беру и качеств ряд чудесных,
Которым, кажется, нигде подобных нет;
Но эти качества, по воле сил небесных,
Вас украшают с юных лет.
Когда мы к ним еще Бурбонов ум добавим,
То ясно станет всем, что тот, кого мы славим,
Все, что должны мы чтить, сумел соединить
Со всем, что надобно любить.
Но перед славных дел и качеств вереницей
Смолкая, я хочу к рассказу приступить
О том, что сделано одною хищной птицей.
Однажды в вековом гнезде
Поймал Охотник Коршуна живого;
А так как редки Коршуны везде,
То случая удобного такого
Не упустил Охотник: поскорей
Бежит он к Королю и в дар подносит птицу.
Тогда, коль нам не небылицу,
А правду повествуют в басне сей,
Вдруг Коршун, вырвавшись, со злобой
Вцепился в королевский нос.
"Как? был задет король?"-Да, собственной особой!
"Так, значит, - зададут вопрос,
Без скипетра он был и без короны?"
Не все ль равно? К чему вопрос пустой?
Ведь еі?іеаапкие нос был принят за простой.
Пытаться передать придворных крики, стоны
И воздыхания - напрасный был бы труд.
Остался лишь Король один спокоен:
Шум неуместен был бы тут
И Короля, конечно, недостоин.
А птица все сидит; ни на единый миг
Никто ее отлет не мог ускорить.
Хозяин в ужасе, он поднимает крик,
То манит, то грозит-что толку с птицей спорить?
Могло случиться так, что прочь
Проклятое созданье это

Не пожелало б улететь и до рассвета
И на носу провесть собралось бы всю ночь.
Казалось, от помех в нем разрасталась злоба.
Но вот оставило оно, однако, нос.
Король сказал: "Пускай уходят с миром оба,
И Коршун, да и тот, кто мне его принес.
Ведь кстати ли, некстати ль,
Из них свою исполнил каждый роль,
Как Коршун, - этот, тот, - как леса обитатель.
А я... я должен знать, как действует Король,
И избавляю их от наказания.
Двор в восхищении, и Короля ответ
Все хвалят как пример, достойный подражания,
Хоть подражать ему у них охоты нет.
И королей нашлось бы верно мало,
Которых бы такой пример увлек.
Так для Охотника опасность миновала.
Он с птицей заслужить один могли упрек:
Им было правило доньше незнакомо,
Что близость к господам опасностей полна;
Они среди зверей лесных лишь были дома.
Что ж? разве так ужасна их вина?
Пильпая вымыслу поверя,
Прибавлю я еще на этот счет,
Что дело было там, где Ганг течет.
Там человек пролить не хочет крови зверя,
И даже короли в них признают друзей.
Кто скажет нам, - давно прошедшею порою
Та птица хищная не осаждала ль Трою
И не была ль в числе героев иль князей,
Притом же, может быть, еще и самых знатных?
А в будущее чей проникнет взор?
Он может тем, чем был в веках он невозвратных,
Стать вновь. Мы верим, как и Пифагор,
Что суждено зверей нам принимать обличье:
Стать коршуном иль голубком,
И, человечье изменив на птичье,
Обзавестись семьей воздушной и родством.
Я об Охотнике рассказ еще иначе
Слышал; гласит он так:
Сокольничий поймал раз Коршуна; удаче
Нежданной радуясь, бедняк
Подносит Королю диковинку такую:
Подобный случай раз бывает в сотню лет,
И средь сокольничих он зависти предмет.
Придворных растолкав толпу густую,
Охотник наш так рвеньем увлечен,
Как никогда доселе не был он.
Ведь он не просто дар принес, а совершенство,
И уж возможного в сем мире ждал блаженства.
Но птица, зная, была еще дика:
Когтями крепкими, как будто бы из стали,

Она хватается за нос бедняка.
Он стал кричать; все хохотали,
Король и двор; и как сдержать тут смех?
Я б ни за что своей не уступил здесь части.
Что папа может в смехе видеть грех,
Не спорю. Но когда б Король лишен был власти
Смеяться, то, на мой, конечно, взгляд,
Быть счастливым мог бы он навряд.
Смех даже и богам дает отраду,
И, несмотря на множество забот,
Юпитер, а за ним бессмертных весь народ,
Смеялся, как гласит преданье, до упаду,
Когда, хромя, пить поднес ему Вулкан.
Разумно ли иль нет здесь боги поступали,
Но кстати изменил я басни план,
И если в баснях дело все в морали,
То много ль из нее мы нового узнали?
Ведь с древности до наших дней
Всегда бывало больше, без сомненья,
Глупцов сокольничих, чем королей,
Которым было бы не чуждо снисхожденье.
Н. Юрьин.

Сам Лафонтен называет автором этой басни Пильпая, т. е. Бидпая (прим. к б. 140); но басня индийского мудреца, на которую он ссылается, имеет с ней мало общего. -Принц Людовик Франциск Конти (1664-1709), которому посвящена басня, был другом и покровителем Лафонтена.

226. Лисица, Мухи и Еж
(Le Renard, les Mouches et le Herisson)
Раз хитрую и ловкую Лисицу,
Лесных трущоб старинную жилищу,
Охотник ранил. Та, спасаясь от беды,
И в бегстве лишь ища себе защиты,
Упала в грязь; на крови же следы
К Лисе крылатые слетелись паразиты,
Носящие у нас названье Мух.
Свою судьбу клянет Лисица вслух:
За что ей послано такое огорченье,
Живою отданной быть Мухам на съеденье?
"Как! мне их жертвой стать! Ведь из лесных
зверей
Я всех искусней и хитрей!
Давно ли стала я таким желанным блюдом?
И для чего мне дан мой хвост?
Ужель он превратился чудом
В тяжелый и ненужный мне нарост?
Скорее сгинь, зверек презренный из презренных!
Иль мало тварей есть ничтожных и смиренных?
Зачем ты к ним не пристаешь?"
Тут живший по соседству Еж
(В моих стихах лицом является он новым)
Лисице пожелал помочь; и вот
Грозит он истребить прожорливый народ.

- Ведь стоит иглам лишь работу дать ежовым,
И плохо твоему достанется врагу.
Охотно я тебе, соседка, помогу.
-Ах, что ты! - говорит Лисица другу,
Плохую ты окажешь мне услугу.
Оставь их кончить свой обед:
Они уж сыты все, - на смену им, другая,
Еще прожорливей, могла б явиться стая.
В таких созданных недостатка нет,
Влеченью жадности одной покорных;
Мы среди чиновников их сыщем и придворных,
Коль скоро, Аристотелю вослед,
Мы применим смысл басни этой к людям.
Особенно найдем их много мы, коль будем
Искать в стране своей....
Их стая тем спокойней, чем сытей.
Н. Юрьин.

Басня заимствована из Риторики Аристотеля, который приписывает ее Эзопу.

227. Амур и Безумие

(L'Amour et la Folie)

В Амуре все о тайне говорит:
И факел, и колчан его, и стрелы,
И детский вид.
Мы были бы, пожалуй, слишком смелы,
Когда б задумали, начав издалека,
Исчерпать сей предмет во всем его значеньи.
Я лучше расскажу про приключенье,
Которое несчастного божка
Заставило свое утратить зренье.
Своим я складом речь об этом поведу;
А можно ли его постигшую беду
За благо счесть для нас, влюбленный пусть
рассудит:
Здесь мненья моего не будет.
Амур с Безумием играли вместе раз
В те дни, когда еще лишен он не был глаз.
Они заспорили. Для разрешенья спора
Амур совет богов созвать готов;
Безумье ж, потеряв терпенье скоро,
Ударило его - и был удар таков,
Что больше не видать уже Амуру света.
Венера об отмщении вопит:
И Женщина, и мать, она про дело это
Повсюду громко так кричит,
Что и Юпитер сам, и Немезида,
И судьи адские, ну, словом, весь их круг,
От крика ошалели вдруг.
Послушаешь ее, так велика обида:
Без палочки ее сынок
Теперь ни шагу уж не ступит.
В чем он отраду бы найти отныне мог?
И чем Безумие вину свою искупит?

Все было взвешено у жителей небес,
И польза общая, и частный интерес;
И после долгого раздумья
Сошлись на решении все таком:
Навеки присудить Безумье
Божку любви служить проводником.
Н. Юрьин.

Содержание басни-у собирателя басен Федра, новейшего латинского поэта, иезуита Жана Коммир (1625-1702), профессора теологии, сделавшегося известным своим "сборником латинской поэзии" (1678), а также у французской поэтессы Луизы Лаббе (1526-1566), в ее аллегорическом сочинении "Спор Любви и Безумия". Лаббе, прозванная по мужу, имевшему в Лионе канатную фабрику, "прекрасной канатчицей", прославилась в свое время между прочим тем, что в мужском костюме участвовала в осаде Перпиньяна.

228. Ворон, Газель, Черепаха и Крыса
(Le Corbeau, la Gazelle, la Tortue et le Rat)
Г-?е де ла Саблиер
Я вам мечтал в стихах воздвигнуть храм,
Хотал, чтоб он, как мир, был долговечен.
Успех мне был искусством обеспечен,
Которым мы обязаны богам,
И именем богини той, что в храме этом
Была бы поклонения предметом,
Над входом начертал бы я слова
Такие: "Здесь дворец священный божества:
Одной Ириды здесь царят законы",
Хотя совсем не той, что служит у Юноны.
Ворон, Газель, Черепаха и Крыса
Не только что Юнона, - царь богов
Ириде этой сам служить бы был готов.
На своде, -чтоб покрыть богиню вечной славой,
Представил бы Олимп я величавый,
Ирида же среди всех сияла бы в лучах.
Изобразил бы жизнь ее я на стенах.
Любезней отыскать не мог бы я предмета,
Хотя событий здесь таких и не найти,
Что потрясти могли бы страны света,
Иль к разрушенью царств великих привести.
А в глубине дворца ее изображенье
Стояло бы: я отразил бы в нем
Ее черты, улыбку, выраженье,
Все, чем она приводит в восхищенье,
И чем пленяет всех, не думая о том.
Не только смертных я, - героев, полубогов
Представил бы у ног ее... богов самих!
Что поклоненье вызывает у других,
То ей приносит дань среди ее чертогов,
Пред алтарем ее священным. Из очей
-Хоть их изобразить мне было б очень трудно
Ее душа должна светиться чудно,
Безмерно нежная, - но только для друзей.
Однако выразить всего трудней, не скрою,
Ее небесный ум, что сочетать сумел

Всю прелесть женскую с мужскою красотою.
О ты, Ирида! ты, богиня, - чей удел
Распространять на всех свое очарованье,
Кого, как и себя, естественно любить
(Хоть при дворе твоим слова любви в изгнании,
Но их, в значении другом, употребить
Решаюсь я), позволь когда-нибудь поэту
Осуществить в стихах затею эту.
Подробно изложил я мысль ее и план,
Чтобы украсить тем свое повествованье,
В котором образец высокий дружбы дан.
Нехитрый мой рассказ твое вниманье
Сумеет, может быть, привлечь.
Здесь о царях идти не будет речь:
Но если кто-нибудь тебя пленить и может,
Так это не король, в котором сердца нет,
А смертный,-но такой, что жизнь свою положит
За друга... Ах, таких рождает мало свет!
Пусть четверо зверей, живущих дружно,
Послужат для людей примером, если нужно.
Союз составив, Ворон и Газель,
Да Крыса, да в придачу Черепаха
Друзьями жили и не знали страха.
Убежище их верное досель
Спасало их от глаз нескромных.
Но можно ль от людей укрыться вероломных?
Где ни скрывайся ты,
В пустыне ли, на дне ли океана,
Иль средь небесной высоты,
Все ж не избежнешь поздно или рано
Ты их сетей.
Газель резвилась раз среди дубравы,
Как вдруг орудие проклятое людей,
Рожденное служить для их забавы,
-Сказать короче, пес - ее разнюхал след.
Газель - бежать. А Крыса-та, в обед,
Друзьям сказала так: "Что б значило такое,
Что нас сегодня только трое?
И неужель
Успела нас забыть уже Газель?"
Но Черепаха ей: "Когда б, как Ворон, крылья
Имела я, - тогда
Я приложила б все усилия,
Чтобы узнать, что за беда
Вдруг приключилась с Газелью быстроногой.
В сужденьях о сердцах друзей
Я б не была такою строгой".
Тут Ворон в путь собрался поскорей
И видит издали еще он, как тревожно
Газель в ловушке мечется, куда
Она дала себя завлечь неосторожно.
Как, почему беда случилась и когда

Не спрашивал он с миной сердобольной,
Как сделал бы иной учитель школьный,
Он здраво о вещах судить умел,
Итак, скорей домой он полетел.
Составили совет друзья и в путь-дорогу
Хотят пуститься двое на подмогу
К подруге бедненькой. - "А Черепаху дом
Стеречь оставим мы; ползя с таким трудом,
Наверно добежит она до цели
Тогда, когда в живых не будет уж Газели".
Так Ворон порешил и с Крысой в тот же час
На помощь к Козочке они помчались горной.
И Черепаха следом поплелась
И плакалась она, в печали непритворной,
На то, что не дано ей длинных ног,
И что таскать с собой ей нужно вечно
Тяжелый свой домок.
Грызунья (так звалась Крыса - и, конечно,
Недаром) сумела перегрызть силок.
Их радость описать едва ли кто бы мог.
Пришел охотник. - Кем похищена пожива?
Запряталась Грызунья тут в дыру,
На дерево взобрался Ворон живо,
Газель же притаилась в бору.
Охотник чуть с ума не сходит:
Добычи нет как нет!
Вдруг Черепаху он находит;
Доволен он, - готов ему обед.
"О чем же,-думает он,-стал бы я крушиться?"
И Черепаху он кладет в мешок.
Не ведая сама, какой за ней грешок,
Готовилась она за всех уж расплатиться.
Но Ворон к Козочке летит,
Про все доносит ей. Оставивши засаду,
Прикинулась Газель хромой. Ей, словно кладу,
Охотник рад и вслед за ней спешит;
Мешок тяжелый он бросает, как помеху.
Грызунья в нем прореху
Прodelать поспешила той порой,
И, выпустивши пленницу оттуда,
Скорее прочь торопится с сестрой,
Из коей в мечтах себе охотник мой
Готовил лакомое блюдо.
Так дело рассказал Пильпай. Коль Аполлон
На помощь бы ко мне пришел, то, думать надо,
Что так же был бы мой рассказ длинен,
Как Одиссея или Илиада.
Грызунья бы была, конечно, мой герой,
Хотя здесь, впрочем, роль для каждого готова:
Дитя "Неси свой дом" такое держит слово,
Что Ворон полетел стрелой
Сперва разведчиком, а после с донесеньем;

Газель, охотника искусным завлеченьем,
Дала Грызунье срок
Прогрызть мешок.
Так, появившись в должное мгновенье,
Работу каждый выполнил свою.
Кому ж отдать здесь предпочтенье?
Что до меня, я сердцу отдаю!
Чего не совершим из дружбы мы? По праву
Должны воздать мы больше чести ей,
Чем чувствую, что слывет любовью у людей,
Хоть, впрочем, каждый день ему во славу
Слагаю песни я... Но, ах! душе моей
Оно блаженства не приносит никакого.
Вы цените одну сестру любви, и вот
Ее на все лады теперь мой стих поет.
Кумир мой был Амур, но я избрал другого,
И славу по миру спешу о нем разнести
И в честь его, и в вашу честь.

Н. Юрьин.

Займствована у Бидпая (прим. к б. 140). -О г-же Саблиер, которой посвящена басня, см. примеч. к б. 189.

229. Лес и Дровосек
(La Foret et le Bucheron)
Какой-то Дровосек сломал иль потерял
Свой топорище. Что за диво!
Когда бы лес себя не охранял,
Беду поправил бы он живо.
И лес он начал умолять,
Позволить осторожно взять
Ему лишь ветку небольшую,
Чтоб к топору приделать рукоять другую.
На заработок он отсюда-де уйдет,
Пусть этот лес спокойно здесь растет,
Пусть сосны и дубы цветут здесь на просторе...
Лес сжалился над ним и дал, себе на горе,
Орудие ему. Топор опять готов,
И Дровосек без дальних слов,
Как прежде, вновь вооруженный,
Тот Лес рубить нещадно стал,
И Лес несчастный застонал,
Своим же даром пораженный!
Таков весь свет; случается подчас,
Сумеют обратить ваш дар противу вас.
Я говорить устал об этом! Иль бесплодно
Мы все грустим, что все, что чисто, благородно
Всегда добычей станет зла!
Увы! напрасен крик и тщетны речи эти,
Неблагодарность, как была,
Все тою же останется на свете.

Ф. Зарин.

Займствовано из Федра. На русский язык басня переведена была Сумароковым ("Топорище").

230. Лисица, Волк и Лошадь
(Le Renard, le Loup et le Cheval)
Лисице, молодой, но хитростей запас
Всегда имевшей наготове,
Коня пришлось увидеть в первый раз.
Вот к Волку с вестью той бежит она сейчас,
Которому еще все было внове.
Она кричит: "Беги скорей!
Прекраснейший из всех зверей
Пасется в поле.
Ах, что за рост! что за краса!
Залюбовалась им я поневоле".
"Сильней ли он, чем Волк или Лиса?
Смеясь, промолвил Волк.-Друг! сделай одолжение,
Дай мне его изображение".
"Когда б могла владеть я кистью иль пером,
Ответила Лиса, - его все совершенства
Изобразив, таким путем
Я предвосхитила б твое блаженство.
Уж не судьба ль сама нам, куманек,
Здесь посылает лакомый кусок?"
Они пошли. Увидев их отвагу
И не желая заводить таких друзей,
Уж Лошадь собралась было дать тягу.
"Сударыня! - Лиса сказала ей.
Мы ваши всепокорнейшие слуги,
И просим об одной лишь вас услуге,
Чтоб ваше имя нам открыли вы".
Однако не совсем была без головы
И Лошадь, и в ответ им: "Что ж! прочтите!
Его сапожник мой проставил на копыте".
Лисица на безграмотство свое
Сослалась, лучшей ей не надо отговорки.
Лисица, Волк и Лошадь
"Родители мои бедны, и их жильё
Все состоит в одной лишь жалкой норке.
Где было им учить еще меня!
У Волка же все знатная родня,
Так для него и грамота не тайна".
Волк речью той польщен необычайно.
Вот он приблизился, вот уж читать готов...
Но не прошло ему тщеславье это даром,
И четырех лишился он зубов;
На землю Конь его свалил одним ударом.
Вот он лежит в крови, истерзан и помят;
Лиса к нему подходит: "Брат!
Я вижу, что совет не ложен,
Который слышала от умных я людей;
Зверь записал его на челюсти твоей:
"Будь с тем, чего не знаешь, осторожен".
Н. Юрьин.
Из басен Эзопа. Тот же сюжет в одной из сатир Ренье (прим. к б. 93).

231. Лиса и Индюшки

(Le Renard et les Poulets d'Inde)

Индюшки от Лисы спасались как-то раз.
И дерево избрали крепостью. Лиса же
Оплот их обошла кругом, и тот же час
Успел ее заметить зоркий глаз,
Что все враги на страже.
Лисица в гневе": "Как! меня поднять на смех!
Один лишь у меня закон для всех,
Так почему ж они составят исключенье?
Нет! этого не будет!" И она
Лиса и Индюшки
Сейчас свой план приводит в исполнение,
Хотя, как бы назло, светила так луна,
Что каждый шаг Лисы врагами замечаем.
Но для нее вести осаду не впервой,
И хитростей запас у ней неисчерпаем:
Злодейка притворяется порой,
Что хочет приступом взять грозные твердыни,
Потом, глядишь, она расшиблась, умерла
И - снова ожила;
Ну, словом, вряд ли бы нашлось и в арлекине
Уменья более представить вдруг
Так много разных штук.
Своим хвостом она и так, и сяк виляет,
И он блестит от месячных лучей...
Плутовка тысячью подобных мелочей
Врагов вниманье утомляет
И не дает сомкнуть очей,
Держа их в напряженьи тяжком.
Так диво ль, что пришлось невмочь уже бедняжкам?
Вот падает одна, за ней другая вслед,
Перед Лисой они свои искупят вины!
Вот пало, наконец, их больше половины...
Надолго кумушке их хватит на обед!
В предосторожности излишек рвения
Нередко гибель нам сулит, а не спасенье.
Н. Юрьин.

232. Обезьяна

(Le Singe)

В Париже проживает Обезьяна.
Едва лишь ей дана была жена,
Как, в подражание иным мужьям, она
Бить принялась бедняжку рьяно.
Та только охала, - знать, нрав ее был тих,
И вот уж нет ее в живых.
Печалится их сын, хоть выражает странно
Свою печаль: кричит он без конца;
Но это лишь смешит отца.
Жена его мертва, другую он желанной
Теперь зовет
И, кажется, по-прежнему же бьет.

В притонах время он проводит безобразных
И пьет нередко с ночи до утра.
От подражателя не ждите вы добра,
Будь обезьяна он иль автор книжек разных.
А впрочем наш собрат
Порою хуже во сто крат.
Н. Юрьин.

В басне намек на какого-то плагиатора того времени; для современников она должна была представлять интерес для нас утраченный.

233. Скифский Философ
(Le Philosophe Scythe)

Когда-то в Скифии Философ жил суровый.
Почувствовав влечение к жизни новой,
Он греков край привольный посетил.
Там встретился ему Мудрец, который был
Во всем воспетому Virgiliem подобен;
Он равен был царям, он близок был к богам,
Как и они, спокоен и незлобен.
Посвятив себя деревьям и цветам,
Он другого не искал себе благополучья,
Как украшать свой сад, и в этом уголке
Наш Скиф его нашел; с дерев плодовых сучья
Подрезывал Мудрец с ножом в руке,
Везде ненужное снимая;
Так расчищал усердно сад он свой,
Где надобно, природу поправляя,
Платившую за то ему с лихвой.
"К чему, -так Скиф спросил, -такое разрушение?
Достойно ль мудреца
Уродовать здесь все без сожаленья?
И без того в свой час дождетя все конца
И к мрачным берегам умчится слишком рано.
Оставь же лучше нож, орудие изъяна,
Пусть времени коса одна лишь здесь разит".
И слышит он в ответ: "Все лишнее вредит,
И лишь затем гублю я здесь иное,
Чтоб расцвело еще пышнее остальное".
Вот, в край свой сумрачный вернувшись, Скиф
берет
Нож острый в свой черед;
Не только сам кругом все режет он и рубит,
Но слышат от него соседи и друзья
Про благодетельность стального лезвия;
Все ветви лучшие он на деревьях губит,
И все ему равно, что осень, что весна,
Что старая, что новая луна,
Без толку он свой сад уродует плодовый.
Все вянет, гибнет все... Точь-в-точь, как этот
Скиф,
И стоик действует суровый:
В душе своей искоренив
Порывы все страстей, все доброе и злое,

Он пред скромнейшими желаньями дрожит,
И их бежит.
Но мне не по душе усердие такое:
Такие люди из сердец
Изъемяют главные пружины,
И человек еще задолго до кончины
Уже мертвец.
Н. Юрьин.

Займствовано из "Аттических ночей" латинского писателя II в. по Р. Х., грамматика и критика Агелия (собственно Аул-Геллий - Aulus Gellius).

234. Слон и Обезьяна Юпитера
(L'Elephant et le Singe de Jupiter)
Слон с Носорогом с давних пор
Из-за владений спорили с упорством,
И, наконец, решили кончить спор
Единоборством.
Для боя выбран день. И вот приходит весть,
Что от Юпитера явилось в эти страны
Посольство, в виде Обезьяны,
Что у нее в руках и жезл посольский есть.
Та Обезьяна, как вам может всякий
Историк подтвердить, звалась Кривлякой.
Безмерной гордости исполнился наш Слон:
К кому ж, как не к нему, столь пышное
посольство?
Своим величием и славой упоен,
В одном лишь видит он предмет для недовольства,
Что грамот не вручил ему гонец
И не торопится с приходом.
Но вот Кривляка как-то мимоходом
Поклон Слоноу отвесил наконец;
Слон ждет, что у посла и речь уже готова,
Но тот - ни слова!
Знать, небеса потрясены
Извешьем о делах Слона не очень сильно;
А может быть и то, что для небес равны
И мухи, и слоны.
Слон сам уж начинает речь умильно:
"Юпитер, мой собрат,
Конечно, очень рад,
Что с трона высоты увидит он сраженье,
В присутствии двора и знатных всех особ.
На славу будет бой..." Посол нахмурил лоб.
"Что за сражение?" - он молвил в изумленьи.
А Слон, речам свободу дав:
"Как! вы не знаете про наши приключенья?
Ведь Носорог моих признать не хочет прав.
Страна Слоновая, такой наскучив ложью,
Стереть с лица земли поклялась Носорожьёю.
Ведь слышали же вы об этих царствах двух?
О них идет повсюду слух..."
"Я рад, что о Слонах и Носорогах,

В ответ посол, - узнал хоть что-нибудь.
Так мало говорят о них у нас в чертогах".
"Но если так, куда ж держали вы свой путь?"
Слон вымолвил, слова услышав роковые
И от стыда сгорев. "Да нес пучок травы я
Для муравьев;
За тем и послан был из наших я краев.
О вас же у богов совсем не слышно даже:
Что малым, что большим-у них цена все та же".
Н. Юрьин.

Разговор Обезьяны со Слоном напоминает анекдотический случай с Цицероном, описанный Плутархом со слов самого же Цицерона. Возвращаясь из Сицилии, гаа он был квестором, Цицерон встретил в Кампании одного римлянина, которого считал своим приятелем. Убеденный, что в Риме много говорят о нем, он спрашивает, что думают о нем и о его деятельности. "А где вы были все это время, Цицерон?"-ответил собеседник вопросом же...

235. Безумец и Мудрец
(Un Fou et un Sage)
Безумец раз бросал камня в Мудреца,
Преследуя его; Мудрец ему на это:
"Мой друг! ты в поте своего лица
Трудился; вот тебе за то монета:
Труд по заслугам должен быть вознагражден.
Взгляни, вот человек проходит, он
Богат безмерно,
И щедро за твои дары воздаст наверно".
К прохожему Глупец направился, спеша
Нанести ему удар, в надежде барыша;
Но воздаяния дождался он иного:
Прохожий слуг созвал, и те спешат скорей
Избить Глупца и прочь прогнать едва живого.
Таких безумцев видим мы вблизи царей:
Чтоб господина позабавить,
Они на смех поднять готовы вас всегда.
Не стоит трогать их, чтоб замолчать заставить.
Притом же, если вы не в силе, то тогда,
Как вы ни гневайтесь, вам это не поможет;
Направьте их к тому, кто отплатить им может.
Н. Юрьин.

Из Федра. В одном из старинных изданий под этой басней найдено было следующее рукописное примечание: "Басня эта направлена против аббата дю Плесси, нечто вроде серьезного сумасшедшего, который вздумал подвергать при дворе цензуре не только вообще духовных лиц, но даже епископов, и которого архиепископ Реймский сумел наказать".

236. Английская Лисица
(Le Renard Anglais)
Г-жа Гарвей
Ум с сердцем в вас живут в счастливом
единении;
Достоинств сотни вы сумели совместить:
Все доблести души высокой и уменье
Делами и людьми руководить,
Всегда открытый нрав и дар друзьям быть верной,

Назло самим богам и бурным временам.
Все это похвалы достойно беспримерной,
Но только по сердцу ль она придется вам?
На речи пышные вы смотрите сурово
И похвалы для вас скучны.
Я кратким быть хочу: скажу всего два слова
В честь вашей я родной страны.
Вы любите ее. Ум англичан, бесспорно,
Равно с его характером глубок;
Все в мире опытом исследуя упорно,
Далеко знания власть распространить он мог.
Я говорю не с тем, чтоб льстить вам:
в англичанах
Способности вникать во все такой запас,
Какого нет нигде, и даже псы у вас
Имеют тоньше нюх, чем в наших странах.
Хитрее ваших нет лисиц. Я привести
В пример могу одну: она себя спасти
От ей грозившей доли
Задумала путем, невиданным дотолле.
Злодейка уж ждала гибели своей:
В погоню чутких псов за ней пустили свору.
И вот бежать в ту пору
Пришлось близ виселицы ей,
Где было множество повешено зверей.
Различные зловредные создания,
Лисицы, Совы, Барсуки,
Висели там проходим в назиданье.
Лисице нашей это и с руки:
Она себе приют среди мертвых отыскала,
И вот она висит, уподобляясь им.
Мне кажется, что здесь я вижу Ганнибала,
Когда, со всех сторон тесним
Вождями римскими; лукавством побеждает
Он неприятелей своих
И, как Лисица старая, от них
Внезапно ускользает.
Вот, наконец, передовые псы
Достигли до убежища Лисы,
Где мертвою прикинулась плутовка,
И воздух лаем их свирепым оглашен.
Но отозвал их ловчий; он
Не мог подозревать, чтобы Лисе так ловко
Направить удалось его на ложный путь.
"Наверно у нее, - сказал он, - где-нибудь
Поблизости имеется лазейка:
Недаром же никто из псов
Не забегает далее столбов,
Где этих молодцов почтенная семейка
Висит; но вновь она придет, я подожду".
И впрямь, Лиса пришла - и на свою беду!
Вот лаем залилися псы, и вот уж снова

На перекладину Лисица взобралась,
В надежде, что опять, как в прошлый раз,
Здесь для нее спасение готово;
Но тут же и пришел бедняжке конец.
Отсюда вывод ясен, без сомненья,
Что изменять порой полезно план сраженья.
А между тем, конечно, сам ловец
Едва ли бы сумел что-либо в этом роде
Для своего спасенья изобрести.
Не то, чтобы ума в нем не хватило, - есть
Его довольно в английском народе,
Но жизнью он почти не дорожит,
И это более всего ему вредит.
К вам возвращаюсь я опять...
Не для того, чтоб снова славить;
Вам похвалами докучать
Мысль эту надо мне оставить.
Какая песня наша или стих
Своей хвалою льстивой может свет забавить
И одобрение стяжать в краях чужих?
Мне кажется, на истину похоже
То, что один ваш принц сказал:
Строка, любовь внушенная, дороже,
Чем несколько страниц похвал.
Вам в дар последние усилья
Я Музы подношу своей.
Ничтожен он: стыдиться ей
Придется своего бессилья;
Но все ж бы я хотел, чтоб удалось вам
Вниманье возбудить к моим стихам
В той, что, при вашем небе хмуром,
Цитеры данников взялася к вам привлечь
И покровительство оказывать Амурам.
Конечно, догадались вы, что речь
Идет о той богине,
Которой имя Мазарини.
Н. Юрьин.

Из сборника Абстемия (прим. к б. 24). Г-жа Гарвей, которой посвящена басня, была вдова кавалера Гарвея, умершего в Константинополе на службе королю Карлу II. Лафонтен имел случай часто встречаться с ней, когда она приезжала в 1683 г. в Париж к своему брату, милорду Монтэгу, английскому посланнику при французском дворе.

237. Солнце и Лягушки

(Le Soleil et les Grenouille)

В лице царя светил от всяких зол оплот
Имели дочери болот;
Ни бедность, ни война, ни прочих бедствий бремя
Лягушечье не тяготили племя:
Росло и ширилось могущество его.
Но как ни хорошо жилось прудов царицам
(Мы так зовем Лягушек оттого,
Что имя громкое давать вещам и лицам
Не стоит ровно ничего),

Однако соблазнила их попытка
Предательством за милость отплатить.
Их наглость стало трудно выносить;
От благоденствия избытка
И гордость, и безумство их росли,
И вот они шуметь так стали непристойно,
Что уже спать никто не мог спокойно.
Когда б великие и малые земли
Поверить крику их могли,
То на Природы око
Все двинулись бы вдруг в поход:
Оно причина всех невзгод,
Оно всех истребить желало бы жестоко,
И противу него собрать
Могучую скорее надо рать.
Чуть Солнце ступит шаг, тревогу
Бьет тотчас квакающий люд,
И, снарядив послов в дорогу,
Лягушки их ко всем державам шлют.
Поверить им, так во вселенной
Все совершает свой круговорот
Вкруг жалких четырех болот;
Упреки дерзкие донине неизменно
Солнце и Лягушки
Все повторяет их язык.
Однако прекратить им лучше бы свой крик
И не вводить во искушенье,
На Солнце ропотом, его долготерпенье.
Что, ежели оно устанет вдруг терпеть
И с ними поступить захочет по иному?
Боюсь, чтоб царству водяному
Об этом не пришлось пожалеть.
Н. Юрьин.

Басня эта аллегорически говорит о возникавших тогда распрях между Голландией и Людовиком XIV, который и изображается здесь в виде солнца. Первый написал басню на эту тему Коммир (прим. к б. 227), которому Лафонтен и подражал в своей басне.

238. Союз Крыс

(La ligue des Rats)

Мышь бедная давно жила в большой тревоге:
Кот постоянно ей встречался по дороге,
И сторожил ее на каждом он шагу.
Чтоб в лапы не попасть врагу,
Желая поступить разумно в деле этом,
К соседке Крысе Мышь явилась за советом.
Та Крыса у других слыла за образец,
Так велики ее все были совершенства.
Себе жильем ее крысиное степенство
Избрало чуть что не дворец;
Она уж сотни раз хвалилась громогласно,
Что не боялася ни кошек, ни котов,
Ни их когтей, ни их зубов.
"Сударыня, - так Крыса молвила, - напрасно

Старалась бы одна Кота я победить,
Который вздумал вам вредить;
Но если б мы всех крыс собрали по соседству,
То мы бы нанесли Коту большой урон".
Тут Мышь отвесила почтительный поклон,
А Крыса к своему спешит прибегнуть средству
И к кладовой бежит, где той порой
За счет хозяина у Крыс был пир горой.
В волнении она не видит и не слышит
И от усталости чуть дышит.
"Что с вами?" - говорит одна из Крыс.
А та в ответ: "Скажу вам покороче,
Зачем я изо всей бежала мочи.
Кот Раминагробес
Стал истреблять мышей с неслыханным упорством.
Кот этот - злейший из котов.
Коль съест он всех мышей, то будет он готов
Приняться и за Крыс с подобным же прожорством".
"Да! это так! - поднялся крик.
Все за оружие возьмемся живо!"
Иные и всплакнули в этот миг,
Но им не охладить всеобщего порыва.
Повылезали Крысы все из дыр,
Вот каждая кладет в свою котомку сыр;
Клянется каждая, собравши всю отвагу,
Назад не делать шагу;
Все, как на пир, торопятся скорей,
Ликуют, точно с их души скатилось бремя.
Но Кот был, видно, их хитрей
И за голову Мышь держал уж в это время.
На помощь ринулась бедняжке вся их рать,
А у Кота в когтях трепещется добыча,
И он не только что не хочет отступить,
Но войску Крыс идет навстречу сам, мурлыча.
Заслышав этот грозный звук,
Премудрые все Крысы вдруг
Спешат, забыв к войне приготовленья,
В свои укромные места.
Свершив благополучно отступление
К своей дыре, одной лишь мыслью занята
Там Крыса каждая: не видно ль где Кота?
Н. Юрьин.

Сюжет басни принадлежит, вероятно, самому Лафонтену. В ней, как и в предыдущей, намекается на распри голландцев с Людовиком XIV. Некоторое сходство с ней имеет басня Измайлова: "Кот и Крысы".

239. Дафнис и Алцимадура
(Daphnis et Alcimadure)
Подражание Феокриту
Г-же де ла Мезанжер
Прелестной матери пленительная дочь!
Вас тысячи сердец владычицей считают,
Не говоря о тех, что дружбу к вам питают,

И тех, что страсть свою не в силах превозмочь.
Хочу я уделить - признаюсь прямо
Здесь, во вступленьи, для обеих вас
Хотя немного фимиама,
Которым славится Парнас.
Я утонченности придать ему сумею:
Приготовлять его секретом я владею.
Итак, я вам скажу... Но можно ль все сказать?
Способность выбирать у места здесь была бы.
Увы! и голос мой, и лира стали слабы,
И мне приходится им отдых дать.
Лишь ваш изящный ум, да сердца нежность,
Да красоту души хвалить придется мне.
Все эти качества - лишь ваша принадлежность.
Да той, что славлю здесь я с вами наравне.
Но берегитесь, чтобы этим розам
Шипов не повредили острия.
К Амура вы прислушайтесь угрозам:
Он лучше научить сумеет вас, чем я.
Кто к голосу его бывает глух, тем худо
Приходится... Сейчас пойдет об этом речь.
Раз дева, красоты едва расцветшей чудо,
Решилась пренебречь
И властью, и могуществом Амура.
По имени Алцимадура,
Сурова и горда, она то среди дубрав,
То в роще зеленеющей, то в поле
Плясала и резвилася на воле,
И был законом ей лишь прихотливый нрав.
Красою равная прекраснейшим, при этом
Жестокостью она жестоких превзошла.
Когда в суровости мила она была,
То как пленить она могла б своим приветом!
К несчастью, вид ее огонь любви зажег
В Дафнисе. Был он юный пастушок,
И родом благородный, и прекрасный.
Но ждать ее любви был труд напрасный:
Ни слова нежного, ни взгляда он не мог
Добиться от красавицы холодной,
И, страстью утомясь бесплодной,
Найти отраду в смерти думал он.
Отчаяньем сражен,
К дверям он девы прибежал жестокой...
Увы! ему лишь пред зефирами излить
Пришлось все муки страсти одинокой,
И не пришел никто хотя бы дверь открыть
Жилища, где, его страданья презирая,
Подругам праздник дева молодая
Устроила, свою соединив красу
С красой цветов, в лугах растущих и в лесу.
"Мечтал я умереть,-сказал он,-пред тобою,
Но ненавистен стал мой вид для глаз твоих!"

Как всех утех других,
Так и отрады этой горестной судьбою
Вкусить мне не дано.
Я поручил отцу, чтоб, по моей кончине,
Мое наследье он вручил тебе: оно
Тобою отвергалось донныне;
Пускай мои луга, мой пес и все стада
Твоими будут навсегда.
А из богатств моих остатка
Пускай мои друзья воздвигнут храм:
Твое изображение будет там;
На алтаре в цветах не будет недостатка.
Мне памятник простой пусть иссекут,
И пусть стоит вблизи он с надписью такою:
"Дафнис в любви нашел лишь смерть.
Помедли тут,
О путник, и скажи, в слезах, с тоскою:
Погиб он, признавая лишь закон
Алцимадуры бессердечной..."
Тут, прерван Паркою, не кончил речи он,
Сражен навек печалью бесконечной.
И вот, ликуя, пышно убрана,
Явилась жестокая. Напрасно
Надеялись, что хоть слезу она
Прольет над участью его несчастной.
Цитеры сын еще был оскорблен сильней:
С подругами, его не опасаясь гнева,
Вкруг статуи его плясать решила дева;
Бог на нее упал и тяжестью своей
Убил ее. И вот раздался голос с неба;
Подхвачен эхом он - и слышит целый свет:
"Пусть любит все теперь: бесчувственной уж нет".
Меж тем Дафниса тень, спустившись в мрак Эреба,
Вся содрогнулась вдруг, увидев деву там.
И слышал целый ад, как гордая просила
Прощенья у того, кого она убила.
Но не хотел теперь ее он слушать сам,
Как и Улисса речь Аякс в стране Плутона,
Иль вероломного любовника Дидона.

Н. Юрьин.

Подражание одной из идиллий Теокрита. Предполагают, что Лафонтен писал басню также под влиянием стихотворения "Амур-мститель" знаменитого французского, писавшего во вкусе древних, поэта Жана Антуана Байфа (1532-1589), сына известного в свое время дипломата и писателя, переводчика Софокла и Эврипида, Лазаря Байфа. Г-жа Мезанжер, которой посвящена басня-вторая дочь г-жи де Саблиер.

240. Третьейский Судья, Брат милосердия
и Пустынник
(Le Juge, l'Hospitalier et le Solitaire)
Желая отыскать спасенья двери,
Три человека, все святые в равной мере
И духом преисполнены одним,
Избрали для сего три разные дороги.

А так как все пути приводят в Рим,
То каждый к цели, без тревоги,
Пустился по тропиночке своей.
Один смущался тем, что тяжбы меж людей
Имеют свойство
Плодить тревоги лишь и беспокойства
И тянутся притом года; а так как он
К богатств стяжанью не стремился с жаром,
То вызвался решать все споры даром.
Мы обрекли себя, с тех пор, как есть закон,
За все свои грехи на горькую судьбину
Тягаться нашей жизни половину...
Полжизни? Нет! Порой жизнь нашу целиком!
И Миротворец наш мечтал лишь об одном:
Как в людях истребить подобное влечение.
Второй святой болящих исцеленье
Задачею избрал, - хвала ему и честь!
Способность облегчать чужих страданий бремя
Всем видам добрых дел готов я предпочесть.
Но те же, что и в наше время,
Больные были и тогда,
И ладить с ними трудно иногда
Бывало Брату милосердья.
Среди упреков он и жалоб вечных жил:
"Как много для других в нем рвенья и усердья!
Они его друзья, а нас он позабыл".
Но что все жалобы такие и укоры
В сравненьи с тем, что вынести пришлось
Тому, кто пожелал решать чужие споры!
Ах! к удовольствию сторон не удалось
Постановить ему решение ни разу:
Всегда чьему-нибудь казалось глазу,
Что был судья не прав
И в правосудия весах была погрешность.
Своих стараний видя безуспешность
И жалобы выслушивать устав,
Спешит в больницу он к товарищу.
Узнали Друзья тут, что один им был сужден удел,
И что отречься лучше им от дел,
Которым оба труд и время посвящали.
Излить свою печаль они приходят в лес.
Там, где средь голых скал бежал источник
чистый,
И где ни ветерок, ни солнца луч с небес
Не проникал под свод тенистый,
Им встретился товарищ третий их.
И просят у него они совета.
- Ищите, - он сказал, - его в себе самих:
Что нужно вам, от вас лишь можно ждать ответа.
Познать самих себя - вот в чем
Долг смертных пред Верховным Существом.
Познали ль вы себя средь суетного света?

Лишь в царстве тишины доступно это нам,
Иначе труд потратим мы напрасно.
Взмутите этот ключ, увидите ль вы там
То, что сейчас в нем отражалось ясно?
-Что видеть мы могли б тогда,
Как темным облаком затмилась бы от ила
Кристалльно чистая вода?
- Чтобы она опять ваш образ отразила,
Ей надо дать покой.
Мы созерцать себя должны в уединеньи.
Так говорил святой,
И послужил совет его им во спасенье.
Я не хочу сказать, что избегать должны
Мы должностей: ведь если мы больны,
Или судиться страстию объаты,
То нам и доктора нужны, и адвокаты.
Едва ли недостаток будет в них,
Пока к деньгам иль почестям стремленье
Жить будет в людях; но в заботах мелочных
У нас является самих себя забвенье.
Вы, чью заботливость встречаем мы везде,
О сильные земли! вас, среди тревог обычных,
Смущают тысячи случайностей различных:
В дни счастья гордые, дрожащие в беде,
Не видите себя, поверьте, никогда вы,
Да вы и никого не видите вокруг;
Когда ж об этом мысль порой придет вам
вдруг,
Вас тотчас прерывает лстец лукавый.
Я этим завершу свой труд. Таков урок,
Который я векам грядущим завещаю!
Царям и мудрецам его я предлагаю,
И чем бы лучше я закончить мог?
Н. Юрьин.

Басня написана под влиянием "Житий святых отцов пустыни" французского публициста Арно д'Андильи (1560-1619), сторонника Генриха IV, защитника парижского университета против иезуитов.